12407

B67

12407

2300
311
В67

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЙ
ПЕРМОНТОВСКОЙ БИБЛИОТЕК

1207

9781S <

В. А. Волжинъ.

В67

НАШИ ТУЛУПОВЦЫ.

ПОВѢСТИ.

I. Нищій чиновникъ.
II. Бабій клубъ.
III. Чудакъ-благотворитель.

278215

Пен. ... б-ка
им. М. Ю. Лермонтова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Мучника, Литейный просп., 43.
1893.

12407

Нищій чиновникъ.

I.

Постоялый дворъ Савельихи,—что на Гнѣздиловкѣ въ Тулуповѣ,—съ незапамятныхъ временъ служилъ убѣжищемъ всѣмъ босякамъ и золоторотцамъ. Какого только народу въ немъ ни перебывало за многолѣтній періодъ его исторіи! И всевозможные поденщики, и пропившіеся мастеровые, нищіе, и „некрута“, и присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, подчасъ даже оскудѣлые и сбившіеся съ линіи „господа дворяне“, въ перемежку съ завзятыми карманниками и жуликами,—ютились въ промозглыхъ стѣнахъ его—то въ общемъ помѣщеніи, на нарахъ и подъ нарами, то—за перегородками, въ чуланахъ и нумерахъ, глядя по обстоятельствамъ и степени достатка. Трешникъ или семишникъ за ночевку, глядя по человѣку и времени года, открывали доступъ сюда всѣмъ и каждому,—съ тою лишь разницею, что многіе, уже́ извѣстные Савельихѣ, голоштаники и босяки могли ночевать и въ кредитъ, а то—и подъ залогъ своей одежи и

„струмента“. Сколько именно босяковъ проживало у Савельихи—она и сама хорошо не знала,—народъ былъ все больше случайный и перемѣнный,—а можно было ихъ сосчитать развѣ только на разсвѣтѣ, когда Савельиха собирала подать съ своихъ ночлежниковъ. Обмануть и провести Савельиху въ отношеніи расчета за ночевку не было возможности, да и никто бы на это не рѣшился: вѣдь тогда Савельиха навсегда закрыла бы двери для виновнаго, а память у ней была удивительная. Даже отъявленные мошенники считали долгомъ чести ублаготворять Савельиху по всѣмъ ея денежнымъ претензіямъ, чтобы не лишиться и въ лихое время ея гостепріимнаго пристанища.

— Ты перво-на́-перво должонъ хозяйку помнить по положенію: она—матка наша! Опосля гуляй во всю! говорили босяки при дѣлежѣ своихъ заработковъ и случайной добычи.

Лѣтосчисленіе велось босяками по смѣнявшимся полицмейстерамъ и частнымъ приставамъ.—Эко ты хватилъ! Еще Сопѣлкинъ тогда въ чижовкѣ повѣсился! Чай, это было при Кантовѣ; еще частный былъ тогда Любимовъ—звѣрь, а не человѣкъ!—насквозь нашего брата пробиралъ! вспоминали они.

Полиція, въ лицѣ караульщиковъ, околоточныхъ—городовыхъ и даже чиновниковъ, ежедневно навѣщала дворъ Савельихи—то съ повѣстками, то за какими-нибудь справками, то для производства обыска, то просто по обычаю, чтобы золоторотцы всегда чувствовали, что и за ними есть глазъ и всякое начальство. Дворницкія дѣла Савельихи шли превосходно. Немалый доходъ выручала она и съ своей

чайной лавочки, гдѣ въ чайникахъ нерѣдко подавали разбавленную сивуху подъ видомъ чая. Но уличить Савельиху въ этой „коммерціи“ не было возможности, такъ что даже сама полиція чувствовала невольное уваженіе къ этой очень умной и изворотливой бабѣ, которая орудовала своимъ постоялымъ дворомъ лучше всякаго заправскаго дворника. Отъѣвшаяся на чаяхъ и калачахъ, Савельиха, несмотря на свои 40 лѣтъ, была все еще краснощекая и видная женщина, такъ что нѣкоторые босяки мечтали пристроиться ко вдовицѣ то въ качествѣ полюбовника, а то и въ роли настоящаго хозяина... Но Савельиха только надъ ними посмѣивалась.— Еще рыломъ не вышелъ! говорила она: вотъ когда будешь купцомъ, тогда другое дѣло!

Пропитанная специфически-жилымъ воздухомъ, общая „фатера“ освѣщалась горѣвшею всю ночь керосиновою лампою съ огромнымъ бѣлымъ жестянымъ зонтикомъ. Въ почетномъ углу, подъ иконами, на лавкѣ сидѣлъ за столомъ отставной чиновникъ Андрей Ильичъ Вихровъ. Онъ былъ безъ сюртука, въ худенькихъ штанахъ и жилетѣ. Опухшій носъ на землистомъ и давно небритомъ лицѣ, а также и стоявшая предъ Вихровымъ, почти уже опорожненная, бутылка съ „лучшимъ столовымъ виномъ“ и краюшкой папошника,—ясно свидѣтельствовали съ одной стороны о претерпѣнномъ имъ крушеніи въ жизненномъ пути, а съ другой—объ его обычномъ пьянствѣ...

Въ этотъ разъ компанію для Вихрова поддерживалъ уже не молодой, черноватый и необыкновенно „учливый“, горчайшій пьяница, портной Кожуркинъ,

который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ доказывалъ, что „нонѣ нашему брату не пить никакъ невозможно; потому—намъ супротивъ жидовъ съ машинами и фасонами не выстоять... Теперь, стало быть, изъ Москвы въ три дня какихъ угодно туалетовъ навезутъ... никакой коммерціи не подведешь!“—Кожуркинъ считалъ себя человѣкомъ образованнымъ, любилъ выражаться нѣсколько витіевато и говорилъ на распѣвъ, почти дискантомъ.

— Образованіе, братъ, великое дѣло! ораторствовалъ Вихровъ, отпивая изъ стаканчика.—Къ примѣру, читаешь ты въ газетѣ али тамъ въ книжкѣ: активъ, пассивъ, кредитоспособность, лойяльность. Ты съ своимъ необразованіемъ подумаешь: лойяльность—это что-нибудь насчетъ собачьей брехни! Анъ нѣтъ: состоишь ты въ пассивѣ предъ Савельихой—должонъ ей отдавать семитки за ночевку и завсегда ей всякое удовольствіе производить: вотъ это и есть лойяльность! Нѣтъ у тебя семишниковъ или трешниковъ, активъ свой—утюги предоставилъ Савельихѣ въ обезпеченіе,—вотъ это, стало быть, она тебѣ credit, а ты ей—дебетъ... Всю, братъ, эту науку я проходилъ досконально: всякую тебѣ книжку прочту и разскажу какъ по-писаному. А если я теперича на одной съ вами линіи, такъ это, братецъ, ничего не значитъ: и короли бываютъ въ изгнаніи... Оно даже пользительно этакую науку жизни, въ нѣкоторомъ родѣ удары судьбы пройзойти. Вѣдь я, братецъ ты мой,—коллежскій ассесоръ,—все равно что майоръ! Активъ у меня, положимъ, неважный,—и Вихровъ стукнулъ ногой о торчавшій изъ-подъ лавки сундучишко: вотъ и вся

моя канцелярія! Ну, зато насчетъ прошеніевъ али тамъ какихъ докладовъ, выборокъ, заключеній и статей закона—любого вашего адвоката за поясъ заткну...

— Мнѣ-съ, Андрей Ильичъ,—говорилъ портной, трагически ударяя себя въ грудь,—безпремѣнно-съ надыть съ хозяиномъ права найтить: ежели я, къ примѣру, пинжакомъ не потрафилъ,—гдѣ-же это законъ, чтобы мнѣ накладывать въ шею? Ну, точно, прогулялъ я пять денъ: слабъ человѣкъ! а все-же надо-бы и уваженье сдѣлать въ расчетѣ... А онъ, аспидъ,—какъ есть ничего въ резонтъ не принимаетъ: „меня, говоритъ, съ твоимъ пинжакомъ на весь городъ охаяли! Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ тебѣ порогъ!“ да какъ ахнетъ въ салазки (мужчина, что и говорить, грузный!),—такъ я ажъ на тротуаръ вылетѣлъ... Мальчишки и тѣ смѣялись. Ну, послѣ эфтихъ дѣловъ, я еще шибче загулялъ: двѣ недѣли былъ точно въ безчувствіи, словно скотина безсловесная! Булочкой, сказываютъ, меня кормили—ничего въ нутро не идетъ!

— Это, братецъ ты мой, въ законѣ самоуправствомъ именуется, да еще съ насиліемъ... Мы и статью подведемъ. Только нонича рука не возьметъ... Овремени! А теперь, братъ, наливай съ донушка! Ну,—послѣднее и шабашъ! Остатки—сладки! А завтра, чтобъ было опохмѣлиться—твое, значитъ, угощеніе!

И Вихровъ выпилъ, закусилъ корочкой и дикимъ голосомъ запѣлъ: „Отъ кости моея обуреваютъ мя страсти!“ Далѣе языкъ сталъ ему измѣнять. Расцѣловавшись съ портнымъ, Вихровъ что-

то бормоталъ нескладное, потомъ совсѣмъ осовѣлъ, легъ на свою цыновку и мѣшокъ съ сѣномъ и захрапѣлъ.

А портной Кожуркинъ продолжалъ жестикулировать и уже разсуждалъ самъ съ собою, поглядывая, впрочемъ, на палати, гдѣ лежали плотники, которые только-что принесли съ собою кучи щепъ и бревешки на топливо: „Какія-же это, стало быть, права накладывать нашему брату въ шею? Ужь я ему улью щей на ложку, какъ есть по закону! А еще, аспидъ этакій, хозяиномъ прозывается!“

II.

Пока Вихровъ безмятежно почиваетъ на своей цыновкѣ,—будетъ не лишнимъ разсказать исторію его крещенія.

Изъ какого онъ былъ рода-племени—объ этомъ никто въ точности не зналъ. Выданный же изъ губернскаго правленія указъ объ отставкѣ гласилъ, что коллежскій ассесоръ Вихровъ, 53-хъ лѣтъ, уволенный по домашнимъ обстоятельствамъ,—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; учился въ гимназіи, но курса не окончилъ; подъ судомъ, въ штрафахъ и въ походахъ не былъ; недвижимости и знаковъ отличія у него нѣтъ. Онъ—вдовъ и имѣетъ дочь Надежду, родившуюся 15-го сентября 1869 г.

Нѣкоторое отношеніе къ фамиліи Вихрова, какъ-будто, имѣло то случайное обстоятельство, что у него была плѣшина отъ выдраннаго пучка волосъ. Говорили, что этотъ пучекъ выдрали у него, отличавшагося своими соблазнительными вихрами, еще

на школьной скамьѣ, его-же товарищи, а вѣрнѣе—учителя; другіе-же утверждали, не безъ нѣкотораго правдоподобія, что злополучные вихры выдрали губернскіе полисмены, когда тащили пьянаго и сопротивлявшагося Вихрова въ затрубную для вытрезвленія...

Еслибы не пагубная канцелярская привычка справлять двадцатое число ежемѣсячно, то Вихровъ былъ бы чиновникомъ хоть куда. Никто лучше его не переписывалъ рапортовъ въ сенатъ съ разными закорючками и выкрутасами, а при всемъ этомъ онъ могъ даже составлять бумаги. Быстро выдвинувшись изъ писцовъ въ регистраторы, Вихровъ исправлялъ должность секретаря. Онъ женился на поповой дочкѣ и взялъ на тысячу руб. приданаго. Самъ вице-губернаторъ удостоилъ быть его посажонымъ отцомъ. Объ этомъ событіи долго толковали и рядили въ городѣ. Но жена Вихрова Александра Ивановна вскорѣ умерла, а дочурка Надя осталась послѣ матери по четвертому году. Черезъ семь лѣтъ рѣзвая, шаловливая и прехорошенькая Надя поступила въ гимназію и училась прекрасно. Отъ разныхъ обожателей ей не было проходу. Говорили, что на нее засматривался даже учитель исторіи, такъ что изъ этого чуть-было не вышло въ гимназіи „исторіи“... Не отличавшійся хорошею памятью, учитель съ этихъ поръ, видимо для всѣхъ, немилосердно сталъ перевирать хронологію и нѣсколько разъ проваливался въ своихъ познаніяхъ во время классныхъ уроковъ и даже на экзаменахъ. Надъ длиннымъ и тощимъ обожателемъ смѣялись, а Надю подружки дразнили учителемъ; смѣялась и

сама Надя: „ну чѣмъ я виновата, если на него нашла дурь!“ оправдывалась она. Но вскорѣ-же для Нади наступило дѣйствительное несчастіе: кружившая всѣмъ головы, гимназистка шестого класса вдругъ сама и не на шутку увлеклась однимъ восьмиклассникомъ—гимназистомъ. Начались почти ежедневныя прогулки по Московской и Дворянской улицамъ, а иногда и за городъ—на пикники; а въ результатѣ вышло, что Надя сдѣлалась притчей во языцѣхъ и потеряла талію... Начальница и классныя дамы только ахали и сплетничали; губернскія кумушки лицемѣрно вздыхали, качали головою, припоминали подобные-же скандалы въ женской гимназіи и шушукались, а Надя, въ ожиданіи постановленія совѣта объ исключеніи, перестала ходить въ гимназію по болѣзни...

Однажды, придя со службы, Вихровъ нашелъ письмо. Руки у Вихрова задрожали. Ни Нади, ни пожитковъ ея уже не было...

„Милый и несчастный папа, я болѣе не могла оставаться съ тобою въ городѣ, и едва-ли когда и гдѣ-нибудь ты найдешь меня. Забудь, что у тебя была дочь Надя и считай ее какъ-бы умершей! Зачѣмъ меня разыскивать? Вѣдь не могу же я возвратиться, чтобы на насъ-же показывали бы пальцами. Я знаю, что поступала и поступаю дурно; но иначе поступать я не могу. Если можешь, то прости меня ради Христа и въ память бѣдной мамы! Кусокъ хлѣба я для себя найду.

Надя Вихрова“.

Куда исчезла Надя—никто въ точности не зналъ. Говорили, что ее увезъ гимназистъ, сдѣлавшійся студентомъ. Но, по самымъ тщательнымъ справкамъ, никакихъ слѣдовъ проживанія ея въ томъ университетскомъ городѣ не было. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже прошелъ слухъ, что Надя помѣстила своего ребенка въ воспитательный домъ, а сама уѣхала куда-то съ какимъ-то антрпренеромъ въ качествѣ театральной горничной или кассирши. Далѣе говорили уже, что Надю видали въ какомъ-то большомъ городѣ, на ярмаркѣ, въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ и въ качествѣ общедоступной красавицы...

Кой-какіе изъ этихъ пикантныхъ слуховъ доходили и до отца и горько отзывались въ его сердцѣ. Конечно, Андрей Ильичъ запьянствовалъ еще сильнѣе: теперь было уже оправданіе и въ собственныхъ глазахъ для почти безпросыпнаго пьянства.

Терпѣли—терпѣли Вихрова на службѣ, снисходя къ отцовскому горю, и, какъ водится, надавали ненужныхъ ему съ три короба совѣтовъ. Наконецъ стали и выговаривать ему. Однажды самъ посажоный папенька, вице-губернаторъ, страшно распекъ его. А когда и послѣ этой головомойки неоднократно поднимали Андрея Ильича съ улицы, гдѣ-нибудь подъ заборомъ, въ растерзанномъ видѣ и въ сюртукѣ съ форменными пуговицами, то начальство погребовало, чтобы Вихровъ болѣе не срамилъ мундира и подалъ бы въ отставку по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ.

И вотъ Вихровъ—уже отставной коллежскій ассесоръ. А Нади все нѣтъ и нѣтъ...

III.

Пилъ—пилъ Вихровъ, а горя своего не пропилъ Зато „добро“ въ его квартирѣ таяло съ быстротою весенняго снѣга. Надо было думать и о кускѣ хлѣба, и о томъ гдѣ-бы преклонить свою буйную и посѣдѣвшую головушку. Другой разъ крѣпился Вихровъ, не пилъ мѣсяца по два, и тогда онъ перебивался больше перепиской—то какого-нибудь канцелярскаго отчета, то—театральныхъ ролей, а то и у адвоката Пульхритудова строчилъ копіи съ исковыхъ прошеній и апелляцій по двугривенному съ листа, и то—только потому, что у него былъ четкій и прекрасный почеркъ. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и хожденій, Вихрову удалось пристроиться, по вольному найму, въ канцелярію прокурора, и здѣсь-же за особую плату онъ переписывалъ акты и заключенія для товарищей прокурора. Будучи отъ природы весьма толковымъ человѣкомъ, Вихровъ вскорѣ-же понаторѣлъ въ уголовныхъ законахъ, а съ этими-то знаніями и заручившись близкими отношеніями къ прокурорскому секретарю, онъ успѣшно могъ конкурировать съ любыми писателями прошеній и подпольными адвокатами. Когда-же, наконецъ, Вихрова попросили удалиться и изъ канцеляріи прокурора, по причинѣ того-же пьянства, то онъ увидалъ, что ему остается только перебраться съ своимъ сундучкомъ въ квартиранты къ Савельихѣ... Такъ онъ и сдѣлалъ.

Савельихѣ было очень интересно имѣть Вихрова своимъ квартирантомъ. Онъ и законы смекалъ, и писать былъ гораздъ. Къ тому-же онъ былъ и не-

совсѣмъ мелкій чиновникъ; а судебныя и всякія другія дѣла, по которымъ требовалось писаніе прошеній, не переводились на ея постояломъ дворѣ. Зато и Вихровъ быстро сообразилъ все свое важное значеніе въ этомъ пристанищѣ. Прежде всего онъ выговорилъ себѣ въ исключительное пользованіе почетный уголъ подъ образами, куда онъ и клалъ на полочку свои очки. Этими очками Вихровъ положительно гипнотизировалъ своихъ кліентовъ, вселяя въ нихъ уваженіе къ своей особѣ. Когда надо было писать прошеніе,—Вихровъ медленно и торжественно доставалъ очки съ полочки, вынималъ изъ старенькаго футляра, долго протиралъ стекла, морщилъ лобъ и съ особою важностью напяливалъ себѣ на носъ. Это было своего рода священнодѣйствіемъ. Затѣмъ вынималась бумага „изъ канцеляріи", то-есть изъ торчавшаго подъ лавкой сундука; вынимались оттуда-же и съ раскрашеннымъ обрѣзомъ судебные уставы стараго аннинскаго изданія. Замѣчательно, что хотя босяки не рѣдко обворовывали другъ друга, но за четыре года проживанія Вихрова на томъ-же постояломъ дворѣ не бывало случая, чтобы у него хотя что-либо пропадало изъ незапиравшагося сундука, а между тѣмъ бывали тамъ и деньжонки, выручаемыя за писаніе прошеній. Боязнь-ли вооружить противъ себя такого опытнаго законовѣда и писателя, какъ Вихровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорожившую имъ хозяйку Савельиху, или же увѣренность, что онъ сумѣетъ быстро изобличить виновнаго,—все это вселяло къ Вихрову какое-то особое уваженіе со стороны босяковъ. А въ особенности же онъ умѣлъ поддерживать свой

авторитетъ объясненіями политическихъ событій и разныхъ правительственныхъ мѣропріятій, о которыхъ тѣмъ-же босякамъ приходилось слышать отъ людей. Когда-же Вихровъ, слегка подвыпивши, начиналъ читать вслухъ что-либо божественное, то его сходились слушать даже посторонніе. А читалъ онъ дѣйствительно хорошо и даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. Случалось, что отъ его выразительнаго чтенія иного босяка прошибала слеза; другіе-же громко вздыхали и сочувственно высказывали чтецу одобреніе разными восклицаніями и характерными замѣчаніями. Вотъ почему босяки имѣли обыкновеніе тащить къ Вихрову всякіе попадавшіеся имъ обрывки и цѣльные нумера газетъ, разрозненныя книжки и брошюры: „Тамъ ужь Андрей Ильичъ разберетъ!“ говорили они. Къ тому-же Андрею Ильичу обращались босяки и съ просьбами: „нѣтъ ли какой завалящей бумажки на цыгарки?“ Все это дѣлало Вихрова весьма популярнымъ въ средѣ босяковъ, и въ извѣстной мѣрѣ онъ былъ для нихъ необходимъ, какъ человѣкъ болѣе ихъ образованный и знающій. Но въ то-же время странный онъ былъ человѣкъ! Хотя Вихровъ, въ сущности, ничѣмъ почти не отличался отъ разныхъ оборванцевъ и нищихъ, но всякій разъ до глубины души обижался, когда кто-либо, на улицѣ, протягивалъ ему мѣдякъ, какъ нищему.—„Покорно благодарю-съ! Я-съ чиновникъ и могу-съ еще работать по письменной части. Нѣтъ ли гдѣ какого мѣстечка?“ говорилъ онъ. Но въ напрасныхъ поискахъ мѣстечка проходили цѣлые мѣсяцы, которые разнообразились только большимъ или меньшимъ пьянствомъ. Когда-же

Вихровъ выходилъ на поденщину и принимался колоть ледъ, чистить снѣгъ, копать и таскать землю, то всѣ эти попытки вызывали только смѣхъ и добродушныя остроты со стороны тѣхъ-же босяковъ: „Нѣтъ, баринъ, ты еще не наковырялся! Перышкомъ скорѣе камушекъ поднимешь! Эвося какъ сердешный упарился! Ну, поштенный господинъ!..“ и такъ далѣе. И Вихровъ самъ отлично понималъ, что въ поденной работѣ, требующей сноровки и прежде всего мускульной силы, онъ не можетъ поравняться даже съ самымъ послѣднимъ, лядащимъ мужичонкой. Притомъ-же знавшіе Вихрова обыватели стѣснялись нанимать чиновника, да еще стараго, на поденщину, а люди въ первый разъ его видѣвшіе догадывались по самой его внѣшности и разговору, что имѣютъ дѣло съ пропившимся чиновникомъ.

IV.

Дни проходили за днями. О Надѣ Вихровъ хотя и вспоминалъ, но на разспросы любопытныхъ говорилъ только: „была у меня дочь да сплыла!“ и, вздыхая, махалъ рукою, не пускаясь въ подробности.

Бывали минуты, когда Вихровъ, почти трезвый, самъ бичевалъ себя, предаваясь размышленіямъ.

— Что ты былъ и чѣмъ сталъ? и что есть у тебя?—пародировалъ онъ слова изъ пѣсни Кольцова.—Ни кола, ни двора! по-простому говоря—ни шиша соленаго! Ну, это бы еще ничего! А вотъ дочку-то спустилъ... ищи вѣтра въ полѣ! Бобыль

я окаянный! Чего за дочкой не глядѣлъ? Азъ есмь презрѣнный червь и пьяница!

Уже была половина марта. Весеннее солнышко такъ припекало среди дня, что кое-гдѣ уже чернѣла изъ-подъ снѣга земля, а у заборовъ пробивалась крапивка. Откуда-то появились совсѣмъ не зимнія и весело чилыкавшія птички...

— Нѣтъ, такъ невозможно весь вѣкъ коротать у Савельихи, думалъ онъ: въ деревню что-ли уйти на какое ни на есть мѣсто... хоть въ сторожа!

И вотъ въ такомъ скорбномъ и приподнятомъ настроеніи духа заснулъ Андрей Ильичъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ образами, укрывшись ватнымъ порыжѣвшимъ пальтишкой. Было уже около полночи.

И видитъ онъ: что за красавица-дѣвица обнимаетъ его?—Да это сама Надя въ форменномъ зеленомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ. Боже мой, какая она веселая, стройная и цвѣтущая! Да къ тому-же и выросла!

— Здравствуй, милый папочка! защебетала она.— Вотъ и я пріѣхала... Развѣ ты не ждалъ меня? Поглядп, какую я тебѣ подушку и туфли вышила! Только не говори, пожалуйста, начальницѣ и класснымъ дамамъ, что я пріѣхала! Какія онѣ злыя, презлыя, эти старыя дуры! Я знаю, что онѣ хотятъ заколоть меня своими длинными, предлинными булавками, хотятъ вырвать у меня сердце и запереть въ темный чуланъ, подъ лѣстницей... А пьютъ онѣ уксусъ съ мѣломъ, милый папочка! Ха-ха-ха!— уксусъ! Сплетничаютъ да грызутся! Уѣдемъ! уѣдемъ отсюда поскорѣе! Только ты возьми съ собою и

бѣдную маму! Она—больная, больная лежитъ въ холодномъ сараѣ и зоветъ тебя! Ай, какъ тамъ холодно! очень холодно, папочка! брр!.. А у меня сыночекъ есть Ваня—прелесть что за мальчишка! Вѣдь ты — старенькій, глупенькій дѣдушка, папочка!—дѣдушка! ха-ха-ха! Только теперь я не покажу Ваню... сглазишь! Уѣдемъ! уѣдемъ скорѣе! Ахъ, какъ отъ тебя водкой пахнетъ! Папочка, зачѣмъ-же ты пьешь?..

Вдругъ взвизгнула расхлобыстнувшаяся дверь съ кирпичемъ на веревкѣ и раздались звуки гармоники чуть не надъ самымъ ухомъ Вихрова...

То гуляющій картузникъ Аѳоня ввалилъ съ пьяною компаніею къ Савельихѣ на побывку. Вихровъ вздрогнулъ: сперва морозъ пробѣжалъ по его спинѣ; затѣмъ вдругъ съ нимъ началась испарина... Очнувшись отъ сновидѣній и узнавъ картузника, онъ обратился къ нему съ замѣчаніемъ: „можно-бы и потише! что булгачишь народъ?“

Понгравши „барыню-сударыню“ и потоптавшись „для форсу“, картузникъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь предъ товарищами отъ замѣчанія Вихрова, обратился къ нимъ съ такими рѣчами: „пойдемъ, ребята, къ Трефилычу, а нѣтъ—такъ къ Дунькѣ Кургузой! Намъ здѣсь не рука: вишь, тутъ ихъ благородіе почиваютъ!“—И пьяная компанія убралась, а дверь снова завизжала...

Долго ворочался Вихровъ на своей цыновкѣ.

— Надо-бы панихидку по Александрѣ Ивановнѣ отслужить! И что это мнѣ моя покойница привидѣлась, да еще зоветъ меня въ какой-то холодный сарай! А Надя?

При этомъ Вихровъ вздохнулъ и на разсвѣтѣ, противъ обыкновенія, какъ-то особенно усердно помолился. Къ удивленію босяковъ, онъ отказался даже отъ угощенія водочкой и только выпилъ нѣсколько стакановъ чая съ ситничкомъ. Послѣ этого Вихровъ воздерживался отъ вина двѣ недѣли...

V.

Вотъ ужь и 1-е апрѣля.

Когда Вихровъ, напяливъ очки, переписывалъ прошеніе для одного босяка, вошелъ почтальонъ и, швырнувъ на лавку открытое письмо, сказалъ: „Андрею Ильичу!“

На постояломъ дворѣ письма, вообще, были рѣдкостью, а Вихровъ ужь и не помнилъ когда онъ въ послѣдній разъ получалъ письма. Онъ вздрогнулъ: ужь не отъ Нади ли?—Нѣтъ, письмо было за подписью Гвоздева, служившаго въ губернскомъ правленіи столоначальникомъ.

„Дружище Андрей Ильичъ!

„Вчера заходилъ адвокатъ П. А. Пульхритудовъ (ты его никакъ знаешь: писалъ у него) и спрашиваетъ: нѣтъ ли у васъ какого хорошаго писаря рублей на 10, на 15 въ мѣсяцъ?—Вотъ я о тебѣ и вспомнилъ. Валяй къ нему скорѣе и не зѣвай, а то писателей у насъ больше чѣмъ собакъ“.

„Твой закадыка Гвоздевъ“.

Усиленно забилось сердце у Вихрова. Швырнувъ неоконченное прошеніе въ „канцелярію“, то-

есть въ сундучишко подъ лавкой, Вихровъ изъ того-же сундучка досталъ свое парадное одѣяніе—форменный сюртукъ съ бронзовыми пуговицами, наскоро почернилъ сальцемъ съ сажею свои „просившіе каши“ сапоги, облачился въ ватное пальтишко, служившее ему одѣяломъ и видавшее всякіе виды, и, перекрестившись, пошелъ рысцою къ Пульхритудову, безъ калошъ, по морозцу...

Дѣла у Пульхритудова, въ смыслѣ загребанія денегъ, шли превосходно; а потому и обширная квартира его была обставлена хоть куда: тропическія растенія, недорогія, но игривыя и въ пошломъ жанрѣ, картины—преимущественно обнаженныя женщины, внушительные шкафы съ книгами и папками и даже рояль. Успѣхамъ молодого холостяка въ высшемъ свѣтѣ мѣшало только кутейницкое его происхожденіе; университетскій же дипломъ и званіе присяжнаго повѣреннаго не могли совершенно снять съ его личности семинарскаго отпечатка. Тѣмъ не менѣе аппетиты, нахальство и самомнѣніе Пульхритудова вполнѣ соотвѣтствовали его крупному гонорару отъ кліентовъ, которыхъ онъ искусно уловлялъ и оплеталъ, нерѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ, своими медоточивыми рѣчами.

Часовъ въ 10 утра Вихровъ робко позвонилъ. Дверь отперъ уже знакомый ему лакей Захаръ.

— Не велѣно пущать вашего брата, кабацкихъ писателей. Баринъ еще не вставали...

— Что вы, Захаръ Петровичъ! Да вѣдь я—по дѣлу, какъ есть по настоящему дѣлу... Когда, Богъ дастъ, дѣло уладится,—угощеніе вамъ безпремѣнно:

мы тоже положеніе знаемъ. Мнѣ сказывали, Ивану Ликсѣичу писецъ требуется...

— Экъ вы куда хватили! Не видывалъ я вашего угощенія! У насъ нынче мамзели замѣсто секретарей служатъ: такъ будетъ по-модному, по-новому, по французскому... Таперича во всѣхъ конторахъ,—телеграфъ-ли, нотаріусъ-ли,—мамзели. Анфису Павловну, чай, знаете?—Король-дѣвка—что́ и говорить!--всякія книжки читаетъ и на фортепьянахъ играетъ. Вотъ, стало быть, Анфиса-то у насъ и дѣйствуетъ... Отъ Ивана Ликсѣича мнѣ строгій приказъ: безъ звонка не входить, а какъ приходитъ Анфиса для занятіевъ, такъ прежде всего всѣ шторки на запорки, чтобы то-есть ни одна душа не видала что у нихъ тамъ дѣлается. Сказывалъ Иванъ Ликсѣичъ, что у него теперь какіе-то цыфровые разсчеты и пропасть всякаго писанія, такъ чтобъ, когда Анфиса съ имъ занимается,—и просителевъ-то принимать съ опаской и съ оглядкой: долго-ли дѣвицу оконфузить! Она и сейчасъ съ имъ. Какъ-же! Возьметъ онъ теперь вашего брата!—на кого шута? Сейчасъ просители,—кліенты што-ли,—придутъ...

Въ сердцѣ у Вихрова такъ и похолодѣло.

— Да какъ-же это, Захаръ Петровичъ! Я и письмо получилъ, что меня требуютъ для занятій! прихвастнулъ онъ.—Вотъ и письмо отъ Гвоздева. Нельзя-ли доложить? Если не вставалъ, я подожду хоть на улицѣ...

— Проваливайте! Проваливайте! Не время съ вами проклажаться! Говорятъ вамъ русскимъ толкомъ: сейчасъ кліёнты придутъ. А всякихъ нищихъ

не велѣно пущать: потому для барина, да еще для адвоката, это—конфузъ...

Нечего дѣлать: вѣдь не драться же съ Захаромъ! Оставшись на улицѣ и прохаживаясь у адвокатскаго подъѣзда, Вихровъ твердо рѣшился дождаться выхода Пульхритудова изъ апартаментовъ. Вскорѣ-же прошмыгнули къ Пульхритудову сперва поджарый франтъ въ цилиндрѣ, съ моноклемъ и хлыстикомъ, а потомъ дебелый кліентъ, должно быть.—купчина. Но Пульхритудову, занятому съ Анфисой, конечно, было не до кліентовъ, такъ что они вскорѣ-же ушли. А Вихровъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, рѣшился во что-бы то ни стало предстать предъ адвокатскія темныя очи,—и онъ рѣзко позвонилъ.

Отперевъ дверь и увидавъ, что звонили не кліенты, а все тотъ-же оборванецъ Вихровъ, Захаръ пришелъ въ неописанную ярость. Обругавъ Вихрова что ни на есть крѣпчайшими словами, Захаръ безъ церемоній вытолкалъ его въ шею и съ такою силою двинулъ въ спину, что разорвалъ пальто, и Вихровъ упалъ на тротуаръ. По счастью или къ несчастью, на улицѣ никого не было по близости. Да еслибъ и нашлись свидѣтели,—что толку? Не заводить же дѣло съ Захаромъ!...

VI.

— Униженъ и оскорбленъ!—почти вслухъ думалъ Вихровъ, поднимаясь съ тротуара и отряхиваясь.—Вотъ тебѣ и мѣсто!...

Обращаться къ Гвоздеву за разъясненіями по

поводу его письма Вихровъ счелъ совершенно излишнимъ. Не все-ли равно: вздумалъ-ли Гвоздевъ, ради перваго апрѣля, некстати подшутить надъ нимъ, своимъ старымъ товарищемъ, извѣщая его объ открывшемся у Пульхритудова мѣстѣ писца, а можетъ быть объ этомъ мѣстѣ дѣйствительно сболтнулъ и самъ Пульхритудовъ... Во всякомъ случаѣ гдѣ-же ему, Вихрову, конкурировать съ красивой и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ Анфисой Павловной!

И вотъ Вихровъ побрелъ къ себѣ домой.

На бѣду еще подулъ рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ. Носившіяся въ весеннемъ воздухѣ тучи разразились сильнымъ снѣгомъ. Вихровъ измокъ и прозябъ до того, что зубы у него стучали; рѣдко доводилось ему такъ зябнуть даже зимою...

Вдругъ Вихрова неудержимо потянуло къ вину... И вотъ, прорвавшись послѣ долгаго воздержанія и почти на тощій желудокъ, онъ шибко закурилъ... Даже привыкшіе къ пьянству босяки и тѣ удивлялись на этотъ разъ во что только и на какія средства пьетъ Вихровъ. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ полштофы такъ и летали у него со стола, замѣнялись новыми полуштофами и бутылками; а въ сундучишкѣ быстро приходилъ къ концу послѣдній скарбъ. Уже начиналась съ Вихровымъ бѣлая горячка. Всѣхъ онъ хотѣлъ предать суду; вычитывалъ наизусть какія-то статьи закона и произносилъ цѣлыя тирады изъ составляемыхъ имъ прошеній; то призывалъ Надю и въ чемъ-то ее укорялъ, то бормоталъ псалмы и молитвы, то грозился сослать Захара въ каторжныя работы за какое-то убійство, то, наконецъ, вступалъ въ препираталь-

ства съ грезившимися ему чертями, которыхъ онъ стращалъ св. Николаемъ чудотворцемъ, а по временамъ дико вскрикивалъ... Жалокъ былъ Вихровъ, очень жалокъ!

Савельиха уже поговаривала, что во избѣжаніе хлопотъ слѣдуетъ отправить Андрея Ильича въ земскую больницу; но этому рѣшительно воспротивились дежурившіе у постели босяки, которые отъ души жалѣли Вихрова, обѣщали Савельихѣ отвѣчать за него во всемъ, а между тѣмъ тихонько сообщали другъ другу. что и безъ больницы скоро наступитъ Вихрову конецъ...

Предчувствіе босяковъ оправдалось. Однажды ночью, передъ свѣтомъ, лежавшій съ открытыми глазами и бормотавшій какую-то безсмыслицу, Вихровъ почувствовалъ, что его точно кто изо всей силы ударилъ по головѣ, такъ что у него посыпались искры. Онъ хотѣлъ что-то сказать, захрипѣлъ и... отошелъ въ вѣчность. Напрыжившіяся жилы и почернѣлое лицо не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Вихровъ умеръ отъ апоплексіи.

Явился сѣдой священникъ и наскоро отслужилъ панихиду.—„А все водочка! водочка!“ сказалъ онъ уходя и опустилъ въ свой карманъ полученный отъ босяковъ двугривенный.

Многіе изъ золоторотцевъ искренно плакали, какъ-будто Вихровъ былъ для нихъ очень близкій и родной человѣкъ. Даже Савельиха и та всплакнула. Пробовалъ позубоскалить Гришка Корявый, но босяки показали ему кулакъ и такъ на него цикнули, что тотъ сразу замолчалъ.

Явился полицейскій чиновникъ, что-то записалъ

для памяти и осмотрѣлъ сундукъ Вихрова. Кромѣ пачки бѣлой бумаги, записной книжки, прошеній, перьевъ, газетъ, нѣсколькихъ книжекъ, знаменитыхъ очковъ и указа объ отставкѣ,—послѣ Вихрова ничего не осталось и принимать охранительныя мѣры было незачѣмъ... Указъ объ отставкѣ былъ пріобщенъ къ полицейскимъ дѣламъ.

VII.

На третій день по смерти Вихрова оригинальная процессія тянулась черезъ весь городъ по направленію къ Лазаревскому кладбищу. Кромѣ нѣсколькихъ любопытныхъ, многочисленная толпа, несшая и сопровождавшая покойника, состояла исключительно изъ босяковъ, которые сговорились хоронить Вихрова въ складчину. Между золоторотцами нашлись и плотники, которые смастерили ему приличный гробъ и приготовили большой деревянный крестъ съ надписью: „Отъ нищихъ и чернорабочихъ возлюбленному нашему брату о Христѣ, рабу Божію Андрею Ильичу Вихрову, коллежскому ассесору, скончавшемуся 7-го апрѣля 1892 г.“. Замѣчательно, что пьяныхъ почти не было. Босяки согласились помянуть покойника, какъ слѣдуетъ, послѣ похоронъ.

Рѣдкій изъ жителей этого города удостоился быть похороненнымъ на общественный счетъ, на собранныя *отъ нищихъ* деньги,—и эта высокая честь выпала на долю какого-то ничтожнаго чиновника Вихрова...

— Эхъ, братцы! трагически говорилъ Кожур-

кнѣ. Таперича, къ примѣру, кто завсегда вызволялъ нашего брата?—Андрей Ильичъ. Почитай, вся наша артель у него въ долгу: на комъ пятакъ, на комъ гривенникъ! Послѣднею рубашкою дѣлился! Опять-же, кто нашего брата въ обиду не давалъ насчетъ прошеніевъ али еще чего?—Андрей Ильичъ. А какъ зачнетъ, бывало, читать божественное, такъ до слезъ прошибетъ: инда изъ скотины человѣка сдѣлаетъ!

— Это точно: что и говорить! вторили Кожуркину босяки: испивать покойникъ любилъ! Царство ему небесное! Да вѣдь и то сказать: какъ нашему брату и не пить! Вѣдь послѣдніе мы люди: одно́ слово—золоторотцы! Всякъ насъ боится,—точно ужь на насъ и креста нѣтъ... А вѣдь онъ хоть и баринъ былъ, а для насъ первѣющій человѣкъ: все равно, что братъ родимый, и до всего дошлый!

— Вотъ, братцы! —философствовалъ Кожуркинъ: жилъ-былъ человѣкъ, маялся на бѣломъ свѣтѣ, въ большихъ чинахъ и строкулистомъ былъ и все такое... Самъ генералъ, сказываютъ, былъ у него на свадьбѣ... Таперича вышло на него дуновеніе,—и нѣтъ ничего: все тлѣнъ и прахъ! А вѣдь Богъ-то спроситъ каждаго,—хоть-бы, къ примѣру, меня: а много-ли ты, Кожуркинъ, полштофовъ опустошилъ и по какому положенію? Какой у тебя былъ для эфтого дѣла резонтъ? А почему ты въ церковь не ходилъ? А много-ли ты, братецъ, пинжаковъ по своей слабости испортилъ?

— Спроситъ, безпремѣнно спроситъ! убѣжденно вздыхали босяки: фиртальному соврешь—ничего за это не возьмешь, а Бога на отвѣтѣ не проведешь!

Окончились похороны безъ всякихъ, впрочемъ, особыхъ церемоній. Ушелъ священникъ. Остались одни золоторотцы и водрузили крестъ.

— Ну, таперича, Ликсѣй, выдвигай нашу антилерію!—покойничка помянать будемъ.

И Алексѣй Зуенковъ сталъ вынимать изъ корзины полуштофы, бутылочки и бутыли. Тутъ-же лежало десятка четыре воблы съ печонками, требушиной и калачами.

Артиллерійскихъ снарядовъ хватило на всю компанію босяковъ.

Вотъ нѣкоторые ужь затянули: „Со святыми упокой! вѣчная память!“ Но вскорѣ-же наиболѣе подвыпившіе хватили: „Ай дубинушку ухнемъ! ай зеленую подернемъ!.. Ай зеленая сама пойдетъ!“ Другіе же пытались наладить: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“...

Пришелъ кладбищенскій сторожъ, только-что проводившій священника.

— Что вы это безобразничаете на могилахъ! Нешто можно здѣсь пьянствовать и пѣсни орать? Вамъ здѣсь не „комитетъ!“ (старый и знаменитый кабакъ въ Тулуповѣ). Вотъ я сейчасъ приведу хожалаго, а нѣтъ—такъ самого частнаго пристава... Онъ васъ всѣхъ въ чижовку заберетъ!

— Постой! постой, поштенный кавалеръ! говорилъ одинъ изъ босяковъ уже заплетающимся языкомъ. — Душевный былъ человѣкъ покойничекъ! Вотъ и ты съ нами выпей! Помяни покойничка по положенію!—по положенію!..

И смягчившійся при видѣ сивухи „поштенный кавалеръ“ снялъ шапку, перекрестился и выпилъ.

— Ну, еще: „безъ тройцы домъ не строится!“

И „кавалеръ“ еще выпилъ „по положенію“.

— Отсохни моя рука!—божился другой босякъ: душевный былъ человѣкъ покойничекъ! пра—слово!

И „кавалеръ“ снова помянулъ и выпилъ.

Часа черезъ два босяки разбрелись. А на могилѣ Вихрова, къ удивленію любопытныхъ, вмѣсто вѣнка, висѣло на крестѣ ожерелье изъ связанныхъ бечевкой опорожненныхъ бутылокъ. Много было по этому поводу толковъ въ городѣ. Сперва полиція хотѣла составить актъ объ этомъ курьезномъ происшествіи, усматривая здѣсь какое-то преступленіе противъ вѣры, но потомъ раздумала, когда даже самъ полицмейстеръ расхохотался надъ продѣлкою босяковъ.

— Вотъ такъ помянули покойничка! сказалъ онъ: ай да молодцы наши золоторотцы!

VIII.

Уже прошло болѣе года съ легендарныхъ по своей оригинальности похоронъ Вихрова. Занять его положеніе на постояломъ дворѣ пробовалъ поручикъ Свистуновъ, промотавшійся забулдыга, прежній ремонтеръ и шулеръ. Хотя никто серьезно не оспаривалъ у Свистунова помѣщенія подъ образами, потому что Свистуновъ былъ все-таки баринъ, но и никто изъ босяковъ не чувствовалъ къ Свистунову ни малѣйшаго уваженія и симпатіи. Всѣ босяки только подсмѣивались надъ Свистуновымъ, въ особенности же его донималъ своими ядовитыми остротами портной Кожуркинъ. Вихрова же вспоминали не разъ.

Однажды, къ великому изумленію золоторотцевъ, подъѣхала въ извозчичьей пролеткѣ какая-то молоденькая, нарядная и очень хорошенькая барыня.

Замѣтивъ ее, Свистуновъ тотчасъ-же сталъ позировать и охорашиваться, разсчитывая блеснуть передъ нею своими французскими фразами и кстати показать золоторотцамъ свою образованность. Но пріѣхавшая барыня не обратила на Свистунова ни малѣйшаго вниманія и только поднесла душистый платокъ къ своему носу.

— Мнѣ надо поговорить съ хозяйкой Савельевой, сказала она,—и кто-то изъ босяковъ пошелъ разыскивать Савельиху. Остальные-же глазѣли и не догадывались, что эта изящная барынька никто другая, какъ Надя, дочка Вихрова. Впрочемъ, раньше никто изъ нихъ ее не видалъ, а многіе даже и не знали объ ея существованіи.

Явилась и недоумѣвающая Савельиха. Она подозрительно посмотрѣла на Надю, ожидая, что не ради-ли Свистунова она пожаловала, нѣтъ-ли въ ея появленіи какого-либо подвоха и не разыскиваетъ-ли она какихъ-либо украденныхъ у нея вещей. Но подозрѣнія тотчасъ разсѣялись, когда Надя сказала:

— У васъ проживалъ чиновникъ Андрей Ильичъ Вихровъ, а я—его дочь.

— Точно, проживалъ покойникъ: царство ему небесное! Вотъ его и углышекъ былъ подъ святыми иконами, а сундучишко его и таперь стоитъ подъ лавкой. Я ужь фартальному заявляла, что надо-бы отдать его кому изъ сродниковъ, а то какъ-бы мнѣ въ отвѣтѣ не быть.—Не трошь! сказалъ мнѣ фартальный: у него тутъ сродства нѣтути... А коли

кто обыщется, такъ я дамъ знать бумагой какое будетъ распоряженіе.

— Не осталось-ли чего послѣ моего отца? спросила Надя: нѣтъ-ли какихъ бумагъ, записокъ?

— Насчетъ имущества, вещей али денегъ какихъ? отвѣтила Савельиха: и-и-и! Какія у него были деньги! Нешто-бы онъ жилъ у меня съ деньгами-то?—Вотъ вамъ, сударушка, и свидѣтели—мои господа честные, квартиранты: они вамъ скажутъ, что какъ добьется бывало чего Андрей Ильичъ съ прошеніевъ, такъ все съ ними-же пропивалъ. Признаться, вотъ они-же въ складчину и хоронили покойничка... вѣдь и рубашонки не осталось! А насчетъ бумагъ я вамъ, сударушка, все сейчасъ покажу!—И, выдвинувъ сундукъ, Савельиха принялась выкладывать вороха бумагъ, газетъ и книжекъ.

Надя внимательно все пересмотрѣла.

— А вотъ и мой портретъ! сказала она, вынимая изъ газеты свою фотографическую карточку, на которой она была снята въ гимназическомъ платьѣ.—А вотъ и его записная книжка!.. Все это я возьму.

Босяки удивились еще болѣе, когда, прощаясь съ Савельихой, Надя дала ей 25 рублей и просила раздѣлить эти деньги между тѣми, которые хоронили ея отца.

— Au revoir, madame! неожиданно для Нади и совсѣмъ не кстати успѣлъ-таки ввернуть Свистуновъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу, Надя быстро вошла въ свой номеръ и принялась разсматривать отцовскую записную книжку.

Немного было исписанныхъ страницъ въ этой книжкѣ. Тамъ были означены дни именинъ и рожденія разныхъ лицъ, день смерти жены Вихрова, Александры Ивановны; тамъ была и запись бѣлья, краткое прохожденіе службы Вихрова съ такими свѣдѣніями: удостоенъ производства въ губернскіе секретари со старшинствомъ; въ коллежскіе секретари—со старшинствомъ съ такого-то числа; въ титулярные... и такъ далѣе. Но вмѣстѣ съ этими, мало интересными, свѣдѣніями вдругъ вниманіе Нади остановилось на страничкѣ: „29-го марта 1886 г. пропала Надя“. А внизу какъ-бы уже нетвердымъ почеркомъ пьянаго человѣка было накорябано: „Гдѣ ты, моя радость? гдѣ ты, мое горе? гдѣ ты, мое счастье или... несчастье?“—На этой-же захватанной пальцами страничкѣ какъ-бы сохранились слѣды слезъ... Надя вздрогнула.

— Пропала Надя!—съ горечью повторяла она: неужели такъ-таки и пропала? Не я-ли довела отца до того, что онъ запилъ и долженъ былъ искать пріюта съ золоторотцами у Савельихи?—Да, въ глазахъ свѣта я точно пропала и буду считаться отверженною и падшею женщиною, но только пока не выйду за своего Александра и не сдѣлаюсь „мадамъ Чулкова“... Ха-ха-ха! Неужели въ общественномъ мнѣніи все мое прошлое должно идти на смарку только вслѣдствіе того, что моя внѣшность, моя красивая рожица понравилась Александру, и я выхожу замужъ? А развѣ я была-бы хуже, еслибъ мнѣ этого не удалось? Господи, какъ люди злы и какъ все перепутано на свѣтѣ!

— Что толку,—разсуждала она дальше почти

вслухъ,—что я поставила условіемъ втюрившемуся въ меня Александру, что не иначе выйду за него, какъ если возьму съ собою и обезпечу, на е г о - ж е средства, моего отца! И какое дѣло Александру, что у меня былъ сынъ, который умеръ въ воспитательномъ домѣ?—Вѣдь, женясь на мнѣ, онъ согласенъ на все, и я-же не допытываюсь знать все его прошлое! Но, Надежда Андреевна, будущая мадамъ Чулкова, не оправдывайтесь!—вы опоздали: вашъ отецъ уже другой годъ какъ лежитъ на кладбищѣ и похороненъ онъ—ха-ха-ха!—н и щ и м и! поймите это!—нищими! А вы узнали объ этомъ только теперь... Не вы, Надежда Андреевна, закрыли его глаза! а можетъ быть, вы-то и довели его до могилы! А развѣ онъ могъ за вами углядѣть?...

И Надя горько заплакала.

Выпивъ стаканъ воды съ валеріановыми каплями, Надя поѣхала на кладбище.

Былъ чудный августовскій день. Веселые кузнечики задорно трещали въ травѣ. Большія золотистыя мухи съ быстраго разлета стукались о шляпку Нади и съ жужжаніемъ проносились въ воздухѣ, а вѣчный труженикъ—муравей проворно тащилъ по дорожкѣ свою тяжелую ношу...

— И здѣсь, среди мертвецовъ, кипитъ жизнь! думала Надя.

Теперь она ясно сознавала и чувствовала, что есть Кто-то, невидимый, Который Самъ все и всѣхъ видитъ, мудро правитъ всѣмъ міромъ, а Себя даетъ знать и чувствовать на каждомъ шагу чрезъ Свои творенія.

Легкія перистыя облака умѣряли солнечный жаръ.

Ласточки то-и-дѣло рѣяли надъ кладбищенской колокольней. Какая-то старушка еще надъ свѣжей могилкой оплакивала своего унесеннаго дифтеритомъ внучонка...

По высокому могильному кресту Надя вскорѣ разыскала могилу своего отца. Могила была запущена и густо заросла высокими сорными травами, а близъ нея валялись осколки бутылокъ... На большомъ деревянномъ крестѣ была надпись: „Отъ нищихъ и чернорабочихъ возлюбленному нашему брату о Христѣ, рабу Божію Андрею Ильичу Вихрову, коллежскому ассесору, скончавшемуся 7-го апрѣля 1892 г.“

Прочитавъ эту надпись, Надя тихо и со слезами опустилась на колѣни. Ей сразу-же сдѣлалось легче и она сразу-же какъ-бы прозрѣла.

— Такъ вотъ кто заботился о моемъ отцѣ?—думала она:—нищіе, какіе-то пропойцы, презрѣнные въ глазахъ *высшаго* свѣта босяки и золоторотцы! Кто же изъ *нашего-то* высшаго свѣта, изъ *нашихъ* интеллигентовъ, истинно и съ чистымъ сердцемъ заботится хотя-бы только о просвѣщеніи этихъ жалкихъ и невѣжественныхъ бѣдняковъ? Вѣдь и они, можетъ быть, болѣе насъ отзывчивы на всякое доброе дѣло! Только надо знать и умѣть какъ къ нимъ подойти! Всѣ они—дѣйствительно наши братья о Христѣ! А я еще только-что твердила: какъ люди злы!

Бабій клубъ.

— Mesdames, en avant!
— Mes cavaliers, reculez-vous!
— Place aux dames!

I.

Въ одинъ изъ январскихъ вечеровъ, часовъ въ 9, по Садовой улицѣ города Тулупова шелъ чиновникъ Петръ Андреичъ Васютинъ. Яркія полосы свѣта отъ горѣвшихъ лампъ въ бель-этажѣ Аркадія Иваныча Кремнева, когда-то бывшаго уѣзднымъ предводителемъ, пробивались чрезъ искривпіяся брильянтами полузамерзшія окна, таинственно и въ тоже время заманчиво освѣщали покрытые инеемъ кусты палисадника и достигали половины улицы.

Соблазненный этими огнями, Васютинъ позвонилъ.

Дверь отперла хорошенькая горничная Лиза.

— Не велѣно пущать вашего брата—мужчинъ! насмѣшливо и нѣсколько фамильярно сказала она.

— Ой, какъ грозно! отвѣтилъ Васютинъ.—Опять у васъ „бабій“ клубъ?

— Клубъ—не клубъ, а барышни точно собрались. Теперича какія-то бумаги и книжки читаютъ. Баринь Аркадій Иванычъ къ генералу уѣхали...

— Да неужто и мнѣ нельзя? Это все отъ васъ, Лиза, запрещеніе!—и онъ ущипнулъ ее.

— А вотъ я сейчасъ Вѣрѣ Аркадьевнѣ пожалюсь! Я васъ не трогаю...

— Надо говорить: пожалуюсь, а не „пожалюсь“; пускать, а не „пущать“... А еще барышня васъ обучаетъ!...

— Ну, не время мнѣ съ вами растабарывать въ этакій холодъ... Ишь учитель какой!—и Лиза сердито захлопнула подъѣздъ.

Васютинъ отлично зналъ, что хотя онъ и близкій родственникъ Кремневыхъ, но порядки въ ихъ домѣ ему не передѣлать. Самъ старикъ Аркадій Иванычъ интересовался только „Гражданиномъ“ и „Московскими Вѣдомостями“, а вечера проводилъ за винтомъ—то у губернатора, то—въ дворянскомъ клубѣ. Барскія привычки онъ все еще сохранилъ, хотя давно уже отказался отъ предводительства—отчасти потому, что прожился и обѣднялъ, отчасти-же потому, что въ роли предводителя надо было задавать обѣды, жертвовать на разныя благотворительныя затѣи и учрежденія, показываться и предсѣдательствовать въ разныхъ присутствіяхъ. Притомъ-же онъ лѣтъ 10 какъ овдовѣлъ, и некому было завѣдывать пріемами гостей. Впрочемъ, въ послѣдніе годы всѣмъ домомъ вертѣла и заправляла единственная дочь Кремнева, Вѣра, которая окончила курсъ въ столичномъ институтѣ и считалась въ городѣ завидною невѣстою. Сперва пробовалъ ухажи-

вать за нею и ея кузенъ Васютинъ; но Вѣрочка всегда держала Васютина въ почтительномъ отдаленіи. Въ ея глазахъ этотъ недоучившійся гимназистъ пятаго класса, хотя и въ роли чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, былъ полнѣйшее ничтожество. Въ качествѣ благовоспитанной и свѣтской дѣвицы, Вѣра старалась не выказывать ему своего пренебреженія; но Васютинъ инстинктивно понималъ все превосходство ея образованія, умственнаго развитія и вообще всей ея личности. Вотъ почему Васютину и осталось только безпрекословно уйти, когда Лиза безъ церемоній захлопнула предъ нимъ дверь параднаго подъѣзда.

Между тѣмъ наверху, въ апартаментахъ Кремнева, дѣйствительно происходило нѣчто вродѣ „бабьяго“ или дѣвичьяго клуба: здѣсь находились однѣ только барышни—человѣкъ девять.

Въ обширной столовой, съ висѣвшими на стѣнахъ блюдами, охотничьими картинами и чучелами птицъ, сидѣла за столомъ хозяйка Вѣра Аркадьевна.

Это была двадцатишестилѣтняя дѣвица—брюнетка, изящная и стройная, хотя и безъ корсета, въ коротком платьѣ и безъ серегъ. Тщательно причесанные кверху волосы обрамляли ея нѣсколько большой для женщины лобъ. Въ рукахъ у Вѣры были какія-то бумаги.

— Mesdames! если никто больше не хочетъ чаю,—говорила она,—то мы сейчасъ-же приступимъ къ дѣлу.

Слушательницы-барышни въ какомъ-то ожиданіи нетерпѣливо зашумѣли стульями.

— Я намѣрена познакомить васъ съ проектомъ на-

шего тайнаго и пока еще неразрѣшеннаго правительствомъ маленькаго общества, чтобы выслушать ваши замѣчанія на проектъ. Предупреждаю, что вы не найдете въ этомъ уставѣ строго выдержанныхъ въ юридическомъ смыслѣ параграфовъ, да это пока и не нужно...

— Мы слушаемъ! слушаемъ! кричали дѣвицы.

— *Параграфъ первый.* „Основанное въ 1892 году въ городѣ Тулуповѣ общество женщинъ, преимущественно дѣвицъ въ возрастѣ не менѣе шестнадцати лѣтъ, имѣетъ своею цѣлью взаимопомощь и самоусовершенствованіе каждаго изъ членовъ этого общества въ видахъ достиженія по возможности того, что въ философскомъ и общежитейскомъ смыслѣ принято считать личнымъ счастьемъ, довольствомъ или благополучіемъ, опирающимся на независимое и разумное существованіе“.

— Слѣдовало бы добавить, — медленно и робко замѣтила гимназистка седьмого класса Маша Слѣпцова:—„существованіе, согласное съ достоинствомъ и назначеніемъ женщины въ интересахъ семьи, общества и государства“.

Вѣра слегка вспыхнула,—какъ-будто этимъ замѣчаніемъ было затронуто ея самолюбіе. Но самообладаніе у ней было большое.

— Никто больше не возражаетъ? спросила Вѣра, обводя свою аудиторію глазами.—Ну, такъ я съ удовольствіемъ принимаю эту поправку.

И она записала что-то карандашомъ.

— Mesdames! Кому изъ насъ не хотѣлось бы жить вполнѣ осмысленною жизнью? Вглядитесь хорошенько въ явленія нашего повседневнаго быта!

Почти вся наша жизнь складывается изъ мелочей и пустяковъ... Вѣдь не напрасно же насъ упрекаютъ въ пустотѣ, праздности, суетности, сплетняхъ и эгоизмѣ. Куда идемъ мы?—къ чему стремимся?—Если мужчины имѣютъ даже то важное преимущество, что сами могутъ выбирать себѣ пути, для своей дѣятельности и карьеры, и если наша сфера въ этомъ отношеніи очень узка, то вѣдь общими усиліями и мы, женщины, могли бы оказать вліяніе на этихъ-же, качающихся предъ нами, мужчинъ и заставить ихъ... даже плясать подъ нашу дудку.

Тутъ Вѣра улыбнулась.

— Мы, физически слабый полъ, докажемъ свою нравственную силу и превосходство во многихъ отношеніяхъ и добьемся новыхъ правъ...

— Докажемъ! докажемъ! кричали дѣвицы.

— Я твердо вѣрю въ нашу болѣе свѣтлую будущность. Только, прежде всего, зачѣмъ намъ злорадствовать и подставлять другъ другу ножку? Вѣдь это было-бы и не по-евангельски. L'union fait la force. Для огромнаго большинства женщинъ ея собственная семья, то-есть возможность сдѣлаться женою и матерью, хозяйкою въ домѣ, это—все! это—главнѣйшая цѣль жизни!..

Послѣднія слова Вѣры Кремневой вызвали какую-то улыбку у одной изъ ея слушательницъ.

— Чему вы улыбаетесь, chère Люба!—обратилась Вѣра къ Любочкѣ Шашкиной, необыкновенно живой и веселой блондинкѣ.—Говоря откровенно (а мы и должны снять съ себя всякую маску), и для васъ, chère Люба, и для меня, и для каждой изъ насъ вполнѣ интересно было-бы выйти за того,

кого бы мы сами пожелали избрать себѣ въ спутники жизни. Но для насъ, вообще, это еще труднѣе, чѣмъ для мужчинъ,—уже потому, что какъ принято въ свѣтѣ, чуть-ли не со временъ Адама, „предложеніе“ дѣлаетъ мужчина женщинѣ, а не наоборотъ. Впрочемъ, Ева, кажется, первая сдѣлала „предложеніе“ Адаму...

При этихъ словахъ, барышни и сама, державшая къ нимъ рѣчь, Вѣра засмѣялись.

— Но почему-бы,—продолжала она,—и намъ общими усиліями не добиться того, что если мы сами и не могли бы дѣлать „предложенія“ мужчинамъ, то-есть выбирать ихъ себѣ въ мужья, то все-таки устроить это брачное дѣло такъ, чтобы мужчины были поставлены въ неизбѣжную необходимость выбирать изъ насъ ту, которая и сама пожелала бы выбрать себѣ въ мужья того-же мужчину. Неужели всѣ наши „избирательныя“ права въ этомъ отношеніи должны ограничиваться только правомъ выбирать себѣ кавалеровъ для мазурки? Во сколько-же разъ жизнь важнѣе мазурки!

— Да! истинная правда! хорошо сказано!—кричали и волновались дѣвицы.

— Если-же и не всѣмъ намъ,—продолжала Вѣра Кремнева свою рѣчь,—суждено выйти замужъ (въ вопросахъ этого рода важную роль играютъ общественное положеніе дѣвушки, ея внѣшность, матеріальныя средства и прочее), то вѣдь наше-же общество, нашъ кружокъ могли-бы помочь каждой изъ насъ въ достиженіи сноснаго существованія, чтобы были извѣстный смыслъ, цѣль и интересъ жизни.

— Да! конечно! все это важно!—послышались

голоса.—Продолжайте, Вѣра Аркадьевна! Мы будемъ серьезны.

— *Параграфъ второй.* „Матеріальныя средства общества образуются изъ ежемѣсячныхъ взносовъ въ размѣрѣ не менѣе одного рубля и пожертвованій. Эти матеріальныя средства, съ соблюденіемъ строгой отчотности и контроля, могутъ быть употребляемы на пріобрѣтеніе для общества интересныхъ и полезныхъ книгъ и на пособіе его нуждающимся членамъ“.

— Слѣдуетъ добавить,—уже болѣе увѣреннымъ тономъ замѣтила Маша Слѣпцова: „и для удовлетворенія другихъ насущныхъ этическихъ и эстетическихъ потребностей“. Пособія же могутъ быть: „подлежащія возврату и безвозвратныя“.

— И это можно добавить, сказала Вѣра.

— *Параграфъ третій.* „До утвержденія правительствомъ устава общества собранія его членовъ должны происходить тайно, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, подъ руководствомъ предсѣдательницы общества, избираемой большинствомъ голосовъ, въ концѣ декабря, на одинъ годъ по записками и закрытою баллотировкою. Программа занятій и совѣщаній намѣчается предсѣдательницею; но, по разрѣшеніи очередныхъ вопросовъ, новые вопросы могутъ быть предлагаемы для обсужденія и каждымъ изъ членовъ. Кромѣ очередныхъ собраній, по иниціативѣ предсѣдательницы, могутъ быть созываемы и чрезвычайныя собранія. Постановленія собранія записываются въ журналъ предсѣдательницею или однимъ изъ членовъ по уполномочію общества на исполненіе имъ секретарскихъ обязанностей“.

— Ахъ, Вѣра Аркадьевна! плаксивымъ и капризнымъ тономъ возразила Любочка Шашкина: неужели мы такъ-таки цѣлый вечеръ будемъ обсуждать уставъ?

Вѣра улыбнулась и погрозила Любочкѣ пальцемъ.

— Ну, пока довольно объ уставѣ, сказала она: болѣе интересующіяся, чѣмъ Любочка, могутъ взять его у меня на прочтеніе,—да онъ притомъ же и не обширенъ,—и письменно представить свои возраженія.

II.

— Напомню вамъ, mesdames,—послѣ нѣкотораго антракта продолжала Вѣра,—почему собственно мы должны строго соблюдать данное нами другъ другу честное слово о сохраненіи въ полнѣйшей тайнѣ нашихъ конференцій. Пусть интересующіеся каждымъ нашимъ шагомъ губернскіе сплетники, а въ особенности сплетницы, воображаютъ и разглашаютъ хоть на всѣхъ перекресткахъ, что мы собираемся отъ времени до времени въ какой-то свой неофиціальный клубъ, при чемъ самое пикантное для нихъ это—то, что мужчинамъ и не посвященнымъ женщинамъ входъ воспрещается; пусть они думаютъ что хотятъ,—что мы,—точно нигилистки съ ихъ точки зрѣнія,—занимаемся только чтеніемъ умныхъ книжекъ, спорами и музыкой. Вѣдь отчасти все это и правда, за исключеніемъ, конечно, совсѣмъ неосновательнаго подозрѣнія въ нигилизмѣ. Но пусть наши куманьки и кумушки не знаютъ самаго главнаго: что мы преслѣдуемъ болѣе серьезныя цѣли, чѣмъ простое времяпровожденіе,—что

мы организовали кружокъ, общество, для нашего самоусовершенствованія. Надо твердо помнить, что мы не въ Америкѣ и не въ Англіи, а въ Россіи,—и потому мы *пока* не можемъ дѣйствовать смѣло и открыто. Наши почтенные сограждане, говоря вообще, en masse до того еще дики, невѣжественны и некультурны, что пока,—и съ самыми благородными и свѣтлыми цѣлями,—мы отъ нихъ ничего не добьемся, кромѣ насмѣшекъ и клеветы, а начальство всеконечно воспретило бы наши собранія. Пусть нашъ кружокъ окрѣпнетъ, пусть сколько-нибудь выяснятся достигнутые нами рэзультаты, а тогда, со временемъ, осторожно мы поднимемъ и вопросъ объ офиціальномъ признаніи нашего общества съ утвержденною правительствомъ программою и уставомъ.

— Да! мы этого непремѣнно добьемся! это—дѣло будущаго! кричали дѣвицы.

— А чего мы достигли?—съ большимъ оживленіемъ заговорила Вѣра.—Не прошло и восьми мѣсяцевъ со дня учрежденія кружка, какъ у насъ къ первому января было-бы уже 18 членовъ; но слѣдуетъ исключить Ирисову и Крюковскую, которыя уже выбыли, выйдя замужъ. Членскихъ взносовъ было на 216 руб., пожертвованій—320 руб. Израсходовано на покупку книгъ 180 руб., и на переплетъ 28 руб. На единовременное пособіе одному изъ членовъ, госпожѣ Шварцъ, выдано 50 р. Каждому изъ членовъ удалось обучить чтенію и письму не менѣе двухъ человѣкъ, а Маша Слѣпцова выучила даже трехъ дѣвочекъ. Правда, всѣ эти обученные читаютъ еще очень

дурно, а пишутъ и совсѣмъ плохо, какъ я сама убѣдилась, сдѣлавъ всѣмъ имъ маленькій экзаменъ; но важно уже и то, что болѣе тридцати человѣкъ обучены грамотѣ, и остается только поддерживать ихъ на этой дорогѣ. Лиза Першина обучила Машу Слѣпцову шить и кроить платья: въ женской гимназіи это дѣло поставлено очень незавидно, и теперь мы видимъ на Машѣ костюмъ ея собственной работы. Старуха съ тремя внучатами отъ чахоточной дочери и разбитый параличемъ кровельщикъ съ семьею,—люди дѣйствительно бѣдные и безпомощные, указанные намъ Соней Пименовой,—теперь получаютъ отъ насъ по два рубля ежемѣсячно, хотя и не знаютъ своихъ благодѣтелей: мы поступаемъ такъ по-евангельски... Олѣ Говоровой мы отсовѣтовали писать стихи, такъ-какъ настоящаго таланта мы въ ней не замѣтили. Хотя Оля и огорчена этимъ открытіемъ, но, кажется, скоро утѣшится, такъ-какъ она теперь занята изученіемъ всѣхъ тонкостей французскаго и нѣмецкаго языка—думаетъ заняться переводами. Надя Барская обѣщала заняться съ Пименовой музыкою, но обѣщанія своего, кажется, не сдержала. А потому мы ее сейчасъ оштрафуемъ и обяжемъ, въ заключеніе нашего вечера, сыграть намъ первое скерцо Шопена. Слѣдующее очередное собраніе предполагается у Нади Барской.

— Увѣряю васъ,—оправдывалась Барская,—мнѣ некогда было заняться съ Пименовой. Я такъ была занята вышиваніями! А кромѣ того не могла оторваться отъ книги Берты фонъ-Суттнеръ „Противъ войны“.

— А что вы вышивали? допытывалась Вѣра.— А впрочемъ я догадываюсь *что и для кого*... Вы вышивали подушку для одного педагога. Но вѣдь всѣ эти вышиванія,—хотя я и не изгоняю ихъ совершенно изъ предметовъ нашихъ занятій,—по своимъ пустячнымъ результатамъ равносильны выпиливанію по дереву и другимъ подобнымъ-же изящнымъ пустякамъ. Къ сожалѣнію, и наши иллюстрированные журналы съ преміями развиваютъ и поддерживаютъ въ публикѣ охоту къ такимъ пустякамъ, хотя подчасъ этимъ и страшно надоѣдаютъ...

— А можетъ быть изъ этихъ вышиваній и выйдетъ что-нибудь для меня важное и серьезное!— многозначительно возразила Барская.

— А! ну, тогда это—другое дѣло! сказала Вѣра и засмѣялась.—Исповѣдь за вами, Барская. Прежде всего я должна все знать, какъ предсѣдательница. А теперь вы оштрафованы—садитесь за рояль!

— Отлично! отлично! оживились дѣвицы. А Любочка Шашкина даже подпрыгнула и захлопала въ ладоши.

— Не все-же намъ разсуждать о дѣлахъ... Шопена! Шопена на сцену! Шопена!

И все общество перешло въ залъ съ отличнымъ резонансомъ.

Первая музыкантша въ этомъ кружкѣ, Надя Барская усѣлась за рояль Штюрцваге. Чудно-грустные и содержательные звуки шопеновскаго скерцо смѣнились его-же геніальною „Chant du tombeau“, менѣе извѣстною, но болѣе содержательною, пьесою чѣмъ его-же погребальный маршъ. Потомъ раздались изящно-мягкіе мотивы мендельсоновской „Фан-

тазіи“; потомъ были исполнены увертюры изъ „Коріолана“ и „Эгмонта“ Бетховена... Надя не заставляла себя просить. Наконецъ и она устала и подсѣла къ хозяйкѣ.

Барскую смѣнили другія музыканти. Онѣ играли плоховато, хотя и съ одушевленіемъ. Когда-же заиграли вальсъ,—Архипова подхватила Шашкину и протанцовала съ нею два тура. Другія дѣвицы послѣдовали ихъ примѣру.

— Ну, признавайтесь: какъ идутъ ваши дѣла съ Кріулинымъ? спросила Вѣра.—Вотъ видите какъ я проницательна...

Барская покраснѣла.

— Пока ничего особеннаго... Вѣдь вы достаточно знаете Кріулина: исторія какихъ-нибудь пуническихъ войнъ, реформація или французская революція интересуютъ его гораздо больше, чѣмъ всякія дѣйствительныя исторіи и романы въ нашей жизни. Правда, онъ интересуется и музыкой и со мною всегда болѣе любезенъ, чѣмъ съ Силиной; но въ томъ-то и бѣда, что я и Силина—какъ-будто „двѣ гончія по одному слѣду“, какъ выражено въ какой-то комедіи. И хорошо-ли я дѣлаю, что не уступаю Кріулина Силиной? А бѣдняжка такъ въ него влюблена и меня-же пыталась избрать въ повѣренныя по своимъ сердечнымъ дѣламъ... Вотъ, Вѣра Аркадьевна, вы только что твердили, что члены нашего кружка не должны подставлять другъ другу ножку. А вѣдь Силина и я—соперницы!..

— Да вы и не будете подставлять другъ другу ножку, отвѣчала Вѣра: вѣдь Маша Силина (вы

знаете, я ее очень люблю) совсѣмъ не пара Кріулину, и мы употребимъ всѣ усилія, чтобы она какъ можно скорѣе выбросила изъ сердца свое увлеченіе... Впослѣдствіи она-же намъ скажетъ спасибо.

— Кріулинъ мечтаетъ о профессурѣ. А когда замѣшается любовь, да еще въ какомъ-нибудь Тулуповѣ, то тутъ ужь не до защиты магистерской диссертаціи. Хорошо ли и честно ли я поступаю, когда завлекаю этого человѣка... можетъ быть даже путемъ нѣкотораго кокетства? говорила Барская.

О! какъ хотѣлось бы ей услышать одобреніе отъ пользовавшейся въ кружкѣ большимъ авторитетомъ Вѣры Кремневой! Ей такъ хотѣлось, чтобы Вѣра немедленно же разсѣяла бы всѣ ея сомнѣнія...

— Какъ нельзя болѣе честно! отвѣтила Вѣра.— Полное отсутствіе кокетства въ женщинѣ — это все равно, что вино безъ вкуса или цвѣтокъ безъ запаха. Всѣ мы должны пользоваться средствами, которыми надѣлила насъ природа для покоренія мужчинъ. А развѣ вы поднимаетесь на ходули и фальшивите, когда желаете понравиться? Такое желаніе очень естественно и законно. Вѣдь вы подвели итогъ всей личности Кріулина; почему-же не возложить таковую-же задачу и на Кріулина по отношенію къ вамъ, Барская? Ничто не препятствуетъ Кріулину проанализировать всѣ ваши достоинства и недостатки, плюсы и минусы. Онъ—не малютка, и если ошибся, избирая васъ вмѣсто Силиной или другой особы А, Б, В,—то пусть пеняетъ самъ на себя.

— Но какъ узнать съ кѣмъ Кріулинъ былъ-бы болѣе счастливъ—со мною-ли или съ Силиной?

— Очень просто! отвѣчала Вѣра.—Конечно, мы не боги и будущее отъ насъ сокрыто. Однако, „по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла“,—какъ говоритъ нашъ милѣйшій прокуроръ Кедровъ,—оказывается, что у васъ болѣе шансовъ на бракъ съ Кріулинымъ, которому вы болѣе соотвѣтствуете, чѣмъ Силина. Повѣрьте, Надя, что въ жизни очень важно бываетъ иногда своевременно окатить нашего ближняго ведромъ холодной воды, лишь-бы это была чистая и студеная вода, а не помои. Люди въ экстазѣ, а въ особенности когда они молоды и влюблены, стрѣляются и вѣшаются чаще всего только потому, что ихъ „во благовременіи“ не окатили холодною водою. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, истинно-гуманный человѣкъ, лови моментъ и умѣй ловко направлять струю спасительной влаги!

Надя засмѣялась.

— Даю вамъ слово, Барская,—съ горячностью прибавила Вѣра,—что если мы систематически примемся лѣчить Силину отъ ея любовнаго увлеченія, вооружившись ведромъ съ чистою и студеною водою, то черезъ нѣкоторое время отъ ея экстаза не останется и слѣда (слѣдомъ будетъ развѣ только пріобрѣтенный опытъ), и она сама-же будетъ хохотать надъ своимъ неудавшимся романомъ; а мы будемъ считать этотъ романъ вполнѣ удавшимся, такъ-какъ хорошо то, что хорошо окончилось... Результатъ такого излѣченія Силиной мы запишемъ на приходъ только какъ одинъ изъ плюсовъ благодѣтельной дѣятельности нашего кружка.

Около одиннадцати часовъ Лиза подала гостямъ гречневую кашу съ молокомъ. Никакихъ изыскан-

ныхъ блюдъ у Вѣры Кремневой не полагалось даже по принципу. Притомъ-же у ней собирались чаще, чѣмъ у другихъ членовъ кружка. Поужинавъ, члены „бабьяго клуба“ простились съ хозяйкой и разошлись по домамъ.

III.

Проводивъ гостей—дѣвицъ. Вѣра долго не могла заснуть, хотя для усыпленія и перечитывала, противъ обыкновенія почти машинально, всѣ свои молитвы.

— Вотъ я все только устраиваю чужія дѣла!— думала она, ворочаясь въ постели. А мнѣ ужь 26 лѣтъ, и скоро всѣ будутъ называть меня (конечно, заглаза) старою дѣвою, а то—и старою дѣвкою... Брр! очень хороша такая перспектива! Но неужели я не имѣю права на свою *личную* жизнь!.. Ай, какіе-же все ничтожные и пошленькіе люди въ нашемъ Тулуповѣ! Да хоть-бы этотъ писаный красавчикъ Кріулинъ! Не понимаю даже какъ это могли сразу втюриться въ него Барская и Силина! Силина—еще туда-сюда: не мудрена, голубушка! но отъ Барской-то я этого совсѣмъ не ожидала... Такіе у насъ все мелкіе людишки и кавалеришки съ претензіями на что-то... Вотъ хоть-бы судебный слѣдователь Тростинъ: вѣдь очень не далекъ, всегда такія широковѣщательныя и многозначительныя фразы лѣпитъ, а мнитъ себя Лекокомъ... Однако, я начинаю злословить. Исключеніе—развѣ только прокуроръ Кедровъ: онъ какъ-будто не похожъ на другихъ и всегда очень тонко смѣется надъ Лекокомъ. Да и это-

го, чай, карьера заѣла! Правда, и онъ расточаетъ мнѣ „авансы“—желаетъ, стало-быть, выдѣлить изъ стада губернскихъ барышень. Да вѣдь все это выдѣленіе мимолетно: глубины нѣтъ... А какъ-же это сдѣлать, чтобы тотъ-же прокуроръ дѣйствительно интересовался мною, чтобы я была для него дороже его противной карьеры? Вотъ эта-то любовь къ карьерѣ и доказываетъ, что и прокуроръ не далеко ушелъ отъ всѣхъ нашихъ заурядностей и пошлячковъ. Какъ можно!—„Карьера должна быть на первомъ планѣ!“ Остальное же все „приложится“, какъ сказано въ Евангеліи... Ну, и пусть онъ женится на госпожѣ карьерѣ!

Ворочаясь уже въ полудремотѣ, Вѣра не слыхала какъ во второмъ часу ночи пріѣхалъ отъ „генерала“,—то-есть отъ губернатора,—ея отецъ.

Аркадій Иванычъ былъ въ отличномъ настроеніи духа: во 1-хъ, послѣ четырехрублеваго проигрыша ему удалось выиграть въ винтъ полтора рубля у спеціалиста по этой части, жандармскаго полковника Хлестова, а во 2-хъ, онъ, какъ дважды два четыре, доказалъ генералу, что тройственный союзъ по отношенію къ великой Россіи это—просто политическая нелѣпость, которая грозитъ если и не революціями, то, по меньше мѣрѣ, банкротствомъ для самихъ союзниковъ: крошечной Италіи, слабой и разношерстной Австріи и надувающейся Германіи. Кромѣ того, Аркадій Иванычъ убѣдилъ губернатора, что для блага и спасенія Россіи отъ всякой „внутренней крамолы“ безотлагательно слѣдуетъ назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ никого другого, какъ редактора „Гражданина“:

онъ такъ-же проницателенъ и ловокъ, какъ кн. Бисмаркъ... На это губернаторъ, прославившійся своею свѣтобоязнью и тупостью на нѣсколько губерній, пріятно осклабился и снисходительно отвѣтилъ: „О! тогда и я попаду въ члены государственнаго совѣта, а вы, Аркадій Иванычъ, займете мой постъ!“

. . . . . .

Въ эту-же ночь долго не могла заснуть и Барская. Когда она пришла отъ Кремневой, мать и братъ-гимназистъ Петя уже спали. На этихъ дняхъ, а можетъ быть и завтра, Барской предстояло дать „генеральное сраженіе“ учителю Кріулину, который послѣ этого долженъ былъ ей сдаться на капитуляцію...

Отецъ Барской былъ акцизнымъ ревизоромъ и умеръ лѣтъ пять тому назадъ. Получая хорошее жалованье и пользуясь акцизнымъ дивидендомъ, Барскій купилъ себѣ домикъ и скопилъ капиталецъ, на который семья его жила безъ всякой нужды. Онъ былъ хорошій скрипачъ-любитель и неизмѣнно участвовалъ въ благотворительныхъ вечерахъ. Надя унаслѣдовала отцовскій талантъ и считалась чуть-ли не первою музыкантшею въ Тулуповѣ.

Кріулинъ познакомился съ Барскими въ качествѣ класснаго наставника. Въ сущности, онъ былъ полнѣйшая бездарность и посредственность, хотя всегда топорощился, интересничалъ и кривлялся, будучи смазливъ и даже красивъ. Онъ любилъ выражаться вычурными фразами и казался какимъ-то ученымъ и влюбленнымъ въ свои спеціальные предметы преподаванія—исторію и географію,—какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ выше той сре-

ды, въ которую забросила его,—непонятаго и неоцѣненнаго начальствомъ и обществомъ,—коварная судьба-злодѣйка. Обладая небольшимъ музыкальнымъ слухомъ, онъ самъ научился довольно бойко разбирать ноты и бренчать на роялѣ, хотя на память не могъ сыграть какъ слѣдуетъ даже „чижика". Вотъ почему Кріулинъ завидовалъ и благоговѣлъ предъ всѣми истинно-талантливыми людьми.

При первомъ-же вечернемъ появленіи у Барскихъ, безъ обычнаго визита и въ качествѣ официальнаго педагога-соглядатая, Кріулинъ засталъ Надю за очень страстнымъ и талантливымъ исполненіемъ бетховенской „Appassionata". Отрекомендовавшись Надѣ и ея матери класснымъ наставникомъ, онъ спросилъ: „дома-ли Петя?" и внимательно пересмотрѣлъ его книжки — нѣтъ-ли чего запрещеннаго. Старушка не упустила случая поворчать и пожаловаться Кріулину, что ужь черезчуръ часто приходится покупать учебники и готовыя тетрадки, а изъ бумаги самому Петѣ дѣлать ихъ не велять—сущее разоренье! А затѣмъ Кріулинъ просилъ Надю продолжать музыку, что Надя и исполнила безъ всякихъ отговорокъ: въ посѣщаемомъ ею кружкѣ Вѣры Кремневой или, какъ иронически говорили тулуповцы, въ „бабьемъ клубѣ" считались неприличными и крайне смѣшными всякія кривлянія и жеманство.—Вздумалъ показать свое искусство и Кріулинъ, предложивъ Барской „попробовать" съ нимъ въ четыре руки; но съ первыхъ-же строкъ сбился въ тактѣ и перешелъ въ роль слушателя-меломана. Тѣмъ не менѣе музыка, какъ почва для бесѣды, послужила нѣкоторымъ основаніемъ къ

сближенію; въ сущности, Кріулину давно уже хотѣлось познакомиться съ Надей, и онъ галантно поспѣшилъ заявить. что съ дозволенія Нади и ея матери надѣется бывать у нихъ не въ качествѣ только класснаго наставника.

— Ахъ! какъ я жалѣю,—говорилъ онъ какъ-то захлебываясь, не безъ напускного паѳоса, и заглядываясь на красивый бюстъ Нади,—что меня не учили этому возвышенному и благородному искусству! Бетховенъ, Бахъ, Моцартъ, Шопенъ, Веберъ, Рубинштейнъ, Чайковскій, Глинка—какія великія имена и сколько они говорятъ сердцу!..

IV.

На третій-же день послѣ вечера въ „бабьемъ клубѣ“, въ гостиной Дарьи Ивановны Храповой происходила оживленная бесѣда.

Сама Храпова была уже не молодая барыня, когда-то тоненькая и хорошенькая, а теперь, по выраженію тулуповскихъ донъ-Жуановъ, только „бельфамистая“ особа съ подведенными бровями, расплывшаяся на пирогахъ и кофеяхъ. Она имѣла репутацію первой губернской сплетницы,—„Грандифлора“,—какъ ее называли,—а по мужу она была „вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника“. Грубостью и тономъ своей рѣчи она не только не стѣснялась, но даже щеголяла въ обществѣ.

На диванѣ сидѣла пожилая дама въ нарядной шляпкѣ съ индѣечьей физіономіей—„Курышка“, какъ ее называли въ Тулуповѣ. Большія выдающіяся скулы и загнутый длинный носъ придавали

ей дѣйствительно какой-то глуповато-птичій видъ. У ней было пять дочерей на возрастѣ, съ которыми она не знала что дѣлать, и три оболтуса—сына.

— Да снимите-же шляпку, милая Раиса Павловна! Вѣдь это любопытно: вообразите!—опять былъ „бабій клубъ“ у Кремневыхъ! И чего смотритъ этотъ старый колпакъ, Аркадій Иванычъ!.. Ужь я три раза вечеромъ посылала своего Васю высмотрѣть: неужто, кромѣ бабья, у нихъ изъ мужчинъ никого не было? Да и Матрешка сколько разъ бѣгала—заглядывала въ окна, да говоритъ—плохо видно, только какъ-будто сперва играли что-то жалостное, а послѣ—веселое,—и кружились же тамъ наши дѣвки!.. Ну, да что Матрешка понимаетъ! Вотъ еслибъ я сама поглядѣла хоть-бы однимъ глазкомъ! А Вася-то изъ-за ихняго клуба двойку изъ алгебры и единицу изъ греческаго схватилъ... Ну, какъ вы думаете, Раиса Павловна? Вѣдь это не спроста наши дѣвки собираются! Ужь я сколько разъ намекала ихней командиршѣ Вѣркѣ Кремневой, что хочу побывать у ней хоть на одномъ такомъ вечерѣ. И всякій разъ одинъ отвѣтъ: „Вамъ, Дарья Ивановна, у насъ будетъ скучно. Мы серьезныя книжки читаемъ и все споримъ-споримъ... „Ну, мудреныя книжки—это точно не по нашей части, а спорить-то мнѣ и съ моей Анюткой надоѣло. А все-же у насъ въ свѣтѣ такъ не принято: радъ—не радъ, а коли кто набивается въ гости,—„милости просимъ“. И все-то у нихъ какъ-то не по-людски, навыворотъ! Вообразите: корсетовъ и серегъ не носятъ, и платья все какія-то короткія, безъ кружевъ, хотя какъ-будто и по модѣ...

Въ карты чтобъ когда сѣсть,—ну, тамъ—въ нашу любимую «мушку» или рамсъ,—никогда, ни подъ какимъ видомъ; какъ-будто серьезные и порядочные люди и въ карты не должны играть. А если не играть, то на какія-жь тогда средства содержать воспитательные для ребятъ дома? На вечеръ куда въ гости или танцовать пріѣзжаютъ, — такъ заберутся ранехонько—этакъ часовъ въ семь или восемь, когда и лампы-то еще путемъ не зажгутъ, а позднѣе одиннадцати или много двѣнадцати часовъ, никогда не остаются: точно сговорятся и уѣдутъ,—хоть-бы тутъ была какая угодно „раскадриль“ или развеселый котильонъ... Всѣ дѣвки точно помѣшались на какой-то гигіенѣ и микробахъ: это, сталобыть, онѣ въ умныхъ книжкахъ вычитали; а вѣдь это и не нашенское дѣло—на то и доктора!... Ужь я, Раиса Павловна, сколько разъ пытала этихъ дѣвокъ: точно рты у нихъ позамазаны, и чтобъ онѣ этакъ, какъ мы грѣшныя, другъ о другѣ какую-нибудь новость, или анекдотъ, или что нибудь интересное и смѣшное разсказали—никогда!... Я ужь что̀ думаю, Раиса Павловна?!—Не революцію-ли онѣ какую затѣваютъ! Надо-бы намекнуть жандармскому полковнику, а то и самому губернатору...

„Курышка“ давно уже сняла шляпку и съ наслажденіемъ, прихлебывая кофе, кивала головою хозяйкѣ, какъ-бы говоря: „наша рѣчь есть истина святая!“ Прыщи на ея индѣечьемъ лицѣ еще сильнѣе раскраснѣлись отъ горячаго и сладкаго кофе со сдобными крендельками и сухариками.

— Охъ, грѣхи—грѣхи тяжкіе: боюсь я за своихъ дѣвицъ, а въ особенности за Сонечку... На-

родъ молодой—огонь! Долго-ли сбрендить! вздыхала „Курышка“.

— Да чего, Раиса Павловна! Я вамъ разскажу намеднись я это поужинала—все какъ слѣдуетъ, и Богу помолилась, а у самой-то все этакія заботливыя мысли: дѣло наше вдовье! Анюта, сами знаете, уже давно на возрастѣ: выѣзжать надо... Только вдругъ вижу я диковинный сонъ: будто фельдъегерь какой прискакалъ изъ Петербурга, показываетъ конвертъ съ большущею печатью и объявляетъ, что мою Анюту велѣно схватить и представить въ Петропавловскую крѣпость... Меня какъ-будто пришибло и въ потъ ударило.—Извольте, говорю, справиться хоть у протопопа, хоть у губернатора, хоть у полицмейстера, хоть у всего города: моя дочь въ церковь ходитъ, на исповѣди и у св. причастія бываетъ, а сама я—генеральша... Если какое дѣло насчетъ книгъ,—такъ мы, кромѣ „Нови“ и „Модная Свѣта“, ничего не читаемъ, кружева вяжемъ и картами забавляемся—вотъ и вся наша жизнь... Но фельдъегерь и слушать не хочетъ: „не мое дѣло это разбирать!“ А изъ-за двери ужь выглядываетъ квартальный... Ну, думаю: пропала моя головушка! дождалась бѣды отъ своей-же утробы! Но тутъ, слава Богу, проснулась. И теперь, какъ вспомню этакую страсть, такъ морозъ подираетъ по кожѣ... Матреша! а Матреша! подай мнѣ „валерьяну!“

И „Грандифлора“ приняла валеріановыя капли съ водою. Собесѣдница ея „Курышка“ начала обмѣниваться съ нею всякими новостями и сплетнями. А по сосѣднимъ комнатамъ носилась развлекавшаяся котятами толстуха Анюта съ привязанною на

веревочкѣ рыжею тряпкою, которую взапуски ловили двѣ или три кошки...

V.

Учитель Алексѣй Карпычъ Кріулинъ занималъ наверху и окнами во дворъ одну изъ такъ-называемыхъ холостыхъ квартиръ. Всего двѣ комнаты, небольшая прихожая и кухня, въ которой однако ничего не готовили во избѣжаніе чада, а также и потому, что Кріулинъ, изъ экономіи, не хотѣлъ вести собственнаго хозяйства, а обѣдъ для него, въ судкахъ, приносила изъ гостиницы его-же горничная Дуняша.

Въ большой комнатѣ, въ залѣ, висѣли географическія карты и нѣсколько „великихъ мужей“ въ маленькихъ и дешевенькихъ рамкахъ; стояли два шкафа съ книгами, веревочныя полки для книгъ, столъ, расколоченное роялино съ дребезжащими струнами и кипою нотъ и полдюжины вѣнскихъ стульевъ. Ничего оригинальнаго въ этой квартирѣ не было.

Дуняша только-что подала своему хозяину утренній самоваръ и усѣлась съ нимъ пить чай.

Ей было 24 года. Двѣ распущенныя косы съ бантиками, ловко сшитое платье и чистый бѣлый фартукъ, при стройной фигурѣ, сообщали ей скорѣе видъ институтки, чѣмъ горничной. Но большія руки и ноги и нѣсколько крупныя и грубоватыя черты лица указывали на мѣщанское происхожденіе.

Исторія о томъ, какъ Дуняша попала къ учителю исторіи въ горничныя и сожительницы,—очень простая и обыкновенная исторія.

Два года тому назадъ Дуняшу, сироту, соблазнилъ гимназистъ, который принялся ее „развивать“; но все развитіе выразилось только въ томъ, что съ грѣхомъ по-поламъ онъ выучилъ ее кое-какъ читать, обѣщалъ взять съ собою въ университетъ, чтобы докончить тамъ .,развитіе“, и... обманулъ.

Погоревала, поплакала Дуняша. Но надо было искать пристанище,—и вотъ она попала къ Кріулину „на хорошее жалованье“, а по-просту говоря—на содержаніе. Хотя, кромѣ молодости, ничего общаго между ними и не было, но сближеніе произошло быстро, и Дуняша мало-по-малу начала забывать своего гимназиста. Притомъ-же Кріулинъ былъ очень смазливъ. Онъ былъ все-таки „баринъ“, а это положеніе всегда имѣетъ извѣстный престижъ въ мѣщанской средѣ, и Дуняша всею своею безхитростною душою привязалась къ нему въ силу привычки...

Въ это утро Дуняша была что-то не въ духѣ. Зато Кріулинъ, почти ежедневно таскавшійся къ Барскимъ, имѣлъ видъ сытаго кота, отдыхающаго на солнечномъ припекѣ. Онъ даже что-то мурлыкалъ.

— Сказывайте правду, Алексѣй Карпычъ! допрашивала его Дуняша.—Мнѣ и въ лавочкѣ говорили: ,,должно ваш баринъ женится на барышнѣ Барской...“ Такъ ужь мнѣ лучше раньше знать объ этомъ...

Какая-то озабоченность вдругъ появилась на лицѣ Кріулина. Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Хотя я еще и не женюсь, Дуняша, но все это возможно,—хотя-бы и на Барской. Ты—дѣвушка

простая и должна просто смотрѣть на вещи. Пришла ты ко мнѣ на мѣсто: сама пришла,—не я тебя сманивалъ,—и жениться не обѣщалъ. Вѣдь и то надо сказать, что я тебѣ не пара ни по образованію, ни по положенію. И теперь, еслибъ я и женился на Барской, такъ вѣдь я-же тебя не прогоню отъ себя...

— Такъ съ чего-же вы это взяли, что я стану смотрѣть какъ вы будете обниматься и цѣловаться съ женою?.: Вѣдь и я—человѣкъ, а не скотина! Не надо мнѣ ни вашихъ платьевъ, ни денегъ!..

И Дуняша выскочила изъ-за стола, подошла къ окну и горько заплакала.

Слова Дуняши: „и я человѣкъ!“—какъ-то передернули Кріулина. Онъ съ удивленіемъ и досадою посмотрѣлъ на Дуняшу. Откуда у ней такой протестъ, такое высокое умственное и нравственное развитіе! Вѣдь это—цѣлый самоанализъ! И это... въ полуграмотной мѣщанкѣ, которая едва-ли когда прочла хоть какую-нибудь книжку!

Но хорошія чувства порядочности быстро смѣнились потокомъ другихъ, уже пошленькихъ, мыслей.

— Вѣдь не могу и я жениться на этомъ „человѣкѣ“... Вѣдь на меня всѣ будутъ пальцами показывать: „нашъ-то профессоръ исторіи,—скажутъ,—женился на своей дѣвкѣ, на содержанкѣ—вотъ такъ исторія!“...

Увы! будущій „профессоръ“ не сознавалъ во сколько разъ Дуняша была выше его, какъ „человѣкъ“ и оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ и достоинствѣ женщина...

Но на всякія неудобныя житейскія положенія бываютъ въ запасѣ ходячія и пошленькія, какъ-бы оправдывающія дрянного человѣка, поговорки.

— Эхъ, Дуняша! перемелется—мука будитъ. Не ты первая, не ты и послѣдняя... Можетъ быть, тебя еще лучшая судьба ожидаетъ. Надо вести борьбу. Понимаешь-ли что такое жизненная борьба, коллизія положеній?

Незнакомая съ философіей и никогда не слыхавшая такихъ мудреныхъ словъ, какъ борьба и коллизія, Дуняша въ изумленіи выпучила на учителя сѣрые заплаканные глаза.

— Для меня всякая подлость есть подлость. Богъ вамъ судья! сказала она.—Прощайте, Алексѣй Карпычъ! Теперь ужь и я не останусь у васъ ни за какія деньги. Вотъ только пріищу себѣ мѣсто. А если... если (и Дуняша заплакала) отъ васъ-же у меня родится ребенокъ, и я не въ силахъ буду кормить его, то я принесу его къ вашей женѣ—пусть полюбуется на васъ!

— Ну, что ты глупости говоришь, Дуняша! А полиція? а законъ на что?—только и нашелся сказать ей въ отвѣтъ этотъ „развитой“ человѣкъ.

Напяливъ вицъ-мундиръ, слегка раскрасившійся Кріулинъ ушелъ въ гимназію, чтобы дѣлать тамъ предъ своими учениками оцѣнку историческаго прогресса и событій.

А Дуняша опять принялась плакать.

Въ ея воображеніи смутно проносились печальныя картины ея дѣтства и одиночества. Пока росла она изъ милости у чужихъ людей,—сколько обидъ и напрасныхъ колотушекъ перенесла она! Рѣдко-

рѣдко кто искренно дарилъ бѣдную дѣвочку ласковымъ словомъ... И всегда-то она, Дуняша, была только на побѣгушкахъ, а то и въ какихъ-то нянькахъ, изъ-за куска хлѣба, въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, когда сама еще нуждалась въ попеченіи и надзорѣ. А когда начала подростать и, наконецъ, расцвѣла, превратившись въ миловидную и стройную дѣвицу,—сколько самыхъ гнусныхъ и позорныхъ предложеній, безъ всякаго съ своей стороны повода, и даже посягательствъ на честь получила она, пока судьба не столкнула ее съ полюбившимся ей гимназистомъ! Но и этотъ юноша вскорѣ-же бросилъ ее, какъ бросаютъ надоѣвшую вещь, въ которой больше не нуждаются. А чѣмъ лучше этого гимназиста Кріулинъ?—Гимназиста хоть можно было-бы чѣмъ извинить...

— Да, никому я теперь не нужна, думала она: зачѣмъ-же мнѣ жить? . . . . . .

. . . . . .

VI.

Однажды почтенная Дарья Ивановна Храпова прилетѣла на извозчикѣ къ своей милѣйшей „Курышкѣ“ Раисѣ Павловнѣ.

— Самыя свѣжія новости! кричала она еще изъ передней, почти не здороваясь съ хозяйкой.—Ну, нѣтъ, это ужъ послѣднее дѣло! Да я-бы и не повѣрила, еслибъ сама не слыхала и не видала... Вотъ до чего мы дожили! Нынче-то дѣвки изъ „ихняго“ клуба ужъ безъ стѣсненій ночуютъ у молодыхъ людей...

«Курышка» въ ужасѣ такъ и ахнула и жадно, какъ-бы смакуя, приготовилась слушать.

— Дай, думаю, понавѣдаюсь къ Брониславѣ Викентьевнѣ. Пріѣзжаю. Она это какъ всегда: такая субтильная и спиртъ нюхаетъ—все у ней нервы! ну и пассіянсъ раскладываетъ.—Ну что вашъ жилецъ? спрашиваю я это про ея долговязаго кандидата Строчкина.—«Да что? говоритъ: насилу-то оправляется!—вѣдь съ нимъ была какая-то горячка. Еслибъ не Марья Петровна Силина, то мнѣ-бы съ нимъ и не справиться. Она, голубушка, при немъ до самаго кризиса и послѣ этого съ недѣлю, всего двадцать ночей провела—вотъ тутъ рядышкомъ... И еще нашла время какими-то французскими и нѣмецкими переводами заниматься"... Приходитъ, стало-быть, къ Брониславѣ Маша Силина и говоритъ (это мнѣ все сама Бронислава разсказывала): „Бронислава Викентьевна, я слышала, вашъ квартирантъ Строчкинъ очень боленъ—лежитъ безъ памяти. Я могу за нимъ посмотрѣть замѣсто сидѣлки или фельдшерицы. Меня Вѣра Аркадьевна къ вамъ послала... А вы—женщина слабая и нервная".—Ну, вы знаете, Раиса Павловна, что у Брониславы только и есть кухарка Лушка, она-же—и за горничную. Сама Бронислава ни во что не вступается—будь хоть тутъ свѣтопреставленіе... Ну, эта хитрая полька и обрадовалась, и говоритъ: „коли вы за моимъ квартирантомъ смотрѣть будете, то ужь и оставайтесь при немъ, чередуйтесь съ Лушкой, а я—женщина слабая, выдержать этого не могу,—даже смотрѣть боюсь и запираюсь отъ больного: вѣдь онъ, сами знаете, безъ памяти—вскочитъ можетъ, и что

тогда надѣлаетъ, помилуй Богъ!»—Что-жь вы думаете, Раиса Павловна! Вотъ тутъ, къ примѣру, лежитъ на кровати Строчкинъ; вотъ тутъ драпировка—какъ-будто другая комната, а за этой драпировкой съ портьерой Машка Силина поставила себѣ диванъ и двадцать сутокъ отдежурила, почти безъ смѣны, одна-одинешенька съ больнымъ; а ужь овъ и на больного-то не похожъ... Лушку требовали для смѣны только по звонку въ кухнк, а безъ звонка чтобъ не ходила, чтобъ не безпокоила больного... Теперь, говорятъ въ городѣ, Строчкинъ совсѣмъ оправился (да можетъ быть, онъ и боленъ-то не былъ—притворялся, чтобъ за нимъ Силина ухаживала и съ нимъ ночевала) и чуть-ли ужь не сдѣлалъ предложеніе Силиной. Нашъ шутникъ Гитаристовъ, вы знаете, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ. Встрѣчаетъ это онъ Строчкина въ театрѣ (ну, какая-жь это болѣзнь, если онъ послѣ кризиса и двухъ недѣль не лежалъ!) да и говоритъ: „Поздравляю васъ. молодой человѣкъ, съ побѣдой: къ вамъ дѣвицы, какъ бабочки на огонь, такъ и лѣзутъ... даже ночевать приходятъ! Эхъ, кабы я самъ былъ помоложе да мнѣ самому заболѣть бы такъ-то!“ Строчкинъ на него страсть какъ окрысился: „А какое вы, милостивый государь, имѣете право выражаться такъ о госпожѣ Силиной? Я ей, можетъ быть, обязанъ жизнью!—можетъ быть, это моя невѣста!“ Говорятъ. такъ въ фойе, при публикѣ, и ляпнулъ: „невѣста!“ И подлинно—невѣста!.. Удивительно, вотъ ужь который случай, что дѣвки изъ бабьяго клуба замужъ выходятъ! Что купчихи Окорокова и Толокнова выскочили въ дамы — это не

удивительно: у ихъ тятенекъ можетъ быть десятки тысячъ въ мошнѣ. А вотъ дѣвки-то изъ бабьяго клуба выскакиваютъ! Сейчасъ это у нихъ и романъ готовъ, а тамъ чуть какой грѣхъ—этакъ талію развесетъ (и „Гранднфлора“ показала на свой тучный животъ),—сейчасъ-же махнутъ въ Питеръ или въ Москву... стало-быть, на какіе-то курсы.

Выложивъ все это скороговоркой и впопыхахъ передъ Раисой Павловной, знаменитая губернская сплетница поѣхала отъ нея еще въ два мѣста звонить о „пассажѣ“ Строчкина съ Силиной, и только тогда уже, вдосталь поработавъ языкомъ и вернувшись домой, она могла сказать себѣ: „сей день для меня не потерянъ!“

На этотъ разъ все разсказанное Храповою „Курышкѣ“ о приключеніяхъ Строчкина съ Силиной въ существенныхъ чертахъ оказалось истиною. Оба они надолго сдѣлались въ Тулуповѣ героями дня и притчей во языцѣхъ. Варіантовъ же и комментаріевъ къ ихъ роману не было конца. Самое пикантное въ этой исторіи обстоятельство было то, что Строчкинъ до своей болѣзни почти не былъ знакомъ съ Силиной. Полицмейстеръ Рогаткинъ, по порученію губернаторши, спеціально пріѣзжалъ къ Брониславѣ Викентьевѣ, чтобы разузнать все дѣло изъ перваго источника и доложить ея превосходительству; а Бронислава, конечно, была очень польщена этимъ необычайнымъ визитомъ и поусердствовала въ розсказняхъ. Болѣзнь и выздоровленіе Строчкина и усердное ухаживаніе за нимъ Силиной дѣйствительно сблизили молодыхъ людей, такъ-что рыцарски настроенному Строчкину больше ничего

не оставалось сдѣлать, какъ жениться на Силиной. А жениться онъ могъ безъ особыхъ колебаній потому, что въ качествѣ старшаго кандидата на судебныя должности онъ получалъ уже 600 руб. жалованья. Притомъ-же онъ и самой Силиной пришелся по сердцу. Отъ прежняго ея увлеченія Кріулинымъ теперь не осталось и слѣда. Такимъ образомъ, предсказаніе Вѣры Кремневой на ея счетъ блистательно оправдалось.

Вскорѣ-же члены кружка, а во главѣ его Вѣра Кремнева, имѣли удовольствіе слышать: „Исайя, ликуй“! и видѣть какъ Маша Силина вѣнчалась со Строчкинымъ. „Молодые“ Строчкины заняли квартиру у той-же Бронславы Викентьевны, чтобы не очень тратиться на обстановку и хозяйство. Нечего и говорить, что этому браку какъ нельзя болѣе обрадовалась Надя Барская: теперь уже и для нея было очевидно, что своими отношеніями къ Кріулину она ничуть не помѣшала счастью Маши Силиной.

VII.

Вечеромъ въ тотъ-же день, когда Кріулинъ объяснился съ Дуняшей, онъ по обыкновенію отправился къ Барскимъ. Старушка Барская почти всегда оставляла молодыхъ людей вдвоемъ и уходила въ другія комнаты подъ вѣчными предлогами какого-то хозяйства и другихъ дѣлъ, а Петя уже не обращалъ на Кріулина ни малѣйшаго вниманія и былъ занятъ раскрашиваніемъ картинокъ въ своей комнатѣ.

— „Невольно къ этимъ берегамъ влечетъ меня невѣдомая сила!“ напыщенно и въ то-же время сла-

щаво продекламировалъ Кріулинъ, пожимая протянутую ему Надей руку.

— Ну, кажется, ни вы, г. Кріулинъ, не похожи на опернаго князя, ни я—на русалку, дочь мельника. А впрочемъ это интересно, объяснитесь: какая-же невѣдомая сила влечетъ васъ сюда?

Много будете знать,—скоро состаритесь.

— Да мнѣ ужь и такъ 23 года, отвѣтила Надя.— А въ этомъ возрастѣ необходимо многое знать и даже очень основательно...

И въ то-же время она думала:

— Ахъ, какой недогадливый увалень!—даромъ, что красивъ!

Кріулинъ промолчалъ, усѣлся въ кресло и досталъ портъ-сигаръ.

— А помните нашъ уговоръ и ваше обѣщаніе? Вы не должны курить: во-первыхъ, никотинъ— всѣми, кромѣ нѣкоторыхъ врачей, признанный ядъ, а графъ Левъ Николаичъ Толстой утверждаетъ, что чаще всего курятъ тѣ, у кого совѣсть не чиста; во-вторыхъ, табакъ стоитъ денегъ, которыя можно было-бы употребить на неимущихъ, а въ-третьихъ, я не выношу табаку, и отсюда тотъ выводъ, что не буду терпѣть и тѣхъ, которые курятъ... Докажите же, Алексѣй Карпычъ, что вы можете собою управлять, что вы—господинъ своего слова и не будете курить!

— Ой! ой! какія вы отъ меня требуете жертвы!

И Кріулинъ, опорожнивъ портъ-сигаръ, отдалъ Надѣ всѣ свои папиросы.

— А портъ-сигаръ оставляете себѣ на память о куреніи?! смѣясь сказала Надя.

Тогда Кріулинъ отдалъ ей и портъ-сигаръ, говоря: ну, пусть онъ будетъ вашимъ трофеемъ!

— Вы должны быть мнѣ благодарны, monsieur Кріулинъ: я смотрю за вами и избавляю отъ вашихъ пороковъ и недостатковъ.

— Въ вашемъ обществѣ, при вашихъ усиленныхъ и спеціальныхъ о мнѣ заботахъ, я надѣюсь вскорѣ сдѣлаться святымъ... Вы—Надежда и даете мнѣ надежду считать васъ моимъ ангеломъ-хранителемъ.

— Безъ остроумничанья и безъ миндальностей! Вы знаете,—я этого не люблю. Не уклоняйтесь! Говорите: какая-же невѣдомая сила и почему влечетъ васъ сюда?

— Да вѣдь вы сами знаете, Надежда Петровна. Коротко и ясно: если вы позволите мнѣ съ нынѣшняго же вечера называть васъ просто „Надя“ и говорить вамъ „ты“, то мнѣ не зачѣмъ будетъ вамъ и объяснять.

— А! наконецъ-то!—вспыхнула Надя: поняла! Благословляю и разрѣшаю...

И Кріулинъ поцѣловалъ у ней руку.

— Чай готовъ! провозгласила старушка Барская.

— И женихъ готовъ! смѣясь сказа Надя.—У насъ это быстро, мама! Рекомендую вамъ: прошу любить и жаловать, какъ почтительнаго сына, моего жениха—титулярнаго совѣтника Алексѣя Карповича Кріулина, учителя исторіи и географіи въ тулуновской гимназіи и будущаго профессора. Только я не хочу быть титулярной совѣтницей... это что-то смѣшно! Слышите, Алексѣй Карпычъ! слышите!

Старушка Барская нисколько не была уди-

влена. Она давно уже ждала для дочери предложенія и не разъ уже высказывала, что прежде этакія дѣла дѣлались скорѣе.

— Ну, поздравляю! поздравляю! давно пора, батюшка! бормотала она.—Живите ладно и меня, старуху, не забывайте!

Затѣмъ старушка сняла образъ и благословила имъ невѣсту и жениха.

— А помнишь-ли, Надя, нашъ уговоръ: ты должна-же показать мнѣ всякія гаммы,. этюды и разныя музыкальныя тонкости. Иначе у насъ не пойдетъ музыка въ четыре руки.

— Зато и безъ гаммъ, безъ паузъ и шестьдесятъ четвертыхъ потокъ у насъ будетъ гармонія, если только ты будешь меня во всемъ слушать,— ну, хотя и не во всемъ, а въ чемъ слѣдуетъ: я вовсе не добиваюсь того, чтобъ ты утратилъ свою самостоятельность и личность... Впрочемъ, я серьезно боюсь, что ты безтолковъ и мало способенъ, а потому за успѣхъ въ обученіи не ручаюсь; развѣ только буду наказывать тебя—надувать губы и ставить въ уголъ...

— А я буду цѣловать эти надувшіяся губки, и онѣ расправятся и улыбнутся, а въ уголъ не стану. Лучше-же паду передъ тобою на колѣни, о моя богиня!

— Опять вычурныя пошлости!—Чтобъ я этого не слыхала!—не на шутку расердилась Надя. . .

. . . . . .

На слѣдующій день почти весь Тулуповъ уже зналъ, что Барская выходитъ замужъ за Кіріллина. „Грандифлора“, Хранова, даже позеленѣла съ до-

сады. Надя утромъ-же побѣжала сообщить объ этомъ Вѣрѣ Кремневой.

Вѣра Аркадьевна горячо поцѣловала Надю, поздравила и сказала: „такъ и запишемъ въ наши анналы! Но только не будьте на меня въ претензіи, если я выскажусь откровенно. Вашъ женихъ, кажется,—великій кривляка—не потому-ли у него и такая подходящая фамилія—Кріулинъ... Вообще онъ пустоватъ и отчасти фатъ: вотъ видите и въ рюмку вышло!—и въ немъ очень, очень, очень много недостатковъ, такъ что мнѣ васъ немного жаль... Но теперь дѣло уже рѣшено... А вы, милая Надя, возьмите-ка его хорошенько въ руки и займитесь исправленіемъ! Теперь-то, подъ вліяніемъ свѣжаго чувства, и можно будетъ многаго достигнуть. Вотъ видите—какъ все идетъ хорошо: прежняя соперница Маша Силина теперь уже счастливая madame Строчкина, а вы будущая madame Кріулина...

„Будущая madame Кріулина“ и сама отлично сознавала всѣ крупные недостатки въ своемъ женихѣ. Но въ то-же время она подмѣтила въ немъ и нѣкоторыя достоинства, напримѣръ: мягкость характера, доброту и стремленіе къ прогрессу, а главное—она вѣрила въ свои силы, въ свое вліяніе и способность Кріулина къ исправленію.—У кого-же нѣтъ пороковъ и кто безъ грѣха? утѣшала себя Надя. Чѣмъ именно Кріулинъ привлекъ ее къ себѣ—она не могла дать яснаго отвѣта. И хотя ей было-бы стыдно признаться, что красивая внѣшность Кріулина и даже его всегда безукоризненный костюмъ играли здѣсь не послѣднюю роль, но въ оправданіе Барской можно было-бы сказать, что при страст

номъ темпераментѣ и потребности въ любви ей какъ-то не приходилось встрѣчать тогда въ Тулуповѣ сколько-нибудь интересныхъ молодыхъ людей и хотя съ нѣкоторымъ положеніемъ въ обществѣ.

. . . . . .

Не удивилась и Дуняша извѣстію о помолвкѣ Кріулина: сердцемъ своимъ она давно уже предчувствовала такой исходъ постоянныхъ хожденій Кріулина къ Барскимъ. Но со времени своего утренняго объясненія ни въ какіе разговоры она съ Кріулинымъ не вступала—какъ-будто его женитьба до нея не касалась. Только Дуняша сильно похудѣла и поблѣднѣла, лицо у ней осунулось, и на немъ нерѣдко оставались слѣды слезъ. Когда однажды Кріулинъ обратился къ ней со словами: что же ты, Дуняша, не садишься за чай? — она сухо отвѣтила: „я ужь пила“.

Раза три Дуняша отпрашивалась у своего „барина“ въ церковь къ обѣднѣ и вечернѣ. Долго и усердно молилась она въ уголкѣ, кладя земные поклоны. Наконецъ надумалась и пошла въ сосѣднюю лавку Угрюмова.

— Что вамъ угодно-съ, Авдотья Митревна? лебезилъ предъ нею франтоватый приказчикъ Медвѣдевъ:—духи-съ! помада-съ! иголки! брошки разныя!

— Напишите мнѣ, Андрей Захарычъ, записку!

— Съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ-съ!— И Медвѣдевъ оторвалъ четвертушку бумаги, помусолилъ карандашъ и приготовился писать.

— Пишите такъ: „Никому я не нужна. Близкаго сродства у меня нѣтъ и жить мнѣ незачѣмъ. Все что у меня есть изъ одёжи и денегъ прошу раздать

несчастнымъ и нищимъ, а меня похоронить по-христіански. Мѣщанская дѣвица города Тулупова Авдотья Дмитріева Журавлева".

— Что вы-съ, Авдотья Митревна! Какъ это можно! Я этого ни за что писать не буду. Я еще въ отвѣтъ попаду-съ... Да съ чего-съ вы это вздумали? Вамъ-съ бы только замужъ-съ выходить; можетъ и женишокъ-съ ужь есть—потому дѣвица вы авантажная и при капиталѣ-съ, а не то что о смерти-съ думать...

— А я васъ прошу написать. Чего вы боитесь? Не напишете—другого человѣчка попрошу,—сама я умѣю только читать по-печатному. А вамъ безпокоиться нечего: вѣдь я хочу только своего барина попугать—посмѣяться, стало-быть...

Лицо Медвѣдева все еще выражало недоумѣніе.

— Ну-съ, если-съ такое дѣло—позабавиться,—извольте-съ! Я и еще что угодно-съ напишу.

И Медвѣдевъ отдалъ свою безграмотную записку Дуняшѣ, которая пошла въ какую-то мелочную лавчонку и здѣсь, пошептавшись съ лавочникомъ, купила мышьяку на гривенникъ...

— Не сумлѣвайтесь! сказала она лавочнику.

Какъ только пришла Дуняша съ своимъ снадобьемъ въ карманѣ, Кріулинъ отправился въ гимназію,—и Дуняша заперлась на крючекъ.

Къ ней подскочилъ ея любимецъ—желтый котенокъ, котораго она подняла гдѣ-то въ канавѣ, близъ рѣки, и спасла отъ мучительной смерти. Ласкаясь, котенокъ подталкивалъ Дуняшу подъ руку своею хорошенькою усатою мордочкою.

— Прощай, мой котикъ! Будутъ-ли тебя кормить безъ меня! И кому ты будешь нуженъ!

И Дуняша погладила своего „Гришку“, который отъ удовольствія началъ храпѣть и мурлыкать.

Въ послѣдній разъ Дуняша стала на колѣни предъ образомъ и долго, со слезами, молилась: „прости меня, Господи, грѣшную-окаянную!“ шептала она.

Въ кухнѣ все было прибрано. Котенокъ свернулся на подоконникѣ въ клубочекъ и грѣется на солнышкѣ. Кругомъ убійственная тишина. Между тѣмъ солнце ярко свѣтитъ и напоминаетъ о жизни.

— И послѣ меня это солнышко будетъ такъ-же свѣтить; только я не буду этого знать и чувствовать!—думаетъ Дуняша: какъ-же это?..

Наконецъ она надѣла чистое бѣлье и простое, свѣтлое платье... Поцѣловавъ свой крестъ, Дуняша глубоко вздохнула, перекрестилась, отрѣзала кусокъ булки, посыпала мышьякомъ и морщась, закрывъ глаза, принялась ѣсть... Вскорѣ-же начались рвота и жженіе подъ ложечкой. Дуняша крестилась и жадно пила воду изъ кружки. Началось головокруженіе, испарина... То мерещилось ей пошлоулыбающееся лицо Кріулина; то казалось, что стѣны валятся на нее.

Обезсиленная Дуняша уже часа три какъ лежала на своей постели въ кухнѣ. Съ ней начались галлюцинаціи, поднялась предсмертная тоска и... она умерла.

VIII.

Къ тремъ часамъ дня пришелъ изъ гимназіи Кріулинъ. Звонилъ—звонилъ: Дуняша не отпираетъ, а на дворѣ и на улицѣ ее нѣтъ. Подождавъ еще немного и предчувствуя что-то недоброе, Кріулинъ позвалъ дворника. Сломали дверь. Къ ужасу своему, Кріулинъ увидалъ мертвую Дуняшу въ кухнѣ со всѣми признаками отравленія. На столѣ лежала записка, и тутъ-же валялись остатки мышьяку въ бумажкѣ и початая булка. Рвотою были запачканы платье, постель и полъ около кровати. Вода изъ кружки была расплескана. „Гришка“ жалобно мяукалъ и, при появленіи Кріулина, въ испугѣ бросился подъ лавку...

Черезъ полчаса явился полицейскій чиновникъ, осмотрѣлъ все, составилъ актъ и приставилъ караулъ. Часа черезъ три прибылъ состоявшій въ помощи у судебнаго слѣдователя кандидатъ Строчкинъ. Въ понятые для осмотра были позваны ближайшій лавочникъ Угрюмовъ и какой-то столяръ.

— Да вѣдь это никакъ мой „молодецъ“ писалъ записку! съ удивленіемъ сказалъ Угрюмовъ.—Господи! что-же это такое? Ничего не понимаю.

Послали въ лавку за Медвѣдевымъ.

— Это вы писали записку? спросилъ Строчкинъ, пристально вглядываясь въ оробѣвшаго „молодца“.

— Такъ точно-съ, г. слѣдователь. Да вѣдь Авдотья Митревна мнѣ сказывали, что онѣ съ этою запискою хотѣли только позабавиться надъ своимъ барномъ... Нешто-бы я сталъ писать эту записку въ сурьезъ?

Строчкинъ допросилъ Медвѣдева, записалъ его показаніе въ протоколъ, а затѣмъ для разъясненія дѣла призналъ необходимымъ немедленно же допросить Кріулина.

Кріулинъ былъ страшно озадаченъ и какъ-то сконфуженъ.

— Помните, что на судѣ вы можете быть спрошены подъ присягою. Что вамъ извѣстно о причинахъ смерти вашей горничной?

Кріулинъ совсѣмъ растерялся: пробовалъ говорить и литературно и просто—ничего не выходитъ. Только чувствовалъ онъ, что говоритъ какъ-то безсвязно, а еще учитель исторіи! Ему пришло на мысль, что вѣдь, пожалуй, его самого заподозрятъ въ отравленіи Дуняши.

Видя, что Кріулинъ несетъ какую-то нескладную ахинею и околесицу, Строчкинъ сталъ предлагать ему вопросы.

— Были-ли у ней съ кѣмъ интимныя отношенія,—отвѣчалъ Кріулинъ,—ничего не знаю. Я занятъ службою и ежедневно хожу въ гимназію. Можетъ быть, Авдотья и принимала кого безъ меня... Полагаю, что это—самоубійство...

— Ни съ того, ни съ сего самоубійство не бываетъ! авторитетно выпалилъ Строчкинъ.—Значитъ, были какія-либо сердечныя или другія уважительныя причины. Сумасшествіемъ она не страдала. А кому-жь и знать, какъ не вамъ, объ этихъ причинахъ!..

— Да вѣдь Авдотья по отношенію ко мнѣ была не болѣе какъ горничная и въ откровенности со мною не пускалась,—блѣднѣя и краснѣя безсовѣстно

вралъ Кріулинъ, никогда не бывавшій на допросахъ.

— А почему-же у ней такія роскошныя для горничной платья и даже серебряный браслетъ? Почему у ней оказалось наличными деньгами болѣе двѣнадцати рублей и книжка ссудо-сберегательной кассы на вкладъ 175 руб.?

— Да вѣдь нынче и горничныя и кухарки во всемъ подражаютъ барынямъ и барышнямъ,—возражалъ Кріулинъ, путаясь въ отвѣтахъ.

— Я, конечно, г. Кріулинъ, не въ правѣ писать того, чего вы мнѣ не показывали. Можетъ быть, вы затрудняетесь признаться, что были въ близкихъ отношеніяхъ съ умершей—это ваше дѣло. Такъ и запишемъ... Но вѣдь истинныя причины смерти Авдотьи Журавлевой могутъ выясниться и помимо васъ, г. Кріулинъ!..

Несчастный учитель-женихъ бормоталъ что-то безсвязное и дрожащею рукою расписался: „Показаніе это, вѣрно записанное съ моихъ словъ, мнѣ прочтено. Титулярный совѣтникъ Алексѣй Карповъ Кріулинъ“.

Строчкинъ распорядился перевезти тѣло Дуняши въ анатомическій покой при земской больницѣ для вскрытія, которое должно было послѣдовать на другой день; затѣмъ опечаталъ рвоту, мышьякъ и проч., какъ „вещественныя доказательства“, и ушелъ.

Кріулинъ упросилъ полицейскаго чиновника оставить ему городового для надзора за квартирой, а самъ ушелъ обѣдать въ ресторанъ. Однако ѣсть онъ ничего не могъ и только выпилъ два стакана крѣпкаго чая съ кускомъ калача. Потомъ онъ ушелъ

на скверъ и здѣсь сидѣлъ и ходилъ съ полчаса, избѣгая встрѣчаться съ знакомыми, а послѣ этого ушелъ къ невѣстѣ.

. . . . . .

На другой-же день судебно-врачебное изслѣдованіе показало, что Дуняша умерла отъ отравленія, повидимому, мышьякомъ и что она на второмъ мѣсяцѣ беременности...

— Эко дивныя и роскошныя формы! говорилъ молодой врачъ.—Погибла дѣвица ни за что, ни про что! А все нашъ братъ-мужчина мерзости дѣлаетъ!..

Врачебное отдѣленіе также подтвердило, что смерть послѣдовала отъ отравленія мышьякомъ,—и блистательно произведенное Строчкинымъ слѣдственное дѣло было не менѣе блистательно прекращено окружнымъ судомъ за необнаруженіемъ виновныхъ, такъ-какъ причина смерти—самоубійство, при чемъ никто ее, Дуняшу, до этого не доводилъ. Была виновна,—изволите-ли видѣть,—сама Дуняша, но умерла и судить некого... А дѣйствительно виновный въ причиненіи ей смерти,—по крайней мѣрѣ, нравственно виновный,—учитель Кріулинъ остался по дѣлу только въ качествѣ благороднаго свидѣтеля...

IX.

Сама по себѣ смерть Дуняши не возбудила бы особыхъ толковъ въ городѣ: мало-ли кто изъ простонародья вѣшается, тонетъ и отравляется! Но личность Дуняши была тѣсно связана съ личностью Кріулина, жениха Барской и героя дня. А потому много было разговоровъ и о Дуняшѣ.

Въ первый-же вечеръ послѣ трагической смерти Дуняши и слѣдовательскаго допроса Кріулинъ подвергся еще болѣе щекотливому допросу отъ своей-же невѣсты. Онъ всячески отшучивался и пробовалъ отдѣлаться отъ допроса, но неудачно.

Надя была очень серьезна и требовательна.

— Тебя допрашивалъ судебный слѣдователь: что-же ты показалъ?—допытывалась Надя.

— Показалъ, что Дуняша была для меня не болѣе какъ горничная, въ откровенности со мною не пускалась, и причины самоубійства мнѣ неизвѣстны.

— Но вѣдь ты показалъ ложь!..

— Какъ тебѣ сказать, Надя?! Понятіе о лживости показанія бываетъ относительное...

— Такъ по-твоему, Алексѣй, выходитъ, что бываютъ двѣ правды и болѣе, смотря по обстоятельствамъ, а не одна правда... Я знаю, что ты показалъ ложь. Не трудно сообразить, что Дуняша была твоя любовница, а отравилась она потому, что ты женишься на мнѣ. Теперь всѣ такъ и говорятъ въ городѣ.

— А еслибъ даже и такъ, съ какой-же стати мнѣ компрометировать себя на предварительномъ слѣдствіи!.. Вѣдь я занимаю извѣстное положеніе въ обществѣ, какъ учитель гимназіи и, наконецъ, какъ твой женихъ. Съ какой-же стати мнѣ пускаться въ откровенности съ судебнымъ слѣдователемъ да еще безъ присяги!

— Изъ уваженія къ самому себѣ и къ истинѣ!. Неужели ты думаешь, что выигралъ во мнѣніи общества и въ моихъ глазахъ, показавши ложь? Вѣдь ты этимъ доказалъ только свою трусость и нрав-

ственную дряблость. Значитъ, по-твоему, всякія гадости можно дѣлать—только чтобъ все было шито и крыто, чтобъ были соблюдены приличія...

— Однако, Надя, ты со мною уже совсѣмъ не церемонишься!.. Вѣдь и у меня есть самолюбіе!

— У те-бя есть са-мо-любіе?! Истиннаго самолюбія, которое опирается на самоуваженіе,—никакого! Ты показалъ ложь, когда былъ обязанъ, даже по закону, говорить только правду. А еще ты—учитель! Чему же научатся отъ такого учителя твои ученики! Ну, признавайся прямо! Говорятъ, Дуняша была даже беременна, а ты былъ ея сожителемъ...

— Ну, если и такъ,—не буду отрицать этого!—отвѣтилъ сконфуженно, припертый къ стѣнѣ, женихъ.

— Очень мнѣ это пріятно слышать! Но знаешь-ли, Алексѣй, я тотчасъ-бы отказалась отъ тебя, еслибъ у тебя не хватило духа сказать мнѣ всю правду. Теперь мнѣ легче я, по крайней мѣрѣ, знаю, что ты—не совсѣмъ еще отпѣтый человѣкъ и что тебя еще можно исправить. Я не останавливаюсь уже на томъ, насколько я сама оскорблена твоими грязными отношеніями къ Дуняшѣ, какъ твоя невѣста; — вѣдь какое-жь послѣ этого существуетъ между нами равенство въ нравственномъ отношеніи? За мною нѣтъ такого грязнаго прошлаго, какъ у тебя, и, слѣдовательно, ты не долженъ бы и не имѣлъ бы права жениться на мнѣ... Отвѣчай теперь прямо: не чувствуешь-ли ты себя, хотя до нѣкоторой степени, въ положеніи нравственнаго убійцы Дуняши? Вѣдь ты долженъ помнить еще изъ школьныхъ уроковъ Закона Божія, что человѣка, нашего

ближняго, иногда можно убить даже только словомъ, а тѣмъ болѣе — путемъ обмана и обольщенія, — и это—такой-же грѣхъ, такое-же преступленіе, какъ еслибъ ты физически совершилъ убійство...

Кріулинъ поблѣднѣлъ.

— О Боже! Надя, зачѣмъ же ты меня истязаешь? Ну. виноватъ-ли я, что не могъ жениться на Дуняшѣ—даже потому, что она мнѣ не пара по развитію и образованію! Я не говорю уже о разницѣ нашего общественнаго положенія. Ну, виноватъ-ли я, что встрѣтилъ тебя! Вотъ еслибъ я, будучи твоимъ женихомъ или мужемъ, завелъ бы или продолжалъ бы любовныя связи съ такими женщинами, какъ Дуняша,—ну тогда я былъ-бы виноватъ...

— Послушай, Алексѣй! Надо и къ себѣ относиться строго. Вступая въ связь съ Дуняшей, развѣ ты не былъ убѣжденъ въ томъ, что ты никогда на ней не женишься?

— Ну, положимъ: былъ убѣжденъ;—что-жь изъ этого? Не я первый, не я и послѣдній. А развѣ и я, учитель, не могъ увлечься красивою и молодою горничною, которая сама-же добивалась поступить ко мнѣ на мѣсто и, можетъ быть, даже съ прямою цѣлью сдѣлаться моею любовницею и попасть ко мнѣ на содержаніе?

— Довольно!.. Я утѣшаю себя мыслью, что я все-таки тебя достаточно наказала. Я взяла на себя роль твоей несчастной и заснувшей совѣсти, которую ты возмутительнѣйшимъ образомъ заглушилъ на все время производства слѣдствія.

Чтобы сколько-нибудь смягчить свое обращеніе съ женихомъ и сгладить тяжелыя впечатлѣнія отъ

разговора съ нею, Надя подошла къ роялю и начала играть свою любимую „Chant du tombeau“ Шопена. Хотя могильная пѣснь и не соотвѣтствовала ея положенію невѣсты, но ничего жизнерадостнаго она играть не могла...

Посидѣвъ еще съ полчаса у своей строгой невѣсты въ какомъ-то оцѣпенѣніи и раздумьи, Кріулинъ ушелъ отъ нея какъ ошпаренный. Совѣсть заговорила въ немъ, и для нравственнаго успокоенія онъ рѣшился на этихъ-же дняхъ побывать на могилѣ Дуняши, которую хоронили только по обязанности два больничныхъ сторожа, городовой, могильщики и любопытствовавшія три старухи-нищенки... но все-таки—такъ побывать, чтобъ никто его не видалъ.—Кріулинъ рѣшился даже секретно отслужить панихиду по Дуняшѣ и раздать нищимъ десять рублей.

Однако, не смотря на служеніе панихиды „по новопреставленной рабѣ Божіей Евдокіи“ и на щедрую раздачу милостыни,—пробужденные Надей укоры совѣсти долго и долго не оставляли Кріулина въ покоѣ. И вотъ, однажды, объялъ его страшный кошмаръ... Видитъ и чувствуетъ Кріулинъ во снѣ, что по усѣянному крестами кладбищу идетъ къ нему на встрѣчу, во всемъ бѣломъ, блѣдная-блѣдная Дуняша съ заплаканными глазами и распущенными волосами...

— Что-же ты, женихъ, не зовешь меня на свадьбу? Или ты совсѣмъ отъ меня отказался, и я тебѣ ужь не мила? А вѣдь ты убилъ меня, да не совсѣмъ: вотъ я и отдохнула и ожила! Ты тѣло мое убилъ, а душу я оставила Богу... Что-же ты не

идешь со мною судиться? Давно ужь пора! А вѣдь судить-то насъ будетъ не Строчкинъ: гдѣ ему насъ разсудить?—а Самъ Господь Богъ! Вотъ Онъ меня отпустилъ съ тобою повидаться... Вотъ сейчасъ, сейчасъ явится Богъ... Ты видишь-ли дивный свѣтъ?—ты слышишь-ли пѣніе ангеловъ? А ты слышишь громъ?..

И вотъ Кріулинъ чувствуетъ, что онъ сейчасъ-сейчасъ будетъ убитъ... Вотъ длинная-предлинная молнія-змѣйка уже обожгла его, и сразу стало въ воздухѣ жарко... А вотъ и другая молнія какими-то огненными простынями почти ослѣпила его... Опять огненныя змѣйки и оглушительные раскаты грома...

— Гдѣ-же Дуняша? думаетъ Кріулинъ: все-таки ему не такъ страшно съ нею... Но ее нѣтъ, а самъ онъ теперь уже въ какомъ-то темномъ и сыромъ лѣсу... Здѣсь раздаются страшный вой и дикій свистъ... Высокія деревья такъ и гнутся, раскачиваются до земли своими вершинами, трещатъ и падаютъ... Вотъ-вотъ сейчасъ задавитъ его громадный дубъ... Какія-то большущія птицы хлопаютъ крыльями, перелетывая съ дерева на дерево... Гдѣ-же ему теперь спрятаться?—развѣ вонъ подъ тѣмъ дубомъ?—соображаетъ Кріулинъ.—Но дубы чаще всего притягиваютъ молнію... Да чего лучше?—вотъ овражекъ.

И Кріулинъ хочетъ тамъ спрятаться подъ кустомъ.

Вотъ онъ уже опускается одною ногою въ овражекъ; но увы! это—одинъ только вѣтви, безъ земли, — и онъ летитъ куда-то внизъ, летитъ-летитъ и схва-

тывается обѣими руками за тоненькій дубовый кустикъ, а подъ нимъ—темная и страшная пропасть и гдѣ-то внизу кипитъ, бурлитъ и шумитъ вода...

— Ха! ха! ха! ты струсилъ, Кріулинъ! слышится ему чей-то насмѣшливый, дикій голосъ.

А вотъ и голосъ Дуняши.

— Возьмись за веревку! кричитъ она: такъ и быть—я тебя вытащу!

И Кріулинъ схватывается за бечевку отъ сахарной головы.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ она оборвется! въ ужасѣ думаетъ онъ.

Вдругъ снова раздается оглушительный ударъ, и онъ, Кріулинъ, летитъ въ пропасть... У него защемило и замерло сердце.

Весь въ поту, проснулся Кріулинъ въ страшномъ ужасѣ, глубоко вздохнулъ нѣсколько разъ и уже не могъ заснуть до разсвѣта. . . . . .

. . . . . .

X.

Наступилъ день концерта въ пользу учащейся бѣдноты для сбора за право ученія. Въ концертѣ должна была участвовать и Надя Барская.

На площадкѣ у входа въ ярко-освѣщенный залъ дворянскаго собранія губернаторскій писецъ продавалъ билеты. Полицмейстеръ Рогаткинъ,—изъ прогусарившихся гусаръ,—ожидалъ губернаторшу у подъѣзда. Другой чиновникъ, Васютинъ, привезъ отъ губернскаго предводителя нѣсколько букетовъ и разставлялъ ихъ въ уголкѣ.

Просто одѣтая, Надя вошла въ залъ подъ-ручку съ своимъ женихомъ и направилась въ первый рядъ креселъ. Кріулинъ былъ въ полномъ нарядѣ. tiré à quatre épingles, во фракѣ и со шляпой. Публики было еще немного; но, при появленіи Барской съ женихомъ, на нихъ уставились лорнеты: ихъ оглядывали съ ногъ до головы, какъ-будто какихъ диковинныхъ звѣрей. Полицмейстеръ очистилъ путь для губернаторши, усадилъ ее на самое видное и почетное кресло, подлѣ губернскаго предводителя и его жены, а самъ сѣлъ позади „генеральши“. Хоръ гимназистовъ и гимназистокъ запѣлъ „Боже, Царя храни!“ Всѣ встали и раздались рукоплесканія. Потомъ спѣли какой-то „концертъ“, двѣ-три русскія пѣсни,—и на эстраду, медленно снимая перчатки, торжественно вошла Надя подъ-руку съ Кріулинымъ, который вызвался перевертывать ноты. Сидѣвшая позади Вѣры Кремневой „Курышка“ Раиса Павловна жадно впилась въ нихъ глазами.

На эстраду выбѣжала необыкновенно вертлявая дамочка, Синицкая, жена бухгалтера, съ manches courtes и браслетами на рукахъ, и при легкихъ аплодисментахъ, граціозно наклонивъ въ знакъ признательности головку съ какимъ-то причудливымъ гребнемъ и цвѣткомъ, усѣлась съ Надей за рояль.

Первый листъ Кріулинъ перевернулъ благополучно; но на второмъ-же листѣ замѣшкался... Синицкая остановилась. Барская улыбнулась и слегка ударила жениха вѣеромъ. Сконфуженный Кріулинъ задѣлъ локтемъ за свѣчу, которая полетѣла на эстраду.

Наша публика, въ общемъ мало развитая и мало

знакомая съ истинными приличіями, всегда бываетъ рада подобнымъ пропшествіямъ,—и вдругъ въ залѣ раздался безцеремонный смѣхъ, а кто-то въ заднихъ рядахъ даже вполголоса крикнулъ: „браво, жениxъ!“ Совсѣмъ уничтоженный, Кріулинъ ушелъ съ эстрады на свое мѣсто. Явился лакей со свѣчей и подобралъ осколки розетки. Барская съ Синицкой начали сызнова и съ большимъ успѣхомъ исполнили «Grand septuor» Бетховена. Губернскій предводитель князь Турухтановъ, любезно расшаркиваясь, подалъ имъ по букету.

Въ антрактѣ прокуроръ Кедровъ, со шляпой въ рукѣ и съ университетскимъ значкомъ на брелокѣ, подошелъ къ Вѣрѣ Кремневой. Она протянула ему руку. Это былъ уже не молодой, высокій мужчина—блондинъ, съ короткими волосами и съ очень кроткимъ, симпатичнымъ и интеллигентнымъ лицомъ.

— Вы такъ рѣдко показываетесь въ нашемъ beau mond'ѣ, въ обществѣ, Вѣра Аркадьевна. Только благодаря этому концерту, мы имѣемъ честь и удовольствіе бесѣдовать съ вами!—медленно и солидно сказалъ прокуроръ, усаживаясь рядомъ съ Вѣрой.

— У меня столько дѣла, monsieur Кедровъ, что выѣзжать мнѣ рѣшительно некогда.

— О! я давно уже знаю васъ, какъ дѣловую дѣвицу. Даже и на этотъ разъ у меня есть до васъ маленькое дѣло. Вы уже слышали, что я хлопочу объ устройствѣ исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ. Уставъ утвержденъ, маленькія денежныя средства уже собраны и дѣло это вообще налаживается. Но только могу-ли я ра-

считывать, что вы, Вѣра Аркадьевна, и члены вашего клуба возьмете на себя обученіе грамотѣ?

— О какомъ это „клубѣ“ вы говорите, monsieur Кедровъ?

— Пожалуйста, не обижайтесь, Вѣра Аркадьевна!—но у насъ, въ Тулуповѣ, вашъ таинственный кружокъ иначе не называютъ какъ „бабій клубъ“... Названіе это,—я долженъ признаться,—немножко грубовато, вульгарно и тривіально. Было-бы лучше и правильнѣе именовать вашъ кружокъ: „дѣвичій клубъ“, а судя по его представительницѣ—„клубомъ красоты и невинности“ или же—„клубомъ тулуповскихъ весталокъ“...

— Оставьте эти остроты при себѣ! Поберегите ихъ для состязанія съ господами адвокатами! Мы, то-есть нашъ кружокъ, не претендуемъ ни на красоту, ни на пустоту .. Мы ненавидимъ пустоту, въ чемъ-бы и въ комъ-бы она ни проявлялась, и заняты только нашимъ женскимъ дѣломъ, а всякаго дѣла у насъ очень много,—можетъ быть, больше чѣмъ у васъ, господинъ прокуроръ!

— Не могу объ этомъ судить и спорить, такъ-какъ не посвященъ въ вашъ кружокъ. Впрочемъ, я полагалъ-бы (и Кедровъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „бы“), что въ этомъ отношеніи можно было-бы сдѣлать исключеніе для меня, какъ прокурора.

— Въ нашихъ чисто-женскихъ дѣлахъ всякіе мужчины, а въ томъ числѣ и прокуроры, были-бы излишни... Впрочемъ, monsieur Кедровъ, если вамъ надо условиться со мною относительно просвѣщенія малолѣтнихъ арестантовъ, то я могу назначить вамъ „часъ и мѣсто“: можете придти ко мнѣ. А чтобы

вы не считали меня исключительно дѣловою дѣвицею, то я готова съ вами бесѣдовать и спорить не только какъ съ прокуроромъ, по дѣлу, но и безъ всякаго дѣла, какъ съ моимъ хорошимъ знакомымъ. Готова даже поболтать съ вами, какъ женщина, для отдыха и развлеченія... Не думайте-же, что я—только „синій чулокъ“!

И Вѣра уговорилась съ Кедровымъ относительно „часа и мѣста“ для ближайшей по времени аудіенціи.

Во второмъ отдѣленіи концерта Надя Барская играла одна и, притомъ, до того хорошо, что была принуждена исполнить сверхъ программы еще двѣ пьесы. Затѣмъ снова появился на эстрадѣ хоръ, и концертъ окончился часовъ въ 11-ть.

Къ Вѣрѣ подошелъ съ предложеніемъ услугъ ея кузенъ Васютинъ. Онъ подалъ ей шубу, крикнулъ ея кучера Илью, усадилъ и самъ сѣлъ съ нею въ сани. Аркадій Иванычъ остался еще въ собраніи, чтобы поиграть въ картишки.

— А вы, Pierre, все суетитесь съ букетами? спросила Вѣра: въ этомъ что-ли состоитъ ваша служба?

— Вѣдь надо-же кому-нибудь и съ букетами возиться!.. Ну, чтожь, кузина, если я не способенъ на болѣе серьезныя дѣла: всякому—свое! Вы вотъ все умныя книжки читаете, а для меня хоть-бы ихъ и не было,—и такъ тоскища страшная! Просто не знаю—куда мнѣ дѣваться!..

— Но вѣдь и кромѣ возни съ букетами вы, Pierre, могли-бы приносить болѣе ощутительную пользу. Ну, есть-ли смыслъ,—подумайте хорошень-

ко!—писать ежедневно двѣ или три никому ненужныя и ни для кого неинтересныя бумажки: велѣдствіе рапорта за номеромъ такимъ-то,—и такъ далѣе? Ну, есть ли смыслъ дежурить,—то-есть торчать почти безъ надобности,—при губернаторѣ и, пожалуй, танцовать по его приказанію на тѣхъ soirées, которые онъ считаетъ себя обязаннымъ отъ времени до времени устраивать? Мнѣ жаль васъ, Pierre! Пора-бы вамъ и жениться...

— Но вѣдь я пока только—младшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ.

— А развѣ вамъ интересно сдѣлаться становымъ приставомъ, исправникомъ или земскимъ начальникомъ? Полноте, Pierre! Вѣдь вы и безъ службы можете существовать припѣваючи. У васъ полтораста десятинъ отличной земли. Подумайте, что иной порядочный мужикъ съ успѣхомъ ведетъ свое хозяйство даже только на двухъ-трехъ десятинахъ. Живите въ деревнѣ и займитесь хозяйствомъ! А что вы скажете насчетъ Любочки Шашкиной?—прекрасная дѣвушка и даже къ вамъ неравнодушна!.. Бѣдна, но это и не важно для васъ.

— Не могу не вѣрить вамъ, кузина! оживился Васютинъ.—Можетъ быть и послѣдую вашему благому совѣту... Если вы не пошутили насчетъ госпожи Шашкиной, то надѣюсь имѣть у ней успѣхъ при вашемъ парламентерствѣ.

— Готова вамъ отъ души сосватать Любу. А вотъ мы и пріѣхали. Благодарю за проводы, Pierre! —И на прощанье Вѣра подала ему руку.

XI.

Отпустивъ кучера Кремневыхъ, предлагавшаго довезти его до квартиры, Васютинъ медленно и въ какомъ-то раздумьи пошелъ домой.

— А вѣдь и правду сказала Вѣра, размышлялъ онъ: ну, что я такое изъ себя представляю? Раньше и я билеты развозилъ и продавалъ, афишки заказывалъ, гостей къ губернатору приглашалъ, а теперь сталъ чиномъ повыше—по буктной части... Въ сущности, я—не больше какъ лакей на посылкахъ у ихъ превосходительствъ. Генералъ—такъ тотъ никогда меня по имени не называетъ, даже фамилію иной разъ перевираетъ: „Васичкинъ! Васюточкинъ!“ А то просто такъ-таки и кричитъ швейцару: „пошли Васичкина къ правителю! пошли Васичкина въ типографію! пусть сбѣгаетъ въ губернское присутствіе!“ А генеральша безъ церемоній суетъ лоскутки матерій и говоритъ: „вы, молодой человѣкъ, посмотрите у Самсонова или у Вавилова—нѣтъ-ли чего тамъ подходящаго и справьтесь какая цѣна!—но непремѣнно скажите, что это требуется для супруги начальника губерніи! Да еще отвезите записку къ Мухинымъ и справьтесь у ветеринара чѣмъ лѣчитъ зачоску у собачки!“ Изъ чего-же я бьюсь! Не только въ становые, даже въ земскіе начальники я и самъ-то не пойду... Чинъ у меня есть—коллежскій секретарь, а самое главное—у меня есть то, чего у многихъ и многихъ нѣтъ: весьма недурное имѣньице, и стоитъ имъ только заняться. А если мною дѣйствительно интересуется Любочка Шашкина, то и это очень недурно... Въ

ней, дѣйствительно, есть что-то симпатичное и такъ много женственности!—хохотушка большая! Ну, понятно, ее нельзя и сравнивать по уму съ Вѣрой Аркадьевной, да вѣдь съ очень умными и самъ-то изъ дураковъ не вылѣзешь... Нѣтъ, надо—непремѣнно надо серьезно обратить вниманіе на Любочку: вѣдь мнѣ ужь скоро подъ тридцать!...

Въ такомъ настроеніи возвратился Васютинъ домой и, выпивъ стаканъ молока съ хлѣбомъ, легъ спать. Но въ этотъ разъ онъ долго не могъ заснуть, продолжая свои размышленія . . . . . .

. . . . . .

На другой-же день „Курышка“ ранехонько прилетѣла къ „Грандифлорѣ“, чтобы выложить ей съ три короба впечатлѣній отъ концерта и тѣмъ облегчить свою душу. Дѣло въ томъ, что „Грандифлора“ никакъ не могла попасть въ концертъ: у ней страшно болѣли зубы. Свою-же дщерь Анютку она не рѣшилась пустить одну, безъ себя.

— Ахъ, милѣйшая Дарья Ивановна,—затараторила „Курышка“: вы о ч е н ь много потеряли, что не были вчера... Представьте!—на губернаторской Эмиліи были серьги—рублей триста стоютъ! Не похоже, чтобъ это были faux diamants. Платье—настоящаго ліонскаго бархата съ э т а к о й вырѣзкой (и она показала на грудь) и съ чудеснѣйшимъ валансіеномъ. Губернаторша почти весь концертъ съ нея глазъ не спускала: уставитъ этакъ лорнетку и шепчетъ что-то предводительшѣ... А губернаторъ—даромъ что не мудрецъ, а виду не показываетъ—какъ-будто все это до него не касается... Всему городу извѣстно, что не можетъ-же Эмилія сама такъ

одѣваться. Правительша канцеляріи, Звонарева, мнѣ подъ секретомъ сказывала, что генералъ все свое прошлогоднее казенное пособіе на Эмилію ухлопалъ—потому и канцелярія къ новому году меньше наградныхъ получила... Купецъ Коноплянкинъ—можете себѣ представить!—чуть не вслухъ поругался съ своею благовѣрною супружницею... Сидятъ это они рядышкомъ, какъ-будто голубки. А только слышу—онъ самъ-то и бурчитъ: „ну, объ этомъ, Анна Гавриловна, послѣ—дома поговоримъ! Чай, плетку-то помнишь!“ Они, стало-быть, какъ это называется!—по-старинному, по Домострою живутъ! Она смѣтила, что я-то слушаю,—ну и замолчала, и этакъ на меня глазами своему супругу показываетъ... Ну, жаль, что скоро спохватились, а то и еще бы у нихъ были интересные разговоры... Ведерниковъ-то!—опять нахлестался въ лоскъ! Сидитъ этто – какъ-будто и впрямь слушаетъ музыку, а самъ-то опустилъ усищи на грудь и сопитъ, стало-быть дремлетъ,—даже и слюни изо рта показались... просто скандалъ! А отъ самого винищемъ-то и табакомъ такъ и несетъ! Полицмейстеръ же Рогаткинъ ничего не видитъ—все свою генеральшу караулитъ: вѣдь, говорятъ, онъ у ней въ фаворѣ—только ею и держится... А самое интересное я вамъ разскажу—какъ нашъ женихъ-то Кріулинъ отличился! Можете себѣ представить!—тоже въ музыканты записался, вздумалъ помогать невѣстѣ ноты переворачивать... Ну, только сбилъ ее, конечно... Она его ка-акъ хватитъ вѣеромъ по башкѣ—дѣвка-то должно съ характеромъ! А онъ одурѣлъ да какъ... шаркнетъ локтемъ подсвѣчникъ-то на

поль!--ну, понятно, все—въ дребезги, а самъ убѣжалъ. Ужь какъ я жалѣла, что васъ-то, Дарья Ивановна, не было! ужь какъ я жалѣла, что онъ при этакой-то оказіи самъ-то не растянулся во фракѣ! Ну, могу сказать, что не даромъ денежки за концертъ отдала...

„Грандифлора“ съ наслажденіемъ слушала.

— Да, чуть было не забыла, Дарья Ивановна!—еще любопытная исторія вышла. Подходитъ это прокуроръ Кедровъ къ нашей начальницѣ бабьяго клуба и начинаетъ это разсыпаться, а я сижу позади и все слушаю. Вижу,—любезничаетъ и въ гости напрашивается... Ну, наша Вѣрка растаяла и говоритъ, что она завсегда рада не только по дѣламъ, но даже и безъ всякихъ дѣловъ поболтать: „милости просимъ!“—Какъ вы полагаете, Дарья Ивановна?—Вѣдь это у нихъ не спроста! Вѣдь прокурора-то и калачемъ не заманишь въ домъ, гдѣ этакъ дѣвицы есть на возрастѣ...

— Да я вамъ, Раиса Павловна, ужь давно говорила: душу свою готова прозакладывать, что Вѣрка Кремнева норовитъ прокуроршей сдѣлаться! Отъ моего глаза ужь ничто не уйдетъ! Этакое счастье!—подите вы!—этакая удача нашимъ дѣвкамъ!.. Ужь вы какъ хотите, Раиса Павловна, а я свою Анютку непремѣнно въ ихній клубъ запишу! Скорѣе съ рукъ сойдетъ! Ужь какъ-никакъ, а всуну ее туда: только и женихи вьются, что около дѣвокъ изъ бабьяго клуба! А ужь какъ любой дѣвкѣ перемахнуло этакъ лѣтъ за двадцать съ хвостикомъ, такъ ужь ты и гляди на нее—все равно, что матерія вышла изъ моды: всякій лядащій женишишка—

и тотъ брезгаетъ... А если мнѣ это дѣло не удастся (Вѣрка Кремнева такая несговорчивая!), то ужь и я ихняго клуба въ покоѣ не оставлю—вотъ вамъ въ свидѣтели Царица небесная! (и „Грандифлора“ перекрестилась).—Ужь не бывать ему въ Тулуповѣ!

Говоря это, Храпова пришла въ такой азартъ, что съ лица ея соскочилъ платокъ, которымъ были подвязаны ея больные зубы.

— Что-жь вы такое придумали, милая Дарья Ивановна? любопытствовала „Курышка“.

— А вотъ увидите! увидите! отвѣтила „Грандифлора“.

XII.

Черезъ недѣлю, оправившись отъ нестерпимой зубной боли, которая разрѣшилась флюсомъ, „Грандифлора“ поѣхала съ своей Анюткой къ Вѣрѣ Кремневой, чтобы „всунуть Анютку въ ихній клубъ“, какъ она выражалась; а если это не удастся, то хоть для того, чтобы попытать Вѣру насчетъ ея кружка и высмотрѣть тамъ все досконально.

Анютка была вышедшая изъ четвертаго класса гимназіи по неспособности къ наукамъ довольно крупная блондинка, лѣтъ этакъ за двадцать „съ хвостикомъ“, какъ говорила ея маменька. Напрасно влюблялась она въ разныхъ душекъ—офицеровъ и кавалеровъ, а въ томъ числѣ и въ неразъ танцовавшаго съ нею губернаторскаго чиновника Васютина: никакого марьяжнаго толка изъ этого не выходило... На картахъ же, при гаданіи, ей постоянно выпадали въ женихи то камеръюнкеръ, то камергеръ. Лю-

бимымъ ея занятіемъ было также созерцать разныя „кружевца и прошивочки“. Кромѣ недававшихся ея мозгамъ учебниковъ и плохонькихъ, раздирательныхъ по своему сюжету, романовъ, никакихъ хорошихъ и дѣльныхъ книжекъ она не читала и постоянно возилась съ кошками. Въ общемъ же это была какая-то безличная и добродушная толстушка,— одна изъ тѣхъ, на которыхъ обращаютъ вниманіе только тогда, когда онѣ имѣютъ приличный кушъ въ видѣ „прилагательнаго“: а прилагательнаго-то для Анютки, какъ на грѣхъ, и не полагалось...

Разодѣтыя въ пухъ и въ прахъ, съ разными кружевцами и прошивочками, маменька и дочка Храповы покатили къ Кремневой „съ визитомъ“.

Подъѣзжая къ дому Кремневыхъ, „Грандифлора“ успѣла замѣтить отошедшую отъ окна Вѣру и съ апломбомъ позвонила. Но каково-же было ея удивленіе, когда горничная Лиза объявила ей, что Вѣра Аркадьевна „никого не велѣли принимать!“

— Да вѣдь я видѣла вашу барышню! Она—дома! протестовала „Грандифлора“.

— Барышня точно сейчасъ дома, да онѣ только-что пріѣхали съ вокзала и привезли коробъ съ книгами и теперича раскладываютъ ихъ, записываютъ и считаютъ...

— Коробъ съ книгами?!—удивилась Храпова и начала что-то соображать.—А у васъ вчера опять барышни собирались?... И прокуроръ былъ?

— Были только однѣ барышни и о чемъ-то все спорили,—больше о книжкахъ. Прокуроръ г. Кедровъ пріѣзжали, да и имъ отказали: когда барышни собираются, — мужчинъ у насъ не принимаютъ...

Допрежъ того, послѣ концерта, прокуроръ у насъ раза три были.

— Да ты скажи толкомъ, душа моя! можетъ быть Вѣра Аркадьевна только меня не велѣла принимать? Вѣдь я къ ней съ визитомъ...

— Мнѣ еще съ утра было сказано никого не принимать.

— Неужели ваши дѣвицы все только и спорили? Вѣдь у барышень, чай, и о кавалерахъ бываютъ разговоры! любопытствовала „Грандифлора“.

— Не знаю-съ, можетъ быть и о кавалерахъ разговаривали...

— Гм! такъ это у васъ всегда дѣла? И часто къ вамъ книги присылаютъ? Чай, и писемъ-то много получаете?

— Присылаютъ и книги, а письма рѣдкій день у насъ не бываютъ...

— Что-жь у васъ такъ и не танцовали вчера? вмѣшалась въ допросъ Анютка.

— Вчера у насъ и музыки-то не было: потому— барышня Барская готовятся къ свадьбѣ.

— Кому вѣнчальное платье заказывали?—мадамъ Полинѣ? волновалась Анютка.

— Барышня Надежда Петровна сами сшили.

— А кружево какое?

— Я что-то никакого кружева не видала, когда онѣ примѣряли его съ Вѣрой Аркадьевной.

— Какъ-же это можно безъ кружева! удивилась Анютка.—А платье какое?—тарлатановое или шелковое?

— Нѣтъ,—изъ какой-то свѣтлой и прочной матеріи: я и сама не знаю!—чтобъ можно было его

всегда носить. Объ этомъ барышни такъ и говорили тогда промежъ себя.

— А шлейфъ очень длинный?

— Совсѣмъ безъ шлейфа, короткое платье; да вотъ какъ на мнѣ! отвѣтила Лиза.

— Какъ-же это можно безъ шлейфа! снова удивилась Анютка.

— Ну, дѣлать нечего! разрѣшилась „Грандифлора“: отдай мою карточку!

И не солоно похлебавши, ничего путемъ не узнавши, „Грандифлора“ отправилась съ своей дочкой во-свояси.

— А! понимаю! понимаю! соображала маменька: книги коробами высылаютъ, товаромъ, по желѣзной дорогѣ, и безпрестанныя письма... Ну, подлая, хитрая Вѣрка! погоди! скоро мы съ тобой разсчитаемся! Я тебѣ попомню мой визитъ!

— Ахъ, какъ-бы это повидать вѣнчальное платье! Неужто безъ кружева и безъ шлейфа!—и по какой-же это модѣ!—думала дочка: да гдѣ имъ самимъ спить!..

Когда Храповы уѣхали, Вѣра обратилась къ Лизѣ.

— Пожалуйста, Лиза, не принимайте эту даму! Всегда отвѣчайте, что меня дома нѣтъ и не пускайтесь съ нею въ разговоры! Что это она васъ такъ долго исповѣдовала? И что ей нужно!—Матеріалъ для пересудовъ и сплетенъ: вотъ ужь подлинно „Грандифлора“! Препротивная женщина!

. . . . . .

Кедровъ дѣйствительно былъ нѣсколько разъ въ гостяхъ у Вѣры Кремневой, а послѣ визита „Гран-

дифлоры" участилъ свои посѣщенія. Чѣмъ чаще онъ бесѣдовалъ съ Вѣрой, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждался, что эта дѣвушка—далеко не заурядная. Онъ сталъ ощущать видимое удовольствіе отъ встрѣчъ и разговоровъ съ нею tête-à-tête. Его поражали изящество, тонкость ея ума, дѣловитость, доброта и огромная для дѣвушки начитанность. И Вѣра сразу-же отгадала, что прокуроръ бываетъ у ней, безъ обычныхъ визитовъ, просто потому, что интересуется ею, какъ женщиной... Все это утѣшало ее и льстило самолюбію. Но всякій разъ она очень ловко уклонялась отъ разъясненій всего того, что такъ или иначе касалось ея кружка.

— У насъ чисто-женскія дѣла и женскіе интересы: мы читаемъ, споримъ, занимаемся музыкою и не скучаемъ—вотъ и все! говорила Вѣра.

— Знаете-ли что, Вѣра Аркадьевна! сказалъ ей однажды прокуроръ въ одно изъ своихъ вечернихъ посѣщеній: вы скоро обратите меня на путь истинный. До сихъ поръ,—а мнѣ ужь 45 лѣтъ,—я не вѣрилъ въ женщинъ и смотрѣлъ на бракъ какъ на нѣчто ужасное. Не думайте, что этимъ заявленіемъ я рекомендуюсь вамъ какъ женихъ!.. Нѣтъ, я только хотѣлъ сказать, что, къ стыду моему, чуть-ли не всѣ женщины казались мнѣ какими-то человѣческими существами низшаго порядка, — взглядъ, правда, немножко восточный, азіатскій!—и что онѣ, пожалуй, и необходимы, но только главнымъ образомъ для продолженія рода человѣческаго...

— Вы напрасно такъ думали, monsieur Кедровъ. Что за обидное для насъ представленіе! У каждаго человѣческаго существа должны быть свои стремле-

нія, свои цѣли и задачи жизни. Въ каждомъ человѣкѣ,—будь это мужчина или женщина,—непремѣнно есть крупицы хорошаго: у одного онѣ крупнѣе и доброкачественнѣе, у другого—мельче и хуже. Важно только найти ихъ, пробудить къ жизни и путемъ взаимодѣйствія культивировать ихъ. Тогда и зерно горчичное, какъ сказано въ Евангеліи, разрастется въ большое, тѣнистое дерево, въ которомъ могутъ найти убѣжище и птицы небесныя. А что толку въ одномъ отрицаніи и пессимизмѣ! Люди на пути взаимныхъ подозрѣній, злословія и вражды, опираясь на кончикъ меча, торпеды и усовершенствованный для взаимнаго убійства порохъ, далеко не уйдутъ и, какъ обнажившіе мечъ, отъ меча погибнутъ. Притомъ-же мечъ ржавѣетъ и требуетъ постоянныхъ и напряженныхъ расходовъ для исправленія его... Надо будить мертвецовъ: тогда и омертвѣлая жизнь породитъ жизнь. Представьте-же себѣ, что мы интересовались-бы и цѣнили-бы только то, что удовлетворяетъ нашимъ животнымъ потребностямъ и эгоизму,—еслибъ мы только пили, ѣли, спали-бы, сплетничали и, пожалуй, размножались-бы... Тогда мы были-бы живыми мертвецами въ этическомъ и соціальномъ смыслѣ, хотя-бы отъ насъ по непреложнымъ законамъ природы и появлялись-бы на свѣтъ живыя существа—такіе-же ничтожные люди, которые только срамятъ свое человѣческое достоинство и значеніе во вселенной. Вѣдь надоже и намъ, хотя сколько-нибудь, оправдать наше появленіе въ міръ и существованіе на земномъ шарѣ по волѣ Творца! Въ частности же, въ отношеніи женщинъ, не можетъ быть, чтобы Богъ,—это

наимудрѣйшее и наисправедливѣйшее Существо,—создавая два пола, желалъ или имѣлъ въ виду установить фактическое и юридическое неравенство между мужчинами и женщинами въ пользу мужчинъ—только на томъ основаніи, что физически они, вообще, сильнѣе женщинъ... Зачѣмъ-же послѣ этого у васъ, просвѣщеннаго мужчины, такое обидное для женщинъ представленіе о значеніи, правахъ и назначеніи женщинъ?

— Да, вы правы!—сказалъ и вздохнулъ Кедровъ: на однѣхъ статьяхъ нашего уложенія о наказаніяхъ и на циркулярахъ, даже самыхъ глубокомысленныхъ, далеко не уѣдешь...

Такой неожиданный скачокъ въ мысляхъ прокурора разсмѣшилъ Вѣру.

— Вы и тутъ не могли обойтись безъ вашего ужаснаго уложенія и циркуляровъ?!..

— Что дѣлать, Вѣра Аркадьевна! Вѣдь нашими-же законами опредѣляются права мужчинъ и женщинъ. А если я вспомнилъ объ уложеніи и циркулярахъ, то вѣдь мужикъ толкуетъ о пахотѣ, молотьбѣ, податяхъ и кабакѣ; маляръ—о своихъ вывѣскахъ, кистяхъ и палитрѣ; сапожникъ—о колодкахъ и достоинствахъ гамбургскаго и петербургскаго товара; охотникъ—о собакахъ и ружьѣ, а прокурору, къ сожалѣнію, приходится нерѣдко только и думать, что объ однѣхъ статьяхъ закона и о циркулярахъ... Я хотѣлъ только выразить—насколько не пригодны наши существующія, избитыя практикой жизни, средства для осуществленія той желательной равноправности мужчинъ и женщинъ, о которой вы только-что говорили. Законнаго же

стремленія женщинъ добиться чего-либо лучшаго по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ для меня представляется внѣ всякаго сомнѣнія.

— А какія дѣйствительныя средства и, притомъ, вполнѣ законныя могли бы употребить—ну, хотя-бы наши тулуповскія женщины, чтобы добиться этой равноправности или, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность разумно и независимо устраивать свою жизнь?—не безъ лукавства спросила Вѣра.—Вѣдь на одномъ только „стремленіи“ женщины также далеко не уѣдутъ, какъ и вы, г. прокуроръ, на своемъ уложеніи о наказаніяхъ и на циркулярахъ...

Прокуроръ улыбнулся, а потомъ вздохнулъ и серьезно отвѣтилъ:

— Я, право, затрудняюсь дать вамъ отвѣтъ. Пока я этихъ средствъ еще не вижу и не знаю...

. . . . . .

XIII.

Прошло еще нѣсколько недѣль.

Дѣла Васютина съ Любочкой Шашкиной замѣтно подвигались впередъ. Васютинъ такъ и рѣшилъ, что если у него устроятся „извѣстныя“ отношенія къ Любочкѣ, то-есть если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе,—въ успѣхѣ же онъ былъ увѣренъ,—то онъ и службу свою броситъ, и займется хозяйствомъ въ деревнѣ.

Но, отличавшійся нерѣшительностью, Васютинъ былъ въ положеніи человѣка, когда „и хочется и колется“. Онъ все отдалялъ рѣшительный моментъ объясненія съ Любочкой подъ тѣмъ предлогомъ, что

вѣдь „это дѣло—не калачъ купить“: вся, молъ, будущность отъ этого «шага» зависитъ и проч.—Для оправданія медлительности въ дѣлахъ этого рода, когда человѣку приходится „тянуть канитель“,—опытными и „благоразумными“ людьми.—преимущественно кумушками въ возрастѣ отъ 30-ти до 50-ти лѣтъ,—выработано множество „спасительныхъ“, ходячихъ и избитыхъ правилъ и правилецъ, которыя носятся и вынимаются изъ кармана, какъ предохранительныя средства и амулеты, будучи у всѣхъ на языкѣ, хотя все-таки эти правильца не избавляютъ людей отъ ошибокъ и несчастія... А все-таки Васютинъ точно ждалъ, для собственнаго оправданія, какого-то внѣшняго толчка, чтобы сдѣлать Любочкѣ „предложеніе“...

Однажды,—это было уже въ іюнѣ,—Васютинъ пришелъ къ Любочкѣ на закатѣ солнца. Отецъ ея, отставной майоръ, по обыкновенію читалъ „Сынъ Отечества“; сестренка Соня что-то вышивала въ пяльцахъ; мать съ котенкомъ на колѣняхъ раскладывала карты. Часы съ кукушкой своимъ мѣрнымъ ходомъ и стукомъ напоминали всѣмъ, что ни человѣкъ съ своими хитрыми изобрѣтеніями и ничто въ мірѣ не можетъ задержать теченіе неумолимаго времени, приближая съ каждою минутою всѣхъ людей къ могилѣ... Эта печальная мысль почему-то вдругъ мелькнула въ головѣ Васютина, когда при его появленіи часы зашипѣли и кукушка прокуковала...

Перекинувшись со стариками двумя-тремя словами вродѣ: какъ поживаете? что подѣлываете? всѣ-ли вы здоровы?—Васютинъ заглянулъ на работу въ пяльцы, похвалилъ Соню, сказавъ: „какая вы, одна-

ко, мастерица!“ и вышелъ на террасу, спускавшуюся въ палисадникъ. Онъ увидалъ здѣсь Любочку съ лейкою въ рукахъ. Дивно хороша показалась она Васютину въ этотъ разъ въ своемъ короткомъ сарпинковомъ, простенькомъ, но по модѣ сшитомъ, платьѣ!

Въ дѣйствительности Любочку нельзя было назвать даже и хорошенькою. Она была только молода, стройна и симпатична. Большимъ умомъ Любочка не отличалась и была живого, смѣшливаго характера.

Недавно высаженные, стройно и симметрично расположенные ряды левкоевъ, гвоздикъ, петуній и анютиныхъ глазокъ уже кое-гдѣ давали свои первые цвѣты. Кузнечики умолкли; но ласточки все еще рѣяли въ воздухѣ, описывая круги и какъ-бы состязаясь между собою въ быстротѣ полета... Заря медленно погасала и на травѣ уже показалась легкая роса. Медленно взлетывали какія-то небольшія сумеречныя бабочки. Наконецъ промчалась надъ головою Васютина зигзагами подъ острыми углами, первая летучая мышь.

— Хотите-ли я буду вамъ помогать? спросилъ Васютинъ.

— Очень рада. Полейте вонъ ту дальнюю грядку, а то мнѣ приходится перепрыгивать...

И Васютинъ, схвативъ полную водою лейку, въ какомъ-то охватившемъ его волненіи, плеснулъ себѣ на сапоги.

— Вотъ въ садовники-то вы и не годитесь! поддразнила его Любочка.

— Напрасно вы такъ думаете, Любовь Петровна.

Я именно намѣренъ поселиться въ деревнѣ и буду тамъ садовничать и огородничать на просторѣ. Только мнѣ нужна хорошенькая.... я хотѣлъ сказать—хорошая садовница... такая какъ вы!

И Васютинъ покраснѣлъ, самъ удивившись въ то-же время своей находчивости.

— А сколько вы будете платить мнѣ въ мѣсяцъ или за лѣто? поддразнила Васютина Любочка.

— 50 рублей въ лѣто на моихъ харчáхъ: не дорого?

— Вовсе не дорого, потому что я цѣню свой трудъ и свое искусство дороже. А лѣто пройдетъ,— вы и откажете несчастной садовницѣ,—скажете: «скатертью тебѣ дорога, матушка!» Какъ это говорится въ одной пѣсенкѣ?—«Добраго пути вамъ желаю я! Говорятъ, Италія — славная земля!» — Такъ что-ли вы скажете садовницѣ? — и, пожалуй, въ утѣшеніе дадите ей еще букетъ на прощанье?

Васютинъ засмѣялся.

— О, нѣтъ! Отъ самой садовницы будетъ зависѣть остаться у меня... на весь годъ, а можетъ быть и навсегда въ качествѣ домоправительницы.

— Навсегда!? — и только... въ качествѣ домоправительницы?!—ужаснулась Любочка: кто-же къ вамъ, милостивый государь, пойдетъ на такихъ условіяхъ?

— Но вѣдь и отъ самой такой домоправительницы будетъ зависѣть занять у меня болѣе прочное положеніе, чѣмъ простой экономки...

— Какое-же это особое „прочное“ положеніе? при-

творялась Любочка не понимающею въ чемъ дѣло и продолжая его поддразнивать.

— Ну, не трудно угадать! отвѣтилъ Васютинъ.— Скажите мнѣ прямо: согласились-ли бы вы быть моею садовницею, домоправительницею и... женою?

Васютинъ при этомъ даже поперхнулся отъ смущенія.

— А, ну теперь я поняла! весело отвѣтила Любочка.—Давно-бы такъ, а то вы все какія-то аллегоріи разводите... Да вѣдь вамъ, чай, и Вѣра Аркадьевна ужь говорила, что и я очень не прочь сдѣлаться вашею „садовницею“ навсегда. Ну, говорите: былъ такой грѣхъ? Просвѣщала васъ по этому предмету Вѣра Аркадьевна?

— Да, просвѣщала и даже отъ души совѣтовала какъ кузина.

— А безъ Вѣры Аркадьевны вы-бы и не обратились ко мнѣ... съ предложеніемъ?

— Право, не знаю.

— У, какой увалень! А еще губернаторскій чиновникъ и танцуете у „генерала“ на вечерахъ.

— Я не желаю имъ быть и не намѣренъ больше у него танцовать.

— И прекрасно. И такъ, рѣшено и подписано, что я на вѣчныя времена остаюсь вашею садовницею, домоправительницею и... женою?

— Выходитъ, что такъ, Любовь Петровна.

— Ну, такъ я теперь для васъ не Любовь Петровна, а Любочка. Шаркайте ножкой предъ моими родителями! Маршъ сейчасъ въ комнаты!

И полусконфуженный Васютинъ довольно сбивчиво разсказалъ майору и майоршѣ исторію о томъ,

какъ онъ „нанималъ“ Любочку къ себѣ, въ деревню, въ садовницы и что она ему на это отвѣтила.

Сперва майоръ ничего не понималъ во время этого длиннаго повѣствованія и даже потиралъ себѣ лобъ, снявъ очки, чтобы сообразить въ чемъ дѣло.

— Эхъ ты, безтолочь моя благовѣрная, Петръ Саввичъ! А еще майоръ—ротой командовалъ и крѣпость штурмовалъ! сказала ему майорша.—Да вѣдь Петръ Андреевичъ предложеніе сдѣлалъ нашей Любочкѣ!..

— Какъ?—предложеніе?—взаправду?.. Ура! закричалъ майоръ и заключилъ Любочку и своего будущаго зятя въ объятія. Потомъ тутъ-же съ радости перецѣловался съ майоршей, съ меньшою дочкой Соней и даже съ кухаркой Василисой, которая прибѣжала поздравлять.

— Мамочка! кричала въ восторгѣ Соня: какія я теперь чудесныя туфли вышью Петру Андреичу! и ермолку вышью—ха-ха-ха!—вотъ будетъ хорошъ-то!

XIV.

Вѣсть о женитьбѣ Васютина быстро облетѣла весь Тулуповъ и произвела замѣтную сенсацію у маменекъ, тетенекъ и кумушекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, уже не расчитывавшія на Васютина, какъ на жениха, искренно обрадовались этой новости. Съ своей точки зрѣнія, возрадовался этому событію и правитель канцеляріи Звонаревъ, который быстро сообразилъ, что съ выходомъ Васютина въ отставку онъ съ успѣхомъ можетъ опредѣлить на его мѣсто своего родственничка—семинариста: для этого

стоило только обратиться съ поклономъ къ полицмейстеру Рогаткину, а полицмейстеръ всего можетъ достигнуть чрезъ губернаторшу. При этомъ Звонаревъ, какъ водится, не упустилъ случая сорвать крупное приношеніе съ своего-же родственничка: протежируя искателей полицейскихъ и другихъ мелкихъ должностей въ губерніи, онъ въ отношеніи принятія „благодарности“ не щадилъ даже своихъ близкихъ родныхъ. Зато никто такъ весело и бойко, „по большой“, не игралъ въ клубахъ, какъ Звонаревъ. У него-же приготовлялись и дивныя, лучшія наливки въ Тулуповѣ... изъ дарового спирта. А самъ онъ, пользуясь репутаціей очень умнаго, знающаго и дѣльнаго человѣка, мѣтилъ уже въ дѣйствительные статскіе совѣтники, разсчитывая занять мѣсто управляющаго отдѣленіемъ крестьянскаго банка.

Прежде другихъ объ этомъ матримоніальномъ событіи узнала госпожа Храпова.

„Грандифлора“ пришла въ неописанную ярость. Какъ?—и этотъ женихъ, да еще помѣщикъ, улизнулъ отъ нея?.. Да вѣдь на послѣднемъ семейномъ вечерѣ, въ клубѣ, Васютинъ два раза танцовалъ съ ея Анюткой, а предъ этимъ нѣсколько разъ былъ у ней, Храповой, съ визитомъ!.. Послѣ этого Анютка чуть-чуть не послала ему по городской почтѣ объясненіе въ любви, да хорошо еще, что она, мать, во-время досмотрѣла и устыдила ее...

— А все Вѣрка Кремнева старается! разговаривала сама съ собою Храпова: ну, постой-же, голубушка, я тебѣ удружу! И визитъ мой къ тебѣ припомню!

И „Грандифлора“ съ утра заперлась въ своей спальнѣ. Съ непривычки излагать свои мысли письменно,—долго она что-то писала, перечитывала, зачеркивала и переправляла. Наконецъ, крупнымъ, измѣненнымъ почеркомъ и нарочно сдѣлавъ нѣсколько грубыхъ орографическихъ ошибокъ, она написала:

„Его высокородію,
г. начальнику тулуповскаго жандармскаго управленія.

Заявленіе.

„Сидите вы, г. полковникъ, ужь сколько лѣтъ, ордена получаете и только разбиваете колоды картъ, а не знаете того, что у васъ дѣлается подъ носомъ въ городѣ Тулуповѣ! Какъ патріотъ и по долгу совѣсти, заявляю вамъ, что у насъ завелось,—и я увѣренъ въ томъ,—работаетъ противъ правительства тайное, по виду—женское, общество. Чѣмъ именно эти нигилистки занимаются—я въ точности не знаю, да и никто изъ порядочныхъ людей этого пока не знаетъ, потому что собирающіяся у Вѣры Аркадьевой Кремневой дѣвки тщательно скрываютъ,—точно подъ какимъ-то зарокомъ,—для чего онѣ собственно собираются. Полагаю, что въ подвальномъ этажѣ дома Кремневыхъ нѣтъ-ли какой тайной типографіи... Обратите вниманіе, г. полковникъ, что вѣдь не спроста-же собираются дѣвки преимущественно у Кремневой, а шторы у нихъ всегда на это время спускаются и мужчинъ никого тогда не принимаютъ... Письма получаются Кремневою чуть не ежедневно, а также часто получаются съ желѣзной дороги цѣлые короба и ящики книгъ.

У одной изъ дѣвокъ кремневскаго кружка, Надежды Барской (которая теперь выскочила замужъ за красавчика Кріулина), я самъ разъ видѣлъ „Жизнь Іисуса Христа“, Ренана,—значитъ, прямо безбожная книга, которая нигдѣ въ общественныхъ библіотекахъ и въ гимназіяхъ не допускается. А что мужчинъ туда не пускаютъ, на ихніе вечера и собранія,—такъ это съ расчетомъ: пусть, дескать, начальство и всѣ тулуповцы думаютъ, что ничего опаснаго для правительства нѣтъ въ томъ, что собираются однѣ только дѣвки... А кто знаетъ?—можетъ быть, и какіе изъ мужчинъ къ нимъ пробираются, наряженные, подъ видомъ дѣвокъ? Вѣдь ихъ никто не осматриваетъ и не переписываетъ, когда они заявляются у поскудницы Вѣрки Кремневой... Обратите вниманіе только на то, что дѣвки изъ кремневскаго кружка совсѣмъ не похожи на остальныхъ тулуповскихъ дѣвицъ изъ благороднаго круга: ни по кожѣ, ни по рожѣ, ни по наряду, ни по рѣчамъ, ни по занятіямъ. А если онѣ будто-бы обучаютъ кой-кого грамотѣ, то вѣдь и на это нужно разрѣшеніе начальства. У Вѣрки, въ ея тайномъ собраніи, бываетъ даже и дочь портного—жида, а другая дѣвка—дочь мясника. А я самъ читалъ въ газетахъ распоряженіе по министерству народнаго просвѣщенія (мнѣ сказывали, что даже есть такой печатный циркуляръ), чтобы дѣтей кухарокъ, прачекъ, нянекъ и кучеровъ, какъ язву и заразу для благородныхъ дѣтей, отнюдь не принимать въ гимназіи. Да нынче—слава Богу и начальству!—плата тамъ очень значительная,—и этому подлому сословію, кажется, попасть туда ужь невозможно. Вотъ

какъ появятся у насъ, въ Тулуповѣ, прокламаціи и начнется революція,—вотъ вы тогда, г. полковникъ, и запляшете, а начальство-то васъ по головкѣ не погладитъ!

Преданный правительству тулуповецъ".

— А вѣдь ловко я написала!—въ самую точку попала! Мнѣ-бы министромъ быть! — сама себя хвалила „Грандифлора", перечитывая свой доносъ.

Но объ этомъ состряпанномъ „заявленіи", обнаружившемъ въ ней министерскій умъ, „Грандифлора" не сказала даже своей Анюткѣ изъ осторожности, чтобы та какъ-нибудь не проболталась. По той-же причинѣ она не рѣшилась,—хотя ей и очень хотѣлось похвастаться,—передать объ этомъ и своему закадычному другу—„Курышкѣ" Раисѣ Павловнѣ.

„Грандифлора" вложила „заявленіе" въ конвертъ и съ надписью: „секретно"—адресовала его на имя жандармскаго полковника Хлестова, сдѣлавъ оттискъ на сургучной печати посредствомъ двугривеннаго. Потомъ она сообразила, что для скорѣйшаго доставленія пакета по назначенію будетъ удобнѣе послать его не по городской почтѣ, а просто опустить незамѣтно въ прорѣзъ на двери полковницкой квартиры съ надписью: «для писемъ и газетъ».

Такъ она и сдѣлала.

XV.

Пакетъ съ доносомъ «Грандифлоры» былъ вынутъ вмѣстѣ съ газетами изъ дверного ящика часовъ

въ шесть, когда полковникъ Василій Осипычъ Хлестовъ только-что возсталъ отъ послѣобѣденнаго сна и сладко потягивался, произнося разныя междометія. Облекшись въ старенькое пальто съ погонами, онъ только-что усѣлся за самоваръ и безпечно покуривалъ сигару. Пробѣжавъ наскоро донось глазами, полковникъ немало удивился и перечиталъ его нѣсколько разъ.

— Вотъ-тѣ и клюква! думалъ онъ: а я еще на этихъ дняхъ хвалился, что у меня въ Тулуповѣ—тишь да гладь, кромѣ пустыхъ дѣлъ о болтовнѣ, по глупости, пьяныхъ людей, ничего важнаго не бываетъ... Хоть здѣсь, по всей вѣроятности, и вздоръ заявленъ,—какая-нибудь сплетня,—а вѣдь ничего не подѣлаешь — какъ-будто и на правду похоже: дѣвки дѣйствительно собираются въ „бабьемъ клубѣ“—это я и самъ знаю... Ужь ко мнѣ и жена сколько разъ приставала: «да ты-бы, Василій Осипычъ, какъ начальникъ, допытался: что это за клубъ у Кремневой и на какомъ положеніи?—кто его разрѣшилъ?»—Ну, да я тогда не обратилъ вниманія: не время было! Одного писанія и вѣдомостей у насъ сколько! А теперь? Гм, теперь придется ѣхать къ прокурору и начинать прямо съ обыска,—да еще у кого?—Добро-бы у какого несчастнаго семинариста, учителишки или гимназиста, а то—у дочери бывшаго предводителя Кремнева, у которой самъ прокуроръ бываетъ въ гостяхъ! Устроить-же предварительное до обыска секретное наблюденіе за домомъ Кремневыхъ—мудрено: у меня на этакое дѣло ловкихъ подручныхъ людей нѣтъ; да это было-бы и безполезно... Теперь пропай, впить съ пересадкой! А я

еще думалъ нынче-же вечеромъ взять реваншъ: здорово шельмецъ—правитель Звонаревъ играетъ! У него, какъ чуть невѣрная игра,—ужь не вылѣзешь изъ ремиза, коли ты зарвался на покупкѣ... Чудеснымъ образомъ безъ двухъ или безъ трехъ оставитъ... Однако, какъ—никакъ, а Василій Осипычъ, напяливай мундиръ!

И, напяливъ мундиръ съ орденами на свою кругленькую и жирную фигурку, усастый полковникъ наскоро проглотилъ стаканъ остывшаго чая, вынулъ изъ стола револьверъ, осмотрѣлъ и положилъ въ карманъ.

— Кто знаетъ? Можетъ быть, и вооруженное сопротивленіе будетъ... Ха-ха-ха!—сраженіе съ дѣвками будетъ, если мы да вдругъ захватимъ типографію!... Скандала-то, шума что будетъ въ городѣ! Вѣдь этого дѣла не скроешь, коли полѣзешь,—да еще въ благородный домъ,—съ обыскомъ! Надо скорѣй шифрованную депешу посылать . . . . .

. . . . . .

Еще болѣе былъ изумленъ прокуроръ, когда къ нему на квартиру неожиданно и таинственно явился жандармскій полковникъ.

Хотя полковникъ Хлестовъ по своей служебной дѣятельности никогда никакихъ преступленій не открывалъ, но онъ любилъ разсказывать,—иногда по нѣскольку разъ одному и тому-же лицу,—о разныхъ случаяхъ обысковъ и арестовъ всегда съ важностью и шопотомъ, съ разными жестами и восклицаніями, при чемъ жестоко привиралъ, говоря, что „они“, „эти господа“,—то-есть нигилисты и анархисты,—и то дѣлаютъ, и другое дѣлаютъ, и вотъ этимъ

еще занимаются, и голову-то его, полковника, ужь оцѣнили въ десять тысячъ, такъ-что ему ужь и жить-то осталось недолго; а чтобы не попасться во враньѣ, онъ избѣгалъ называть имена дѣйствующихъ лицъ, время и мѣсто разсказываемыхъ событій. Видъ же онъ имѣлъ человѣка солиднаго, глубокомыслящаго и по временамъ таращилъ глаза.

— Приходится потревожить васъ, Николай Иванычъ, по очень важному и серьезному дѣлу. Извольте-ка почитать!

И Хлестовъ предъявилъ Кедрову доносъ „Грандифлоры“, посматривая на него вытаращенными глазами.

— Что вы? Опомнитесь, милѣйшій полковникъ! говорилъ Кедровъ.—Это такой почтенный и уважаемый въ городѣ семейный домъ... Да я чуть не вчера былъ въ гостяхъ у Вѣры Аркадьевны! Могу васъ увѣрить моею служебною опытностью и честью, что этотъ гнусный доносъ не заключаетъ и тысячной доли правды.

— Да вѣдь поставьте вы себя на мое мѣсто, Николай Иванычъ! Обсудите хладнокровно! Не могу же я, жандармскій полковникъ, оставить безъ вниманія этакій доносъ! А какъ вдругъ, да въ самомъ дѣлѣ, тамъ окажется подпольная типографія или какія-нибудь прокламаціи! Да вѣдь меня даже на законномъ основаніи со свѣта сживутъ!—самого въ крѣпость посадятъ! А нѣтъ,—такъ на китайскую границу сошлютъ на побывку... Я всячески прикидывалъ и рѣшилъ, что безъ обыска никакъ нельзя... Я вамъ скажу: разъ у меня была такая исторія... чуть самъ выкарабкался!...

И Василій Осипычъ разсказалъ какую-то длинную исторію, пересыпая ее восклицаніями: „изволите-ли видѣть! а! каково!“ Исторія-же въ дѣйствительности была не съ нимъ, а съ другимъ жандармскимъ полковникомъ и то—десять лѣтъ тому назадъ.

— А Вѣру Засуличъ? а Софью Перовскую помните? закончилъ свою аргументацію полковникъ.

— Помните-же и вы, г. полковникъ, что вѣдь и я, прокуроръ Кедровъ, не желаю очутиться въ глупомъ положеніи... Оставляя уже то, что это дѣло мнѣ лично непріятно, потому что я бываю у Кременевыхъ, какъ у своихъ знакомыхъ; замѣнить-же себя по наблюденію товарищемъ прокурора нахожу неудобнымъ,—а что если вдругъ мы только напрасно произведемъ обыскъ въ почтенномъ домѣ и сдѣлаемъ скандалъ на всю губернію?

— Какъ угодно-съ! Если вы, Николай Иванычъ, не согласитесь наблюдать при производствѣ обыска,—я вынужденъ буду дѣйствовать одинъ, безъ васъ, на свой страхъ, а прокурору судебной палаты и въ Петербургъ я обязанъ немедленно донести шифрованною депешею. Я ужь всячески прикидывалъ: вѣдь,—шутка-ли?—двадцать лѣтъ на службѣ! Если обыскъ будетъ не впопадъ, зря, то самое большее—меня-же начальство похвалитъ: значитъ, полковникъ дѣло свое помнитъ и не зѣваетъ—только черезчуръ ретивъ и усерденъ! А если что-нибудь впослѣдствіи окажется,—пропала вся моя служба!

— Чтобъ доказать вамъ, Василій Осипычъ, что и я долгъ службы ставлю выше своихъ личныхъ интересовъ, симпатій и антипатій, такъ и быть—извольте!—отвѣчалъ Кедровъ: я пошлю сейчасъ за

частнымъ приставомъ,—сдѣлаемъ обыскъ... Но только впередъ вамъ говорю, что и васъ и меня, а въ особенности меня, поднимутъ въ городѣ на смѣхъ, и дѣло это будетъ прекращено—ручаюсь вамъ головою. Вѣдь анонимные доносы по судебнымъ уставамъ не принимаются: тутъ самое большее что только требуется дознаніе...

— То на общемъ основаніи—по судебнымъ уставамъ, г. прокуроръ, а мы дѣйствуемъ хотя также по уставамъ, но въ особомъ порядкѣ—по прежнему закону девятаго мая; исторія-то выходитъ совсѣмъ другая! Да вотъ, я вамъ разскажу, такой былъ случай...

И полковникъ пустился въ розсказни съ разными таинственными жестами, пришептываніями и восклицаніями, хотя слушатель его, изъ вѣжливости только, дѣлалъ видъ, что онъ его слушаетъ.

Между тѣмъ прокуроръ послалъ своего курьера съ запискою къ частному приставу.

Черезъ полчаса явился приставъ Чижиковъ и принялъ почтительную позу. Прокуроръ удостоилъ его рукопожатіемъ.

— Пожалуйста, г. приставъ,—сказалъ онъ,—не разглашайте что увидите и услышите. По всей вѣроятности, дѣло, по которому я васъ пригласилъ, будетъ прекращено по отсутствію признаковъ преступленія; но по формальнымъ причинамъ мы все-таки должны сдѣлать обыскъ въ одномъ почтенномъ домѣ. Хотя при обыскахъ и полагаются понятые, но мы ихъ пока не возьмемъ: можетъ быть, обойдемся и безъ нихъ... Вы все-таки останетесь съ двумя городовыми на перекресткѣ Садовой улицы и будете

слѣдить въ какой домъ мы съ полковникомъ войдемъ. Если услышите выстрѣлы или кто-нибудь изъ насъ махнетъ вамъ платкомъ, то бѣгите немедленно съ городовыми къ намъ на помощь...

— Можетъ быть,—обратился прокуроръ къ полковнику,—дѣло тотчасъ разъяснится, какъ я поговорю при васъ съ извѣстною вамъ особой,—и тогда не надо будетъ производить обыскъ...

Полковникъ согласился. Такъ и было все сдѣлано. Кедровъ надѣлъ вицъ-мундиръ и пошелъ съ полковникомъ переулками, стѣсняясь публики; а приставъ Чижиковъ слѣдовалъ за ними по пятамъ съ двумя городовыми...

— Надо быть, что важная исторія! думалъ Чижиковъ.

XVI.

Къ полному изумленію пристава, прокуроръ Кедровъ позвонилъ на подъѣздѣ у Кремневыхъ.

Не спрашивая горничную—дома-ли господа, Кедровъ вошелъ съ полковникомъ въ домъ. Въ залѣ метнулась удивленная появленіемъ начальства Вѣра.

— Извините, Вѣра Аркадьевна, но я и жандармскій полковникъ явились къ вамъ по долгу службы... Мы получили доносъ, по всей вѣроятности, лживый,—и должны произвести у васъ обыскъ...

Вѣра поблѣднѣла. Полковникъ подозрительно взглянулъ на нее.

— Что это значитъ, monsieur Кедровъ, то-есть господинъ прокуроръ? поправилась она.

— Вашъ кружокъ подозрѣвается въ анархизмѣ, въ томъ, что у васъ имѣются въ домѣ подпольная типографія, прокламаціи, запрещенныя сочиненія; можетъ быть,—динамитъ и тому подобное...

Тутъ Вѣра поняла въ чемъ дѣло.

— Увѣряю васъ, что въ доносѣ содержится только одна чистая ложь! Моего отца сейчасъ нѣтъ дома: онъ—въ клубѣ, играетъ въ карты. Если и въ его отсутствіе я должна повиноваться и допустить васъ до обыска и осмотра, то можете смотрѣть все что вамъ угодно...

Краска стыда и негодованія показалась на лицѣ дѣвушки. Она чуть не заплакала.

Дрожащими отъ волненія руками Вѣра зажгла свѣчу, стоявшую на подзеркальникѣ, и пошла съ нею впередъ, освѣщая путь своимъ неожиданнымъ и страннымъ гостямъ. Выглядывавшая изъ-за двери Лиза смотрѣла на эту сцену съ разинутымъ ртомъ.

Въ подвальномъ помѣщеніи и нигдѣ, конечно, ничего подозрительнаго не было найдено.

— Книгъ у меня дѣйствительно много, говорила Вѣра. — Но бо́льшая часть этихъ книгъ принадлежитъ не мнѣ лично или моему отцу, а нашему кружку.

— Такъ вы, сударыня,—обратился къ ней полковникъ,—не отвергаете того обстоятельства, что составили кружокъ и... безъ разрѣшенія начальства?

— Да, дѣйствительно, мы у начальства не спрашивались. Но не спрашивались только потому, что ничего незаконнаго въ нашей дѣятельности нѣтъ.

— А почему-же въ вашъ кружокъ не допускаются мужчины и почему, сударыня, всѣ собранія

вашего кружка происходили какъ-бы тайно и съ опущенными шторами?

Допрашивая Вѣру, полковникъ съ нѣкоторою граціею и не безъ достоинства покручивалъ усы.

— Потому, г. полковникъ, что мы избѣгали всякихъ лицъ, неподходящихъ къ нашимъ вкусамъ и даже прямо вредныхъ для цѣлей нашего кружка. Мы терпѣть не можемъ разныхъ сплетниковъ, а въ особенности сплетницъ вродѣ madame Храповой и знаменитой Раисы Павловны...

— Вы сказали: madame Храповой и Раисы Павловны? Это—та самая Раиса, которую у насъ, въ Тулуповѣ, кажется, прозвали „Курышкой“?

Вѣра улыбнулась, переглянувшись съ прокуроромъ, и не отвѣтила.

— Надо будетъ все это принять къ свѣдѣнію... Но почему-же вы не просили у начальства официальнаго разрѣшенія для вашего кружка?

— Потому, г. полковникъ, что все это сопряжено у насъ съ разными формальностями и неудобствами... Добиться же разрѣшенія и утвержденія устава, хотя-бы и для самаго полезнаго и необходимаго кружка,—очень трудно, не имѣя большихъ связей въ Петербургѣ, и на это потребовалось бы нѣсколько лѣтъ...

— Какая-же цѣль вашего кружка?—и при этомъ вопросѣ полковникъ снова сталъ пощипывать усы.

— Цѣль самоусовершенствованія, самообразованія путемъ чтенія серьезныхъ книгъ и обмѣна мыслей и взаимной помощи. А чтобъ не тратить много времени на разъясненія,—вотъ и набросокъ мною выработаннаго и проектированнаго устава.

— Какъ, сударыня?—у васъ и проектъ устава уже имѣется?

И прокуроръ и полковникъ съ большимъ интересомъ стали читать этотъ уставъ вслухъ, прерывая чтеніе только восклицаніями и замѣчаніями: „ахъ! да, конечно! вотъ видите-ли что! гм! очень логично и хорошо!..“

— Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій едва-ли намъ будетъ и надобность перебирать всѣ книги. Николай Иванычъ, тутъ есть иностранныя сочиненія!—сказалъ полковникъ, засматривая въ шкафъ чрезъ запертую дверку со стеклами,—а я, грѣшнымъ дѣломъ, ни по-французски, ни по-нѣмецки пикнуть не умѣю, кромѣ: bonjour! merci! и comment vous portez-vous?—Объ англійскомъ же языкѣ и говорить нечего...

Вѣра чуть замѣтно улыбнулась.

— Вотъ вамъ и ключъ! сказала она, обращаясь къ прокурору, который наскоро перечиталъ фамиліи авторовъ и названія книгъ по корешкамъ.

— Даю вамъ честное слово, г. полковникъ, что никакихъ противозаконныхъ книгъ въ этихъ шкафахъ не имѣется, а за многоуважаемую Вѣру Аркадьевну и ея кружокъ ручаюсь своею головою. Вы видите, что намъ приходится только извиниться предъ Вѣрою Аркадьевною за причиненное ей безпокойство: здѣсь одно только печальное недоразумѣніе... Вы видите, что я былъ правъ, когда не совѣтовалъ вамъ дѣлать обыскъ. Но что дѣлать? Мы оба—жертвы нашего долга...

— Тысячу извиненій, сударыня!—сказалъ полковникъ, почтительно кланяясь.—Мнѣ до того со-

вѣстно, что я сейчасъ-же уйду и готовъ былъ-бы даже поцѣловать у васъ ручку; а вамъ даю слово, что все, что здѣсь произошло, хотя и будетъ облечено въ форму протоколовъ и постановленій, которые и вы должны подписать, но дѣло будетъ навѣрно прекращено... Пожалуйста, извините!

Не успѣлъ еще полковникъ откланяться, покручивая усы,—какъ на грѣхъ одинъ изъ игравшихъ на улицѣ мальчишекъ очень ловко и громко хлопнулъ кнутомъ. На улицѣ было уже темно. Не разобравъ въ чемъ дѣло и помня прокурорское наставленіе, приставъ Чижиковъ съ городовыми опрометью подбѣжалъ къ дому Кремневыхъ и увидалъ выходившаго оттуда полковника.

— Кажется, г. полковникъ, были выстрѣлы-съ? спросилъ приставъ въ какомъ-то недоумѣніи.

Хлестовъ захохоталъ.

— Нѣтъ-съ, г. Чижиковъ, все это пустяки! отвѣтилъ онъ: должно быть мальчишки баловались на улицѣ или вамъ просто почудилось...

И, дѣйствительно, приставъ увидалъ весело промчавшуюся мимо него „гройку“ мальчишекъ. Изображавшіе пристяжныхъ лошадокъ, мальчики лихо загибали голову второну; мальчикъ - коренникъ высоко поднималъ ноги; у четвертаго-же мальчика, кучера, былъ въ рукахъ кнутъ, которымъ онъ тутъ-же очень ловко раза два хлопнулъ, крича: „эхъ вы, голубчики!“

Этимъ вполнѣ невиннымъ восклицаніемъ, которое по какой-то злой ироніи судьбы какъ-будто относилось къ отличившимся при обыскѣ жандармскому полковнику и подневольному частному при-

ставу, чуть-чуть не обидѣлся самъ-же приставъ Чижиковъ. Ужь онъ хотѣлъ было, съ досады, надавать подзатыльниковъ дерзкимъ и кричавшимъ на улицѣ мальчишкамъ, но воздержался и—хорошо сдѣлалъ: съ нимъ были его-же подчиненные, городовые, которые впослѣдствіи его-же бы и осмѣяли...

— А чтобъ васъ всѣхъ шутъ побралъ!—выругался вполголоса, для облегченія своей души, приставъ: раккаліи этакія!

Между тѣмъ нѣкоторые досужіе обыватели, высунувшись изъ оконъ и калитокъ, уже успѣли насладиться сценою—какъ частный приставъ съ городовыми бѣжалъ отъ угла Садовой улицы по направленію къ дому Кремневыхъ; но только всего происшедшаго они не поняли и думали тогда, что полиція только преслѣдуетъ озорниковъ-мальчишекъ...

XVII.

Когда полковникъ ушелъ, Кедровъ остался у Вѣры Кремневой въ качествѣ ея хорошаго знакомаго и гостя. Ему хотѣлось о многомъ поговорить съ нею и кстати разъяснить свой образъ дѣйствій во всей этой исторіи.

— Еще разъ прошу извиненія за невольно причиненную непріятность и передрягу,—сказалъ Кедровъ, усаживаясь подлѣ нея.

— Вотъ видите, monsieur Кедровъ, что я была права, когда сторонилась отъ всякихъ праздныхъ, любопытствующихъ и неподходящихъ къ нашему кружку лицъ. Однако, насъ не оставили въ покоѣ

клевета, зависть и злоба. Чѣмъ и кому мы причинили зло, и развѣ мы вмѣшивались въ чужія дѣла?

— Зато, благодаря доносу, Вѣра Аркадьевна, я узналъ то, что вы скрывали даже отъ меня, какъ-будто я уже былъ недостоинъ вашего довѣрія. Въ этомъ отношеніи вы поставили меня на одну доску съ столь любезными вашему сердцу „Курышками“ и „Грандифлорами“... Не обидно-ли это мнѣ?!

— Какое-же я имѣла основаніе посвятить васъ въ наши маленькія женскія тайны?

— Хотя-бы то основаніе, что я очень васъ уважаю и очень вамъ преданъ.

— О! это еще немного!.. Да, наконецъ, интересы нашего кружка составляютъ не мое исключительное достояніе; они касаются... всѣхъ членовъ нашего „бабьяго“ клуба. И я, какъ предсѣдательница, тѣмъ болѣе должна была быть осторожна и скрытна.

— А если-бъ я сказалъ, что не только васъ очень уважаю, но и очень люблю?—развѣ это—не основаніе?

Вѣра покраснѣла, и въ глазахъ ея засвѣтилось радостное волненіе.

— Даже и при этомъ условіи я была-бы не въ правѣ открыть вамъ всѣ наши тайны. Но сегодняшнее ваше появленіе съ жандармскимъ полковникомъ, обыскъ и нѣчто вродѣ учиненнаго мнѣ допроса невольно заставили меня сказать въ чемъ именно заключается цѣль нашего кружка. Теперь вы видите—насколько вы ошибались, когда называли нашъ кружокъ „клубомъ тулуповскихъ весталокъ“. Безбрачіе менѣе всего входило въ наши цѣли и интересы; но не могли-же мы и не можемъ заяв-

лять объ этомъ публично: вѣдь насъ-же упрекнули-бы прежде всего въ недостаткѣ скромности... Напротивъ, достиженіе, по возможности, каждою изъ насъ семейнаго счастья путемъ брака по своему выбору, какъ осуществленіе главнѣйшаго назначенія женщины, всегда было однимъ изъ основныхъ и существеннѣйшихъ пунктовъ и параграфовъ нашего устава. И нѣсколько дѣвицъ изъ нашего кружка, повидимому, весьма благополучно устроились и вышли замужъ...

— Теперь очередь за вами, милѣйшая представительница этого прекраснаго общества или кружка... Съ вашего разрѣшенія, я дѣлаю вамъ предложеніе: хотите-ли быть моею женою?

Вѣра вспыхнула еще сильнѣе... Слезы радости и счастья показались на ея глазахъ. Она встала, перекрестилась и, вмѣсто отвѣта, подала прокурору обѣ руки и крѣпко-крѣпко поцѣловала его...

Въ этотъ моментъ прокуроръ точно помолодѣлъ лѣтъ на десять. Онъ почти потерялъ всякое самообладаніе и чувствовалъ себя какъ-будто въ какомъ-то фантастическомъ снѣ. Но это былъ не сонъ: его дѣйствительно поцѣловала хотя и не красавица, но очень умная, симпатичная и изящная дѣвица—его будущая жена.

Когда миновалъ первый, какъ-бы юношескій, взрывъ радостнаго волненія, Кедровъ немного опомнился и успокоился.

— О! мы юридически поддержимъ существованіе вашего кружка... Я первый буду усиленно хлопотать объ утвержденіи устава общества тулуповскихъ дѣвицъ. А вы, милѣйшая Вѣра, останетесь пред-

сѣдательницею этого кружка и послѣ того какъ сдѣлаетесь женою прокурора Кедрова. Познакомившись съ проектомъ вашего устава, я понялъ, что и замужнія женщины могутъ быть членами этого кружка... Да здравствуетъ „бабій клубъ“! Place aux dames! А разныя „Курышки“ и „Грандифлоры“ намъ не страшны: мы справимся съ ними силою общественнаго мнѣнія изъ лицъ дѣйствительно интеллигентныхъ и съ помощью того-же страшнаго, какъ вы выражаетесь, уложенія... Да здравствуютъ самодѣятельность, трудъ и просвѣщеніе! Да здравствуютъ наши лучшія тулуповскія женщины!

И прокуроръ воспользовался своимъ экстазомъ, чтобы поцѣловать лучшую изъ этихъ лучшихъ— Вѣру.

Она не сопротивлялась этому поцѣлую...

— Однако, какъ-бы намъ прежде времени не растаять! — смѣясь сказала Вѣра.—Пока—мы не имѣемъ права такъ слишкомъ сильно отдаваться нашимъ чувствамъ... У меня столько всякаго неотложнаго дѣла, а послѣ вашихъ поцѣлуевъ на что-же я-то, предсѣдательница кружка, буду годна! Вотъ тѣмъ-то и хорошъ нашъ кружокъ, что поле нашей дѣятельности безпредѣльно! У насъ и физическое здоровье на первомъ планѣ. Вы-бы посмотрѣли на Олю Говорову: какая она была анемичная и слабая! Это мы настояли на томъ, чтобы она серьезно занялась своимъ здоровьемъ. Мы прописали ей постоянныя и довольно-таки утомительныя работы на свѣжемъ воздухѣ: съ самой весны она таскала землю въ саду, полола, поливала, дѣлала грядки, клумбы, дорожки,—и теперь вы ее не

узнаете! Загорѣла и такая сдѣлалась цвѣтущая, что я боюсь какъ-бы мнѣ ей не позавидовать!

— Вамъ не кому завидовать, Вѣра! Но зачѣмъ-же мы и теперь объясняемся на вы, а не на ты?

— Безъ комплиментовъ: я ихъ не выношу! Все это вамъ только такъ кажется, потому что въ настоящій моментъ вы неравнодушны ко мнѣ. А развѣ наши отношенія могутъ улучшиться чрезъ одну только условленную и искусственную замѣну одного мѣстоименія другимъ? Что значатъ слова, когда мы— люди дѣла! Еще разъ напоминаю, что какъ-бы намъ прежде времени не растаять!..

И Вѣра засмѣялась.

XVIII.

Вскорѣ послѣ обыска двѣ крупныя новости разлетѣлись по городу Тулупову: во-первыхъ, что у „начальницы бабьяго клуба“ Вѣры Кремневой былъ обыскъ, въ которомъ участвовали самъ прокуроръ и жандармскій полковникъ съ частнымъ приставомъ Чижиковымъ и съ двумя городовыми, а во-вторыхъ, что тотъ-же прокуроръ несомнѣнно женится на Вѣрѣ Кремневой, ибо онъ уже принимаетъ поздравленія. Только, при этомъ, тулуповцы рѣшительно не могли объяснить себѣ сколько-нибудь удовлетворительно: какъ соединить и сопоставить эти два взаимно противорѣчащіе и сенсаціонные факта?

Новостямъ этимъ обрадовались даже тулуповскіе извозчики, потому что въ теченіе нѣсколькихъ дней въ городѣ происходила усиленная ѣзда, а полицмейстеръ Рогаткинъ загонялъ даже свою пару

сѣрыхъ, данную ему отъ города въ видѣ пособія, собирая, по обыкновенію, всякія сплетни для губернаторши. И „Грандифлора“ и „Курышка“, вообще очень расчетливыя, въ этотъ разъ истратили каждая не менѣе рубля на извозчиковъ... А „Грандифлора“ считала даже необходимымъ кой-куда съѣздить, туда-сюда, чтобы вынюхать всю подноготную, вдосталь насладиться разными пересудами и, самое главное,—чтобы не навлечь на себя подозрѣнія.

Впервые тулуповцы узнали объ обыскѣ отъ самого-же пристава Чижикова. А произошло это совершенно случайно.

Жившая на углу Садовой улицы просвирня Адамантова, очень бойкая и злая на языкъ, привыкшая проводить всѣ свои досуги у окошечка за грызеніемъ подсолнушковъ,—зѣренъ, какъ она выражалась,—кое-что видѣла на улицѣ, кое-что слышала и поэтому начала приставать къ Чижикову.

— Скажите на милость, Калина Григорьичъ, что это вы намѣтнись вечеромъ такъ шибко бѣжали съ хожалыми къ дому Кремневыхъ? Я еще, признаться, оробѣла (трясеніе со мной сдѣлалось!): думала—не пожаръ-ли... Анъ гляжу,—а жандармскій полковникъ идетъ отъ Кремневыхъ...

— Да вамъ-то что за дѣло, Марья Саввишна! Дѣти, что-ли плачутъ? Мало-ли какихъ дѣловъ бываетъ! Ну, велѣло начальство, чтобъ мы собакъ ловили, которыя безъ ошейниковъ!—вотъ мы и бѣжали!..

— Ну, полноте, Калина Григорьичъ, намъ зубы-то заговаривать! Чай, собакъ въ эфто время не

ловятъ, да и на эфтакое дѣло есть у насъ „собашный“ подрядный мастеръ Абрамка... Никогда частные пристава „собашными“ дѣлами не занимаются: я вѣдь ужь при трехъ губернаторахъ живу на свѣтѣ! Околоточныхъ и пожарныхъ солдатъ точно иной разъ для воспособленія Абрамкѣ наряжаютъ... А мнѣ Лизутка кремневская сказывала, что у нихъ этто, безъ барина, и прокуроръ и полковникъ все чего-то искали... насчетъ прокламаціевъ.

— Ну чтожь, коли понадобится начальству,— можетъ и у васъ когда, Марья Саввишна, обыскъ сдѣлаемъ!...

— Помилуй Богъ! страсти какія! За мной, Калина Григорьичъ, художествъ и качествъ и никакихъ „притчинъ“ нѣтъ... хоть у протопопа спросите! А еще я допытывала Лизутку, что прокуроръ, будто, женится на кремневской барышнѣ...

— А если и женится,—такъ вѣдь у васъ-то дозволенія онъ не спроситъ! Вѣдь этакое дѣло,—невѣсту-то,—въ карманъ не спрячешь, Марья Саввишна!—какъ вы полагаете?

Просвирня, какъ-будто, удовлетворилась всѣми этими аргументами и объясненіями. Но ея смѣющіеся глазки доказывали, что она не очень-то довѣряетъ приставу и что она сама кое-что лучше его смекаетъ, а матеріалу у ней, чтобы звонить по городу, было и безъ того достаточно.

— Вотъ неотвязная-то баба! Ей все вынь да положь, а нѣтъ,—такъ сама изъ земли все выроетъ и горшковъ налѣпитъ, да еще во—какихъ! думалъ злосчастный Чижиковъ.

Вскорѣ и женихъ-прокуроръ изъ разныхъ раз-

сиросовъ убѣдился, что скрывать далѣе фактъ обыска у Вѣры Кремневой рѣшительно невозможно и, по меньшей мѣрѣ, безполезно. „Вотъ такъ городокъ!“ Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Кедровъ счелъ необходимымъ во что бы то ни стало обнаружить: кто-же именно сочинилъ такой гнусный доносъ по отношенію къ его невѣстѣ. По „нѣкоторымъ соображеніямъ“ онъ заподозрилъ и „Грандифлору“ и „Курышку“. Но противъ „Курышки“ никакихъ сколько-нибудь прочныхъ данныхъ не было, а „Грандифлора“ навлекала на себя подозрѣніе даже и тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ разсказывала ему сама Вѣра, незадолго до обыска она, „Грандифлора“, была у ней „съ визитомъ“ и для чего-то долго разспрашивала горничную Лизу о полученіи ея барышнею книгъ и писемъ. Между тѣмъ о коробахъ книгъ и о письмахъ упоминалось и въ доносѣ. Лиза подтвердила этотъ разсказъ Вѣры, сообщивъ еще нѣкоторыя подробности.

Вслѣдствіе порученія прокурора о производствѣ дознанія, частному приставу Чижикову удалось обнаружить такой фактъ: мальчишка Семенъ, изъ лавочки по сосѣдству съ полковникомъ Хлестовымъ, играя на улицѣ съ собакой, видѣлъ какъ въ день обыска, послѣ вечерни, прошла „Грандифлора“ мимо полковницкаго подъѣзда и для чего-то останавливалась на нѣсколько секундъ, сдѣлавъ такое движеніе, какъ-будто она что-то опустила въ дверной прорѣзъ „для писемъ и газетъ“. Но тогда Семенъ не обратилъ на этотъ фактъ вниманія; послѣ-же, при разспросахъ Чижикова, припомнилъ. „Грандифлору“-же онъ замѣтилъ и вспомнилъ по ея мас-

сивности и толщинѣ. Когда-же и самъ прокуроръ сличилъ почеркъ, которымъ былъ написанъ доносъ, съ несомнѣннымъ почеркомъ ,,Грандифлоры" на почтовой повѣсткѣ съ ея-же довѣренностью на полученіе адресованной ей посылки, то начертаніе нѣкоторыхъ буквъ и даже правописаніе поразили его своимъ сходствомъ, такъ-что онъ болѣе уже не сомнѣвался въ томъ, что доносъ былъ состряпанъ и посланъ никѣмъ другимъ, какъ ,,Грандифлорой".

Заручившись такими данными, прокуроръ Кедровъ и тулуповскій Лекокъ, судебный слѣдователь Тростинъ, нагрянули къ ,,Грандифлорѣ", которая, сообразивъ что̀ означаетъ посѣщеніе этихъ господъ, облачившихся въ вицъ-мундиры, моментально-же и, конечно, притворно упала въ обморокъ. По приведеніи ея въ чувство съ помощью Анютки, Матрешки и валеріановыхъ капель, прокуроръ объяснилъ ,,Грандифлорѣ", что по такимъ-то уликамъ она обвиняется въ подачѣ начальству завѣдомо ложнаго доноса на основаніи 940 статьи уложенія о наказаніяхъ и что отъ самой г-жи Кремневой зависитъ возбудить противъ нея преслѣдованіе и за оскорбленіе ея, ибо въ доносѣ она, г-жа Храпова, обозвала Вѣру ,,поскудною дѣвкою".

Когда ,,Грандифлора" сообразила, что безполезно далѣе запираться и не зная законовъ подумала, что должно быть ей грозитъ Сибирь, то не на шутку перепугалась, и съ нею сдѣлалась настоящая истерика.

— Я только хотѣла обратить вниманіе начальства, что у Кремневыхъ бываютъ неизвѣстно какія собранія... Не погубите, г. прокуроръ! только и могла она выговорить всхлипывая.

Конечно, Вѣра уже заранѣе знала, что прокуроръ и судебный слѣдователь должны были отвѣтить за нее своимъ визитомъ „Грандифлорѣ“... При этомъ Вѣра просила своего жениха обойтись съ „Грандифлорой“ какъ можно мягче.

Когда „Грандифлора“, собравшись съ духомъ, но все еще крайне сконфуженная, робко позвонила на подъѣздѣ дома Кремневыхъ,—дверь отворила ей сама Вѣра и сказала:

— На этотъ разъ я васъ приму, госпожа Храпова. Я знаю зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали...

— Вѣра Аркадьевна! умоляю васъ! пощадите! Вѣдь и я—мать... Упросите вашего жениха, прокурора, чтобъ онъ какъ-нибудь притушилъ это дѣло!

„Грандифлора“ обливалась непритворными слезами.

— Послушайте, Дарья Ивановна! отвѣтила Вѣра.—Лично на васъ я теперь не сержусь и обвинять ни въ чемъ не намѣрена. Здѣсь, въ вашихъ поступкахъ многое зависитъ отъ мѣстныхъ условій и тулуповскихъ нравовъ. Садитесь-же въ это кресло! Богъ васъ проститъ... Теперь мнѣ уже незачѣмъ скрывать къ какому именно кружку принадлежу я съ милѣйшими подругами... Всевозможныя мѣры къ утвержденію устава нашего „бабьяго“, какъ вы изволили выражаться, клуба уже приняты. Николай Иванычъ уже взялъ отпускъ и самъ на этихъ дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ, а вскорѣ будетъ и наша свадьба... А что нашъ кружокъ есть за что уважать, то въ этомъ и сами вы должны убѣдиться изъ того во-первыхъ, что я отказываюсь отъ преслѣдо-

нія за причиненную мнѣ обыскомъ и клеветою тяжкую обиду; во-вторыхъ, обѣщаю вамъ упросить моего жениха-прокурора, чтобы какъ-нибудь замять это несчастное дѣло по обвиненію васъ въ ложномъ доносѣ, объяснивъ вашъ поступокъ просто легкомысліемъ и недоразумѣніемъ; а, кромѣ того, я намѣрена уплатить вамъ оставшійся за мною визитъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнить ваше желаніе, которое вы когда-то мнѣ высказывали, о пріобщеніи къ нашему кружку и вашей дочери Анюты... Правда, Анюта—извините меня за такой отзывъ!—очень мало умственно развита и пока совсѣмъ еще не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ и взглядамъ: ей много пришлось-бы учиться, размышлять и работать—прежде всего головою и сердцемъ... но, съ Божьею помощью, я надѣюсь, что и она впослѣдствіи окажется достойнымъ членомъ нашего кружка.

И, высказавъ все это, Вѣра въ знакъ полнаго примиренія и прощенія поцѣловала крайне удивленную, смущенную и растроганную „Грандифлору“.

Чудакъ-благотворитель.

I.

Многіе обыватели и теперь еще навѣрное помнятъ длинную, сутуловатую фигуру отставного капитана Павла Павлыча Хоботова съ картошко-образнымъ носомъ, крупными усищами и изрядною плѣшью, когда онъ расхаживалъ по стогнамъ и закоулкамъ города Тулупова въ своемъ неизмѣнномъ мундирѣ и съ толстою палкою, въ которую, по его выраженію, было вставлено выдвижное „чинжалище отъ жулья“. Хотя ношеніе такого оружія для мирныхъ гражданъ, а въ томъ числѣ и для отставныхъ военныхъ, воспрещено россійскими законами, но капитанъ не придавалъ этому воспрещенію ни малѣйшаго значенія, оправдываясь тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь нельзя-же военному человѣку отдаваться въ зубы какому-нибудь звѣрю и всякому—хе-хе-хе!—съ позволенія сказать,—жулью... Впрочемъ, такая предосторожность была совершенно излишня, ибо капитана съ его рѣшительнымъ нравомъ знали въ Тулуповѣ почти всѣ обыватели,—въ особенности-же мальчишки, а со многими изъ мальчишекъ, отъ не-

чего дѣлать, онъ нерѣдко забавлялся на улицѣ, выстраивая ихъ въ шеренги и обучая маршировкѣ. Даже собаки—и тѣ присмотрѣлись къ Павлу Павлычу, а съ нѣкоторыми изъ нихъ капитанъ былъ и въ дружбѣ: ужь непремѣнно для всякаго случая при немъ оказывались для нихъ въ карманѣ кусочки хлѣбца...

Другого прозвища, какъ „нашъ чудодѣй Палъ Палычъ“, капитану не полагалось, хотя многіе и не знали его фамиліи. А репутація чудодѣя установилась за нимъ еще со времени пребыванія его на службѣ близъ австрійской границы. До сихъ поръ еще въ томъ полку, въ числѣ разныхъ анекдотовъ, вспоминаютъ какъ подпоручикъ Хоботовъ самъ себя на время разжаловалъ въ денщики. А произошло это курьезное событіе такъ.

Будучи очень вспыльчивъ, Павелъ Павлычъ однажды изрядно исколотилъ,—какъ оказалось впослѣдствіи, совершенно безвинно,—своего-же денщика Козленко. Не удовольствовавшись торжественнымъ испрошеніемъ у него прощенія въ присутствіи солдатъ и товарищей-офицеровъ, онъ поцѣловался съ нимъ, подарилъ ему 25 рублей и, затѣмъ, сдѣлалъ весьма оригинальное заявленіе полковому командиру, что за свою вину онъ добровольно цѣлую недѣлю будетъ исполнять обязанности денщика у поручика Ястребова.—Въ то время подобныя расправы съ денщиками и вообще съ нижними чинами были нерѣдки; слѣдовательно, съ военной точки зрѣнія не было ничего важнаго и въ томъ, что офицеръ, хотя-бы и напрасно, поколотилъ солдата.—Выслушавъ отъ самого Хоботова такое, сдѣ-

ланное весьма серьезнымъ тономъ, заявленіе, полковникъ расхохотался, а потомъ уже серьезно возразилъ, что въ интересѣ военной дисциплины онъ не можетъ допустить такого саморазжалованія.—„Ну, такъ извольте, господинъ полковникъ, предать меня суду!“ сказалъ чудакъ-подпоручикъ.—Полковникъ подумалъ-подумалъ и согласился на такое временное саморазжалованіе, но съ тѣмъ, чтобы высшему начальству объ этомъ отнюдь не доносить и чтобы Хоботовъ являлся на ученіе и въ другихъ случаяхъ по службѣ какъ офицеръ. Послѣ этого офицеры ежедневно собирались и заходили къ поручику Ястребову, чтобы только полюбоваться какъ это подпоручикъ Хоботовъ,—конечно, въ свободное отъ службы время,—будетъ исполнять обязанности денщика... И Хоботовъ, вытягиваясь предъ офицерами въ струнку и не позволяя себѣ даже отвѣчать на ихъ зубоскальство, всю эту недѣлю самымъ невозмутимымъ образомъ чистилъ своему офицеру сапоги, штопалъ бѣлье и подавалъ самоваръ. Ястребовъ никакъ не могъ уговорить своего импровизированнаго денщика обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Когда-же одинъ шутникъ, желая испытать Хоботова, сказалъ: „что это, Ястребовъ, твой денщикъ плохо самоваръ вычистилъ? Дай-ка ему, братецъ, въ зубы!“—Хоботовъ только серьезно посмотрѣлъ на зубоскала и промолчалъ. Ястребовъ же засмѣялся и сказалъ:

— Ну, тогда и мнѣ придется разжаловаться въ денщики, и, пожалуй, совсѣмъ не хватитъ въ полку офицеровъ!

Замѣтивъ, что офицеры проводятъ досуги пре-

имущественно за картами, въ полнѣйшей праздности и ничего почти не читаютъ, кромѣ пустѣйшихъ романовъ, подпоручикъ Хоботовъ не сказалъ никому ни слова и сразу выписалъ съ десятокъ разныхъ недорогихъ газетъ на имя нѣсколькихъ менѣе состоятельныхъ офицеровъ. По справкѣ въ почтовой конторѣ оказалось, что эту штуку выкинулъ Хоботовъ, котораго долго послѣ этого величали „нашъ газетный благодѣтель“. Наиболѣе совѣстливые офицеры уплатили Хоботову затраченныя имъ подписныя деньги. Волей-неволей, посмѣиваясь надъ продѣлкой Хоботова, офицеры принялись за чтеніе и въ теченіе года до того къ этому привыкли, что на слѣдующій годъ уже сами подписались на газеты и журналы.

Въ другой разъ на имя офицеровъ всего полка неожиданно было получено нѣсколько ящиковъ апельсиновъ—угощеніе отъ именинника Хоботова.

Можетъ быть и по причинѣ подобныхъ чудачествъ Хоботова любили въ полку. Притомъ-же онъ былъ добраго и веселаго нрава, хотя подчасъ и очень рѣзокъ въ сужденіяхъ, и сколько разъ выручалъ товарищей отъ кредиторовъ-жидовъ, а многіе такъ съ нимъ и не расплатились. Конечно, были у него и враги, не долюбливавшіе его за прямоту въ сужденіяхъ.

Наконецъ Хоботовъ сообразилъ, что пора ему и въ отставку. И вотъ, имѣя въ запасѣ капиталецъ, тысченокъ двадцать, доставшихся ему отъ отца и умершаго холостяка-дяди, и будучи кавалеромъ нѣсколькихъ орденовъ, онъ уволился въ отставку съ капитанскимъ чиномъ, съ мундиромъ и пенсіею.

Купивъ себѣ домишко, онъ поселился въ родномъ городѣ Тулуповѣ, гдѣ у него остались кой-какія воспоминанія дѣтства, а изъ родныхъ были только два племянника: старшій, неудачникъ, Семенъ служилъ писцомъ въ губернскомъ правленіи, а другой, Иванъ, также недоучившійся господинъ, готовился для поступленія вольноопредѣляющимся въ юнкера.

Разумѣется, племянники не замедлили обратиться съ изліяніями родственныхъ чувствъ къ богатому въ сравненіи съ ихъ положеніемъ дяденькѣ и, считаясь его единственными законными наслѣдниками, всячески лебезили предъ нимъ: они надѣялись, что не удастся-ли еще при жизни дяденьки урвать что-нибудь; но жестоко въ этомъ ошиблись. Капитанъ съ первыхъ-же визитовъ разгадалъ волчьи аппетиты своихъ племянничковъ, которые интересовались только бильярдами, ренсковыми погребами и развеселыми, хотя и премилыми, но погибшими дѣвицами, и вскорѣ-же съ обычною прямолинейностью запалилъ имъ:

— А что—хе-хе-хе!—племянники?—чай, ждете—не дождетесь когда вашъ дяденька ножки протянетъ? Ну, говорите прямо, по совѣсти!

— Что вы это, дяденька! обиженно возразили племянники: живите себѣ съ Богомъ многая лѣта! Мы теперь рады-радехоньки, что вы къ намъ со службы вернулись...

— Ну, да я—хе-хе-хе!—старый воробей!—отвѣтилъ капитанъ: коли не скучно, не надоѣло вамъ ходить ко мнѣ,—ходите! Можете и обѣдать со мной; только разносоловъ у меня нѣтъ: щи, картошка, каша! А ужь насчетъ денежекъ—извините: ни гро-

ша—хе-хе-хе!—не получите! Сами. слава тебѣ Господи, олухи порядочные и сами зарабатывать въ состояніи!..

Племяннички не на шутку обидѣлись.

— За что-же вы насъ, дяденька. обижаете! сказалъ старшій, Семенъ, и оба тотчасъ ушли не простившись.

— Вотъ еще старый хрѣнъ что̀ выдумалъ: каши его мы не видали!—говорилъ старшій, Семенъ, писатель изъ губернскаго правленія. А вѣдь дяденька-то насчетъ деньжатъ намъ въ самую точку попалъ: ужь какъ мнѣ до-зарѣза деньжонокъ нужно! И все проклятая Лизка пристаетъ: будто по моей милости она на этихъ дняхъ должна родить... А вѣдь жалованьишко мое—одна только слава, что жалованье...

— Да ужь что и говорить!—вздыхалъ младшій братъ Иванъ Хоботовъ, будущій воинъ: мнѣ на одну подготовку на разныхъ тамъ учителей пятьсотъ рублей надо—вынь да положь! А тутъ еще экипировка! Да вѣдь и ко мнѣ тоже Лизка съ претензіями... А тутъ еще Анютка донимаетъ!..

Вторымъ неожиданнымъ и весьма крупнымъ огорченіемъ для племянничковъ была оригинальная женитьба дяденьки. Сказать по правдѣ,—и самъ капитанъ не ожидалъ отъ себя такой прыти, какъ онъ выражался, да линія вдругъ подошла... А ужь какъ „линія“ подойдетъ къ русскому человѣку,—такъ онъ ни пестомъ, ни крестомъ и никакой философіей отъ ней не отвертится и ужь свою судьбу тутъ непремѣнно найдетъ.

Капитану стукнуло подъ шестьдесятъ лѣтъ; но онъ по-прежнему былъ молодцомъ,—только слегка

сгорбился, такъ-что когда онъ шагалъ со своимъ чинжалищемъ по городу, то всѣмъ казалось, что онъ только внимательно разглядываетъ дорогу...

Однажды онъ вошелъ въ кухню, съ трубочкой въ рукахъ, когда Афимья возилась около печки, приготовляя какую-то капустную стряпню. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ печенаго лука.

— А что, Афимьюшка, я тебѣ скажу!—хе-хе-хе!—Жила ты у меня сколько времени одна съ хозяиномъ,—стало-быть, со мною,—а теперь я думаю и самъ хозяйкой обзавестись... Хе-хе-хе! ну и тебѣ веселѣе будетъ! Вѣдь я почти что и дома-то не живу!

Афимья вытаращила глаза, уронила сковороду и въ недоумѣніи посмотрѣла на капитана, думая: долго-ли рехнуться на старости лѣтъ!

— Воля ваша, Палъ Палычъ! только и отвѣтила ему эта еще видная, хотя и не молодая стряпуха, и при этомъ глубоко вздохнула.

II.

Неожиданная для самого капитана женитьба произошла при такихъ обстоятельствахъ.

По сосѣдству съ капитаномъ квартировала его старая знакомая, вдова умершаго отъ холеры врача, Анна Сергѣвна Розова съ дочкою Ольгою, двадцати пяти лѣтъ. Жили онѣ, какъ говорится, со дня на день: день да ночь—сутки прочь, а ѣли часомъ съ квасомъ, порою—съ водою. Какъ на грѣхъ, очень миловидная Ольга Петровна приглянулась молодому, но уже прошедшему огонь, воды и мѣдныя трубы,

частному землемѣру Петлину, который съ нѣкоторыхъ поръ зачастилъ къ Розовымъ своими чуть не ежедневными посѣщеніями. Его кормили, поили и ласкали, а потомъ онъ, уже на правахъ жениха, совершалъ съ Ольгою уединенныя прогулки. Въ результатѣ-же вышло что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ: увлекшаяся Петлинымъ дѣвица, къ ужасу своему, почувствовала, что вскорѣ она должна сдѣлаться матерью. Такое открытіе ни для кого не было пріятно... Какъ водится, жениха начали торопить свадьбой, а женихъ только теребилъ съ невѣсты ея-же послѣднія деньжонки, говоря, что ему предстоятъ у разныхъ владѣльцевъ полевыя съемки, а вотъ какъ только онъ, Петлинъ, окончитъ свои работы и представитъ планы на снятыя дачи, то получитъ тысячи полторы и тогда ужь онъ непремѣнно сыграетъ свадьбу. Подъ этимъ предлогомъ, уже назначивши день свадьбы, но предусмотрительно избѣгая брачныхъ цѣпей, Петлинъ выѣхалъ изъ Тулупова со всѣми своими желѣзными цѣпями, мензулой и другими инструментами и кой-какими, весьма скромными, пожитками по части невыразимыхъ туалетовъ. Убоявшись жениться на безприданницѣ, которая къ тому-же оказалась и „съ прибылью“ и мѣсяца черезъ два—черезъ три должна была осчастливить его ребенкомъ, Петлинъ очень ловко и навсегда скрылся съ тулуповскаго горизонта. Всякія попытки къ розыску его оказались безуспѣшными: его и слѣдъ простылъ; зато усилились всякія сплетни и пересуды относительно несчастной Ольги Розовой.

Узналъ объ этомъ „пассажѣ“ и капитанъ и пошелъ навѣстить сосѣдокъ.

И мать и дочь, уже не стѣсняясь, начисто все разсказали капитану. Нечего и говорить, что Ольга Петровна почти все время плакала навзрыдъ. Капитанъ насупилъ брови.

Едва-едва удержался Павелъ Павлычъ, чтобы тутъ-же, при дамахъ, не изругаться крѣпкимъ словечкомъ: до того его возмутило безчестное поведеніе землемѣра.

На прощанье онъ сказалъ Аннѣ Сергѣвнѣ:

— Погодите—хе-хе-хе!—утро вечера мудренѣе... Можетъ быть я—хе-хе-хе!—и придумаю для васъ такое дѣльце, что вы и думать забудете объ этомъ мерзавцѣ... А! чтобъ ему провалиться съ своими цѣпями и астролябіей въ болотѣ! Завтра—хе-хе-хе!—я къ вамъ приду-съ...

Вернувшись въ свой домишко, долго и долго ворочался капитанъ въ постели и все размышлялъ о судьбѣ коварно обманутыхъ Розовыхъ. А потомъ онъ незамѣтно свернулъ и на свое положеніе.

— Ну, хотя въ мои годы мнѣ-бы и не слѣдъ жениться: кому—хе-хе-хе!—надо мое рыло?—думалъ онъ,—однако Оленька Розова тоже не въ авантажѣ: ей теперь разбирать не приходится, а надо уходить отъ срама... Куда ни шло—посватаюсь!.. И мнѣ, вѣдь, хуже не будетъ; племянничковъ одолжу и дѣвичій стыдъ прикрою... Правда, чужой ребенокъ будетъ у меня на шеѣ отъ этого мерзавца Петлина; но вѣдь я и щенятъ-то жалѣю, а то какъ же не пожалѣть человѣка! По крайности—хе-

хе-хе!—я гожусь хоть на этакое дѣло, чтобы прикрыть дѣвичій грѣхъ...

Вечеромъ на другой день, внимательно посмотрѣвши въ зеркальце на свой украшенный бородавкою носъ, капитанъ отправился къ Розовымъ „съ предложеніемъ“.

— Ну-съ, Анна Сергѣвна!—хе-хе-хе!—коли такое для васъ неудобное дѣльце вышло съ этимъ прохвостомъ—землемѣромъ (а чтобъ его коровы забодали!),—готовъ вамъ служить чѣмъ могу-съ... Хотя я на женишка—хе-хе-хе!—своимъ рыломъ никоимъ образомъ-съ не похожъ, но ежели что насчетъ репутаціи Ольги Петровны и я имъ не очень противенъ, то могу-съ—хе-хе-хе!—и въ законный съ ними бракъ вступить-съ... Стало-быть по-военному-съ: разъ-два-три, и готово! Домишко у меня есть: какъ-нибудь да проживемъ... А на денежки не расчитывайте, и самъ я съ васъ не спрашиваю: нынче онѣ есть, а завтра-съ таковское дѣло—ищи вѣтра въ полѣ!... Афимьюшку мою и разныхъ тамъ собачекъ чтобъ не выгонять до самой моей смерти... Вѣдь и онѣ, чай, Божіи творенія—тоже жрать хотятъ...

Слушая въ нѣкоторомъ изумленіи эту странную рѣчь, покинутая невѣста Ольга Петровна начала всхлипывать.

— Что-же-съ?—я кажется-съ, Ольга Петровна, никакой вамъ обиды не произнесъ!...

— Голубчикъ вы мой, Палъ Палычъ, благороднѣйшій вы человѣкъ! А попрекать меня ничѣмъ не будете?—успокоившись немного и покраснѣвъ спросила Ольга.

— Да чего-же-съ?—хе-хе-хе!—Я съ вами въ полной откровенности-съ... Ежели тамъ насчетъ ребенка—хе-хе-хе!—можете объяснить-съ, что это я захотѣлъ свой грѣхъ прикрыть законнымъ бракомъ. А хаживалъ я къ вамъ потому, что—сосѣдъ, и вышло промежъ насъ таковское дѣло—слюбились...

— Ахъ, милѣйшій Палъ Палычъ!—да вѣдь этому объясненію первая Раиса Павловна не повѣритъ!

— Это-съ—хе-хе-хе!—госпожа Курышка-то не повѣритъ-съ? А на здоровье—пусть не вѣритъ! Что-же-съ вамъ нешто, съ позволенія сказать, всякой-съ сплетницѣ отчетъ-съ отдавать?!...

Наступило краткое молчаніе.

— Палъ Палычъ!—обратилась къ капитану покинутая невѣста: вы знаете, что я васъ очень уважаю... Буду-ли я васъ любить—не знаю; но я надѣюсь, что полюблю... за вашу доброту и благородный поступокъ.

— Хе-хе-хе-съ! Да ужь у меня на что хуже? Есть у меня паршивая собачонка, Жучкой прозывается,—я и къ ней-съ привязанность имѣю. Можетъ быть-съ, вы и ко мнѣ привыкнете... Да вѣдь я-съ, признаться сказать, мало и дома-то нахожусь... Я хоть и не служу-съ, а у меня есть разныя дѣлаcъ. Только чтобъ меньше-съ было разговору о нашей свадьбѣ въ Тулуповѣ:—потому—это вамъ какъ-будто конфузъ, да и на меня первые племяннички-съ придутъ любоваться-съ—какъ это ихъ дяденька на старости лѣтъ будетъ крутиться,—такъ мы съ вами навостримъ лыжи—куда-нибудь на мѣсяцъ уѣдемъ и обвѣнчаемся. Кстати-съ и по Волгѣ

на пароходѣ прокатимся. А ужь за моими собачками-съ Афимьюшка посмотритъ...

Ольга Петровна въ знакъ согласія подала новому жениху руку, которую тотъ неловко, хотя и почтительно, поцѣловалъ. Анна Сергѣвна помолилась, сняла образъ и благословила имъ невѣсту и жениха.

III.

Такъ и было все сдѣлано, какъ предлагалъ капитанъ.

Къ величайшему удивленію нѣкоторыхъ тулуповцевъ, уже прослышавшихъ о предстоящемъ бракосочетаніи Павла Павлыча съ Ольгой Петровной, почему-то покинутой душкою-землемѣромъ, — самъ женихъ - капитанъ, его уже замѣтно потолстѣвшая невѣста и будущая тещица очутились въ поѣздѣ желѣзной дороги,—конечно, въ третьемъ классѣ. Тогда четвертаго класса еще не было и отъ скопленія рабочаго люда была страшная тѣснота.

По сосѣдству съ капитаномъ Хоботовымъ помѣстился какой-то безбилетный чернорабочій,—заяцъ на желѣзнодорожномъ жаргонѣ,—уже не молодой мужикъ, въ какихъ-то лохмотьяхъ и съ сумочкой. Съ приближеніемъ оберъ-кондуктора для провѣрки пассажирскихъ билетовъ, онъ быстро и ловко, какъ-бы по заученному пріему, залѣзалъ подъ лавку и притворялся спящимъ.

Раза два или три принимался поднимать этого пассажира оберъ-кондукторъ, но пассажиръ упорно не вставалъ, какъ-будто его одолѣлъ крѣпкій сонъ. Наконецъ оберъ-кондукторъ плюнулъ и пошелъ

дальше по вагонамъ, чтобы не терять дорогого времени.

Тогда ѣхавшій на подобіе контрабанды рабочій ловко вылѣзалъ изъ-подъ лавки.

— Братцы родимые!—говорилъ онъ: не выдавайте, сердешные! Вѣдь меня опять оставятъ на станціи, а мнѣ хоть-бы до Ростова добраться: исхарчился весь! Вѣдь меня ужь и такъ пять разовъ высаживали: гдѣ-же мнѣ еще на билеты денегъ набраться!

Ни у кого не хватило духа заявить „оберу“, что этотъ прячущійся отъ контроля мужикъ ѣдетъ безъ билета. Видъ у него былъ дѣйствительно жалкій, и не было сомнѣнія въ томъ, что рабочій говорилъ правду о своемъ бѣдственномъ положеніи.

Заинтересовавшись судьбою этого несчастнаго пассажира, капитанъ тихонько вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Какъ-же это ты, братецъ, въ этакій дальній путь уѣхалъ изъ дома безъ денегъ?

— Да что, ваше благородіе! Сказать прямо надо: не самъ я ѣду, а нужда гонитъ... Тамъ это,—дома у меня стало-быть,—однихъ ртовъ восемь человѣкъ: мать-старуха—на ладанъ дышетъ, ужь ей подъ 80, жена совсѣмъ хворая да малые ребята... А тутъ податя, а тутъ обчественскія повинности и волостные сборы. Намедни послѣднюю овечку сволокли за хвостъ полицейскіе къ волостному правленію... Писарей и старшину насилу удовлетворилъ: не даютъ тебѣ пашпорта,—хоть ты волкомъ вой,—и шабашъ! А ужь тутъ, ублаготворимши, я какъ вырвался отъ нашихъ-то аспидовъ съ своимъ стру-

ментомъ,—ужь вò какъ радъ! Взялъ это я съ собою хлѣбушка въ сумочку, лаптишки, рубаху про запасъ на смѣну, портки, помолился и давай Богъ ноги! Ну, точно, рублишка полтора сколотилъ мѣдяками себѣ на дорожку... Да вѣдь долго-ли нашему брату исхарчиться! А харчъ нонѣ дорогой—хучь человѣку, хучь, къ примѣру, скотинѣ: вѣдь пожрать-то никто дармà не дастъ, а вынимай за все денежки! Да нешто мнѣ одному ѣхать безъ билета доводится! Ну, точно, какъ этакъ не потрафишь въ точку,—меня разовъ до пяти все съ жандартомъ, то-исъ какъ собаку, выкидывали; раза два и въ шею накладывали, ну да шея-то своя собственная—стерпитъ... Одинъ жандартъ ужь какъ на меня напустился: „а какимъ это манеромъ ты, собачій сынъ, стало-быть ѣдешь не по закону?—а гдѣ у тебя паспортъ?“ — Не сумлѣвайтесь, — говорю,—господинъ начальникъ!—А какой тутъ законъ, коли, къ примѣру, жрать нечего и нутрò тебѣ подводитъ! Разъ было совсѣмъ обробилъ: такъ себѣ и думаю, что вотъ меня холера забираетъ—не гоже будетъ помирать на чужой сторонушкѣ!.. Одначе, испилъ чайку за трешникъ,—нутро-то себѣ, слышь, распарилъ,—съѣлъ хлѣбца—Богъ помиловалъ!.. Гдѣ ужь тутъ намъ законы разбирать? И то сказать: что-жь мнѣ на большую дорогу, что-ли, съ дубьемъ выходить али замки подламывать?—Ну, и отцы наши эфтими дѣлами не занимались и намъ, то-исъ, не приказывали... Вотъ тутъ со мной мои кормильцы: серпъ да коса-матушка! Пробираюсь къ Адессу—люди сказывали, больно тамъ хлѣбушка зародилъ и нашъ братъ требуется для уборки.

— А ты—хе-хе-хе!—не брешешь?—спросилъ капитанъ, внимательно и строго посмотрѣвъ на своего собесѣдника.

— Да съ чего мнѣ это брехать-то? Нешто ты мнѣ за это заплатишь! Вотъ-тѣ Христосъ истинный свидѣтель! Оторви, Господи, мнѣ голову эфтой самой чугункой, коли я брешу!

— Ну, слушай-же! такъ и быть: я тебѣ помогу!—совсѣмъ тихо сказалъ капитанъ: только чтобъ объ этомъ не было разговора! Хочу, чтобъ это была тебѣ тайная милостыня!..

Рабочій еще разъ перекрестился какъ-бы въ знакъ клятвеннаго обѣщанія о молчаніи.

— Прими ради Христа!—и капитанъ незамѣтно для пассажировъ сунулъ рабочему пятирублевку.

Мужикъ въ изумленіи посмотрѣлъ на капитана и, пряча бумажку, прошепталъ:

— Отродясь я эфтакихъ дѣловъ не видывалъ и не слыхивалъ! Дай тебѣ великая Мать - Заступница, Царица небесная добраго здоровья и на этомъ свѣтѣ, и на томъ свѣтѣ! Спаси тебя Христосъ, добрая душа, ваше благородіе! Ужь и какъ величать и поминать тебя не знаю. Сроду эфтакихъ дѣловъ со мной не было, ни въ жисть!

— Ну, молчи-же! строго сказалъ капитанъ. Затѣмъ, обратившись къ своей невѣстѣ и будущей тещѣ, которыя, кое-какъ примостившись, дремали во время этой сцены и за стукомъ и грохотомъ отъ движенія поѣзда путемъ ничего не разобрали,—капитанъ довольно громко сказалъ, чтобъ его слышали и другіе пассажиры:

— Ты только уши развѣсь, а ужь этотъ наро-

децъ—хе-хе-хе!—съ три короба тебѣ наплететъ! Пьяницы этакіе! Тоже по чугункѣ катаются безъ билетовъ...

Облагодѣтельствованный мужикъ во всѣ глаза смотрѣлъ на капитана и не могъ сообразить изъ-за чего-же этотъ добрый баринъ началъ ругаться.

— Отродясь такого чудного барина не видалъ! думалъ онъ: вѣдь иной изъ нашего брата за все лѣто домой пятишны не принесетъ... Да ужь въ своемъ-ли онъ умѣ, сердешный! А вѣдь надо быть—добрѣющая душа! Только и пречудной-же!—отродясь я эфтакаго не видывалъ...

Въ самомъ дѣлѣ: удивительный былъ человѣкъ Павелъ Павлычъ! Онъ и въ церковь-то почти не ходилъ и ни въ какихъ благотворительныхъ подпискахъ не участвовалъ. Послушать его,—такъ вѣдь этотъ черный народъ—мерзавцы, пьяницы, анаѳемы, жулье и разбойники. Капитанъ Хоботовъ, уже по привычкѣ, такъ вошелъ въ свою роль казаться жесткимъ и безсердечнымъ человѣкомъ, что выказывать себя предъ людьми именно такимъ для него ничего уже не стоило. Полученіе хотя малѣйшей похвалы отъ людей уничтожало въ его глазахъ все значеніе добраго дѣла. А вмѣстѣ съ тѣмъ ему доставляло истинное наслажденіе помочь человѣку въ бѣдѣ, но только когда этотъ человѣкъ дѣйствительно нуждается, и, притомъ, не по своей винѣ. Болѣе всего капитанъ боялся быть обманутымъ, чтобы его копейки и рубли не доставались пьяницамъ, лѣнтяямъ, бродягамъ и прожигателямъ жизни. Когда ему удавалось „произвести слѣдствіе“, какъ онъ мысленно выражался въ бесѣдахъ съ собствен-

ною особою, то-есть когда онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что слѣдуетъ помочь человѣку, то сдѣлавши доброе дѣло такъ, чтобы этого никто не зналъ, онъ оставался чрезвычайно доволенъ собою.— А вѣдь ловко я ихъ околпачилъ! мысленно говорилъ онъ себѣ. Подъ словомъ „ихъ“ капитанъ понималъ не только лицъ, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ, но и не знавшую объ его поступкѣ постороннюю публику...

Конечно, возможно усомниться въ томъ, что бываютъ такіе странные люди, какъ капитанъ Хоботовъ. Откуда-же явились у капитана какія-то чисто-евангельскія представленія о томъ, какъ слѣдуетъ дѣлать добрыя дѣла?

Читая втихомолку Евангеліе и будучи отъ природы человѣкомъ добродушнымъ, капитанъ былъ пораженъ до глубины сердца тѣми мѣстами божественной книги, въ которыхъ говорилось, что надо дѣлать добро такъ, чтобы одна рука не знала, что дѣлаетъ другая, и что если человѣкъ уже получилъ похвалу отъ людей за свое доброе дѣло, то уже никакой цѣны передъ Богомъ оно не имѣетъ. На него сильно подѣйствовали также и полныя глубочайшей мудрости, святости и силы обличительныя бесѣды Христа съ книжниками и фарисеями. Самъ по-себѣ образовательный фондъ капитана былъ не великъ: все научное образованіе его ограничивалось поверхностнымъ прохожденіемъ курса кадетскаго корпуса, житейскимъ опытомъ вслѣдствіе продолжительной военной службы и чтеніемъ хорошихъ книгъ. Кромѣ духовныхъ книгъ, капитанъ зачитывался „Войною и миромъ“ и другими сочиненіями

гр. Л. Н. Толстого, а также любилъ читать и сочиненія Достоевскаго и Салтыкова.

А для чего-же капитанъ Хоботовъ, дѣйствуя сознательно, какъ-бы по обдуманному плану, казался людямъ человѣкомъ черствымъ, не тѣмъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности—истиннымъ христіанномъ? Зачѣмъ-же было маскироваться? Не была-ли эта черта въ характерѣ капитана своего рода фарисействомъ, которое онъ самъ-же осуждалъ?

Пусть сами читатели отвѣтятъ на эти вопросы, ознакомившись ближе съ личностью капитана и общественными условіями его жизни. А пока можно только сказать, что такіе люди, какъ капитанъ, несомнѣнно существуютъ; число ихъ очень не велико, и мы тѣмъ рѣже ихъ замѣчаемъ, чѣмъ больше они сами стараются быть незамѣченными . . . . . .

. . . . . .

IV.

Вотъ, наконецъ, капитанъ со своими спутницами, безъ всякихъ приключеній добрался до пристани на Волгѣ. Вотъ уже носятся и, какъ-бы опрокидываясь, перевертываются въ воздухѣ надъ исполиномъ—рѣкою крупныя, очень красивыя чайки... Сразу-же потянуло бодрящею человѣка свѣжестью...

Былъ солнечный день. Виднѣющійся вдали городъ; величественная рѣка со своимъ почти необъятнымъ водянымъ пространствомъ въ берегахъ, скрывающихся въ легкомъ, синеватомъ туманѣ; движеніе пароходовъ и барокъ и оживленная тол-

котня на пристани—все это только поддерживало отличное настроеніе духа. А тутъ еще, въ довершеніе удовольствія, капитану удалось выручить изъ бѣды одного бурлака; по выраженію-же самого капитана, ему удалось сыграть съ нимъ „ловкую штуку“.

Слоняясь въ ожиданіи парохода по пристани, капитанъ увидалъ какого-то мужика въ отрепьяхъ, приткнувшагося въ уголкѣ съ своею сумочкою, Мужикъ очень долго, серьезно и внимательно пересчитывалъ мѣдяки, доставая ихъ изъ кармана портовъ. Пересчитывая деньги, онъ только качалъ головою, вздыхалъ и что-то бормоталъ.

— Вотъ-тѣ и билетъ! Поди ты грѣхъ какой! Оказія!—разсуждалъ онъ почти вслухъ.

— Что ты, братецъ, бурчишь?—обратился къ нему капитанъ.

— Да вишь, поштенный господинъ! то, бишь, ваше благородіе!—поправился мужикъ, вскинувъ глазами съ мѣдяковъ на мундиръ капитана: никакъ цѣлой полтины на билетъ до Астрахани не хватаетъ! Маненько я съ ребятами обмишулился! Таперича не знаю какъ мнѣ и быть... Кабы эфто дѣло вышло въ кабакѣ, ну, извѣстно,—сейчасъ это зипунъ заложилъ-бы сидѣльцу и какъ-нибудь извернулся-бы. А то съ кастиромъ ничего не подѣлаешь... Ничего, какъ есть, въ резонтъ не принимаетъ: ему, извѣстно,—вынь всѣ денежки да положь! ему подавай чёхомъ! Онъ, стало быть, на эфтакое дѣло отъ своихъ начальниковъ и приставленъ...

— Да ты, можетъ, съ ребятами пьянствовалъ, что обмишулился?—сталъ пытать его капитанъ.

— Какой, ваше благородіе! Я и угощенія-то не ставилъ въ артель. Говорю: „ребята, ослобоните на эфтотъ разъ! Мнѣ до Астрахани не съ чѣмъ будетъ добраться“... Ну, точно, послухались, ослобонили и сами еще поднесли шкаликъ на прощанье.

— Что-жь? Ай плохіе были заработки, что даже и на билетъ не хватаетъ?

— Мы, точно, барки не перекатахъ тянули: потому—обмелѣло страсть!—да аспидъ нашъ Макарка—приказчикъ этого купца Пѣтухова будетъ: небось слыхали?—именитый купецъ: однихъ пароходовъ у него штукъ двѣнадцать, а барокъ и не перечислишь... И мнѣ его разокъ довелось видѣть: еще онъ такой тушный,—вотъ какъ церковные старосты али градскіе головы бываютъ... Такъ вотъ этотъ аспидъ-то, Макарка, ужь такой разсчетъ намъ далъ, такой разсчетъ—не приведи Богъ! Ну, извѣстно, Макаръ Иванычъ никогда охулки на руку не кладетъ и себя не забываетъ, а для хозяина—первѣющій приказчикъ.

— Что-жь вы не жаловались?

— Да гдѣ ужь, ваше благородье, намъ жалобиться? Нашего достатку нѣтъ, а аблаката на дурничку не ублаготворишь: онъ-тѣ свою линію ведетъ и нашего брата живо облапошитъ: только и знай раскошеливайся да полштофы ему покупай. Опять-же, нешто у насъ бумаги али ахты какіе? Все, будто думается, на ёмъ крестъ есть...—„Я, говоритъ, васъ, братцы, не обижу! Не сумлѣвайтесь: ужь мнѣ не впервой съ бурлаками обхожденіе имѣть!“—А къ чему дѣло пришло,—тухлятинкой сталъ кормить

изъ купеческихъ лавокъ, отъ Нѣтухова-же; хлѣбъ съ лебедой; баранье сало такое, что и собаки-то у добраго хозяина ѣсть не станутъ... Какую-то нѣмецкую чину вмѣсто гороха всучилъ, а счетъ по книжкамъ пребольшущій вывелъ. У насъ было и хворость пошла, да ужь мы догадались, что онъ норовитъ съ своей утробой насъ въ мать-сыру-землю вогнать, ну и отказались: шабашъ! Наслу отъ него паспорта ослобонили... Вотъ тебѣ, милый баринъ, и наши барыши—одни шишы!

— А ты все это не врешь, любезный?

— А мнѣ чего врать-то?—съ какой это радости?—Нешто ты мнѣ начальникъ какой будешь! обидѣлся бурлакъ: вѣдь я тебѣ, милый человѣкъ, по душѣ баялъ!

— Ну,—хе-хе-хе!—сиди-же здѣсь съ своими пятаками!... А я буду себѣ брать билетъ,—возьму и для тебя.

— Ой, ваше благородье!—оживился бурлакъ. Какъ-же эфто дѣло выйдетъ?—по какому, сталобыть, положенію?—по какому резонту?—Али отъ казны способіе?

— Это, братецъ,—хе-хе-хе!—мое дѣло! Ты только знай себѣ—сиди да посиживай, а я билетъ тебѣ предоставлю въ лучшемъ видѣ и съ тебя ни денегъ, ни могорычей не спрошу...

— Чудно́ это будетъ, ваше благородье! Еще меня въ острогъ возьмутъ съ этакимъ билетомъ... Станутъ это начальники выспрашивать: „а ну-ка, Пантелей, по какому эфто, стало-быть, положенію ты на даровщинку билеты получаешь?“ Нѣтъ-ли тутъ какой фальши супротивъ закону! Мы—люди темные!...

— Ну, коли ты,—Пантелеемъ тебя зовутъ,—темный человѣкъ и ничего не понимаешь, то какъ-же я тебя увѣрю? Вотъ получишь—хе-хе-хе!—отъ меня настоящій, а не фальшивый, билетъ и преотличнымъ манеромъ доѣдешь съ нимъ до Астрахани. Ну, пораскинь мозгами: какое кому дѣло – хе-хе-хе!—на свои-ли ты деньги купилъ билетъ, али еще на какія?—Нешто у тебя на лбу будетъ написано, что ѣдешь съ билетомъ не на свои деньги?

— Это точно, ваше благородье! Ужь я тебѣ, милый человѣкъ, и въ ножки поклонюсь за твою ангельскую душеньку! Только, признаться, все меня опаска беретъ!—какъ-бы въ отвѣтѣ не быть!—И Пантелей почесалъ затылокъ.

Недоумѣніе все еще не сходило съ лица Пантелея. Когда капитанъ ушелъ, онъ даже перекрестился на всякій случай и помянулъ „Миколая угодника“, думая—нѣтъ-ли тутъ какого подвоха или дьявольскаго навожденія...

Когда-же капитанъ вручилъ Пантелею пассажирскій билетъ третьяго класса, Пантелей сильно обрадовался, поклонился ему въ ноги и перекрестился три раза. Капитанъ сердито замѣтилъ, что онъ не Богъ, чтобъ ему кланяться. Но на всякій случай, „изъ опаски“, Пантелей показалъ этотъ билетъ своему-же товарищу по бурлацкому дѣлу, Сампсону Безносому, который вмѣстѣ съ нимъ питался тухлятинкой отъ именитаго купца Пѣтухова, и сказалъ ему, что получилъ его отъ какого-то чудного барина—„какъ-будто изъ охвицеровъ будетъ—душевный такой!“ добавилъ Пантелей: „самъ-то онъ, вишь, этакій крупный, а носъ у него точно картошка“...

Но такъ какъ и удивленный этимъ разсказомъ Самсонъ не могъ сказать по своему безграмотству—хорошъ-ли этотъ билетъ, то Пантелей предъявилъ его кассиру.

— А что, поштенный господинъ, будетъ этотъ билетъ хорошъ до Астрахани?

— Чего ты лѣзешь, сиволапый, со всякимъ вздоромъ!—отвѣтилъ кассиръ: какого-жь тебѣ еще, прости Господи, рожна, когда я этотъ самый билетъ сейчасъ только выдалъ!

И съ этими словами разсерженный кассиръ плюнулъ Пантелею чуть не въ лицо.

Пантелей совсѣмъ повеселѣлъ и перекрестился. А Самсонъ сообразилъ, что нельзя-ли и ему какъ поживиться отъ этого „душевнаго охвицера", и началъ присматриваться къ публикѣ. Вскорѣ-же онъ разыскалъ „душевнаго охвицера", который весело расхаживалъ и покуривалъ трубочку. На картошкообразномъ носу его красовалась бородавка съ двумя или тремя короткими волосками.

На несчастье Самсона Безносова отъ него уже попахивало сивушкой и сушеной воблой.

Снявъ шапку предъ капитаномъ, Самсонъ заискивающе обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Ваше благородье! а ваше благородіе! Послухайте-ка что я вамъ скажу!

— Что тебѣ? сурово спросилъ капитанъ. Самсонъ залебезилъ еще больше.

— Мнѣ, ваше благородье, товарищъ Пантелей сказывалъ, что ваша милость ему проѣздной билетъ выправили до Астрахани,—стало-быть, на рыбное дѣло...Не будетъ-ли, ваше степенство, и мнѣ такого

положенія насчетъ билетика? Стало-быть, я одного буду положенія съ Пантелеемъ: мы вмѣстѣ съ нимъ у купца Пѣтухова на перекатахъ съ барками дѣвствовали...

— Ахъ онъ мерзавецъ этакій! Да гдѣ этотъ Пантелей? Я его сейчасъ къ становому въ чижовку отправлю!... Ишь что выдумалъ! Да это ему, должно, съ пьяныхъ глазъ попритчилось, что я ему какой-то билетъ выправилъ!... Да гдѣ-жѣ это видано, чтобъ было такое положеніе пьяницамъ и мерзавцамъ билеты раздавать! А ты чего нализался?—съ какой это радости? Вѣдь я, братецъ, сейчасъ увижу... Али много лишняго заработалъ? А дома, небось, податя!

Самсонъ уже совсѣмъ оробѣлъ и усиленно чесалъ затылокъ, продолжая стоять безъ шапки.

— Виноваты, выше благородье! Я точно косушечку выпилъ—съ устатку, да вѣдь я на свои выпилъ... Рястантомъ ни въ судахъ, ни въ штрафахъ я сроду николи не бывалъ... Ослобоните, ваше благородье! Можетъ и я не того барина нашелъ, про коего Пантелей сказывалъ... Только онъ баялъ, что у того барина, „изъ охвицеровъ“, безпремѣнно будетъ носъ картошкой.

Капитанъ улыбнулся.—„Вотъ такъ женихъ!“ подумалъ онъ самъ о себѣ.—Ну, проваливай, братецъ! Я съ пьяницами и разговаривать-то не хочу!..

V.

Въ одномъ изъ приволжскихъ городковъ капитанъ Хоботовъ самымъ скромнымъ образомъ обвѣн-

чался съ Ольгой Петровной, при чемъ попы, показавшіеся ему весьма благоутробными и съ упитанными тѣлесами, отъ него не разжились...

Капитанъ сразу-же поставилъ такой ультиматумъ лоснившемуся отъ жира священнику:

— Документики наши—хе-хе-хе!—въ превзрядномъ порядкѣ-съ, отецъ святой! Вотъ-съ мой указецъ объ отставкѣ, а вотъ-съ и невѣстина метрика... У меня это дѣло—хе-хе-хе-съ!—по-военному: разъ, два, три—и готово! Вамъ-съ за вѣнчаніе красный билетъ, а причетникамъ-съ и на все прочее—пятишну: вотъ и весь сказъ!

— Что это вы, господинъ капитанъ? протестовалъ алчный священникъ: да я съ мѣщанъ и мужиковъ менѣше пятнадцати рублей за свадьбу не беру... А вы, притомъ-же, и не здѣшній! Какъ-бы еще какой исторіи мнѣ съ вами не нажить!

— А покажите-ка мнѣ, святой отецъ,—хе-хе-хе-съ!—такой законъ-съ, чтобы отказывать въ совершеніи таинства изъ-за вашей таксы! Такъ это вы-съ и указовъ Его Императорскаго Величества не признаете-съ? Читали вы что въ моей отставкѣ сказано: „По указу Его Императорскаго Величества!“... Меня-съ, капитана Хоботова, и другой святой отецъ живымъ манеромъ-съ обвѣнчаетъ... А я-съ на васъ живымъ манеромъ-съ прошеньице преосвященнѣйшему владыкѣ накатаю: писать и я гораздъ! Разъ, два, три—и готово! Преосвященный васъ живо накостыляетъ и запрещеньице положитъ-съ, а нѣтъ-съ, то и въ Соловки упечетъ-съ али еще куда подальше, чтобъ вы впередъ таинствами не торговали... Ни гроша мѣднаго больше отъ меня не получите!

Видя такую рѣшительность характера и не желая упускать жениха, потому что и красный билетъ—деньги весьма крупныя и пріятныя, ибо еще только наканунѣ онъ, святой отецъ, простукалъ въ карты у исправника цѣлую трешницу,—священникъ маленько струхнулъ и уступилъ,—и въ первый-же брачный день Исайя возликовалъ...

Послѣ вѣнчанія, когда священникъ поздравлялъ новобрачныхъ, капитанъ сказалъ:

— А я все-таки на васъ, святой отецъ, прошеньице подамъ преосвященному! Вотъ только дайте-ко мнѣ узнать съ какихъ это мѣщанъ и мужичковъ вы больше пятнадцати рублей за свадьбы вымогаете...

— Не погубите меня, господинъ капитанъ! не на шутку струхнулъ священникъ: у меня жена, два сына въ семинаріи да еще пятеро ребятъ при мнѣ...

— Ну, ужь такъ и быть: не буду писать! сказалъ капитанъ.

. . . . . .

И со вступленіемъ въ бракъ никакой, такъ сказать, моральной перемѣны съ Хоботовымъ не произошло. Онъ былъ непзмѣнно вѣренъ себѣ и своему прежнему образу жизни. Въ отношеніи жены и тещи онъ былъ любезенъ и предупредителенъ, но ни въ какія миндальности и въ особыя откровенности съ ними не входилъ. Покатавшись по Волгѣ, вверхъ и внизъ, еще съ недѣльку, новобрачные и Анна Сергѣвна отправились во-свояси въ Тулуповъ.

Ко всевозможнымъ чудачествамъ капитана,—ко-

торыя, впрочемъ, никогда никому не вредили,—всѣ давно уже попривыкли въ Тулуповѣ, такъ-что возвращеніе его въ качествѣ новобрачнаго произвело лишь самую незначительную сенсацію. Афимья отвѣсила молодой барынѣ низкій поклонъ и поздравила молодыхъ, а паршивая Жучка и всѣ остальныя собаки страшно обрадовались пріѣзду капитана: онѣ визжали, лизали его, прыгали и вскакивали на грудь.

— Хе-хе-хе-съ! Жучка-то какъ рада-съ!—говорилъ капитанъ, любовно посматривая на своихъ четвероногихъ пріятелей. — Отъ людей этакой ласки—хе-хе-хе-съ!—не получишь! Ужь тутъ-съ, Ольга Петровна, фальши ни на копеечку-съ нѣтъ-съ! Потому—и все-то ихъ жалованьице-съ—кусочки хлѣба-съ, ну, когда тамъ, — какія косточки да помойцы-съ!

Капитанъ сразу-же объявилъ женѣ и установилъ прежній порядокъ, чтобы къ обѣду его никогда не ждали, потому что онъ и самъ не знаетъ когда именно можетъ возвращаться съ своихъ хожденій по городу и съ прогулокъ за городъ.

— Мнѣ-съ?—что-же-съ, Ольга Петровна! Попалъ къ обѣду,--хорошо-съ, а не попалъ,—никакой обиды нѣту-съ: поѣлъ это что тамъ есть у Афимьюшки—картошечки, капустки, огурчиковъ, кашки-съ гречишной (это самое военное кушанье-съ!),--ну, тамъ когда молочка,—попьешь это чайку-съ, и... хорошее дѣло-съ! А на харчи-съ вамъ у меня по положенію-съ: восемь рублей на недѣлю — предостаточно!

Разумѣется, всѣмъ обязанная капитану Ольга Петровна не считала себя въ правѣ даже что-либо

возразить противъ такихъ, въ сущности не стѣснявшихъ ее, порядковъ, хотя нерѣдко она чувствовала и тяготилась своимъ одиночествомъ и почти не знала какъ и чѣмъ наполнить свое время. Теперь она была уже рада, что вскорѣ сдѣлается матерью.

Мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы Ольга Петровна родила мальчишку, котораго назвали Павломъ. Капитанъ отнесся къ этому событію весьма добродушно и даже участвовалъ иногда въ купаніи чужого для него ребенка, отпуская самыя безобидныя для жены остроты и шуточки. Онъ успѣлъ даже привязаться къ ребенку, который уже началъ улыбаться ему своими ангельскими глазенками...

Однажды знаменитая въ Тулуповѣ Раиса Павловна, съ индѣечьей физіономіей, по прозванію Курышка, очень обрадовалась, встрѣтившись на базарѣ съ хоботовскою Афимьею, и начала ей чинить допросъ.

— Ты, милая, стало-быть у Хоботовыхъ въ кухаркахъ?!. . Мнѣ сказывали вѣрные люди, что капитанъ еще до свадьбы опознался съ вашей барыней. Неужто и у мальчонки ихняго такой-же капитанскій носъ — будто картошка съ бородавкой? А можетъ быть это землемѣрскій ребенокъ?

— Никакой у нихъ картошки на носу нѣтути-съ!—сухо отрѣзала Афимья: а какъ мои господа жили промежъ себя до свадьбы—не могимъ знать: это не нашенское, а господское дѣло!

— Ну, да вѣдь я, любезная, только такъ побалагурила съ тобою! поправилась Курышка.

Къ неподдѣльному горю капитана, Паша вскорѣ умеръ отъ какой-то дѣтской болѣзни.

— Воля Божія-съ, Ольга Петровна! утѣшалъ капитанъ свою жену и собственноручно выкопалъ для мальчика могилку.

. . . . . .

Братцы Семенъ и Иванъ Хоботовы, конечно, были весьма обижены женитьбой дяденьки и вообще прекратили свои посѣщенія, не сочтя даже нужнымъ поздравить его со вступленіемъ въ законный бракъ. Они не стѣснялись заглазно ругать его съ женою чуть не на всѣхъ перекресткахъ. Когда-же совершенно случайно капитанъ встрѣтилъ ихъ на улицѣ,—они сухо и церемонно поклонились ему, не сказавъ ни слова, а капитанъ только кивнулъ имъ въ отвѣтъ и пошелъ дальше съ своимъ чинжалищемъ.

VI.

Вскорѣ-же разнеслась по городу вѣсть, что страдавшій чахоткою помощникъ секретаря Иванъ Прохорычъ Рябчиковъ покончилъ всѣ свои счеты съ земною жизнью. Многіе искренно жалѣли семью этого труженика, который, не щадя живота, просиживалъ ночи за протоколами и мыкался по сессіямъ, чтобы урвать для семьи хотя трешницу отъ скудныхъ прогоновъ.

Исполняя обязанности присяжнаго засѣдателя по городу Тулунову, зналъ этого Рябчикова и капитанъ Хоботовъ, хотя домами съ нимъ онъ и не былъ знакомъ. Въ судѣ уже поговаривали, что слѣдовало-бы сдѣлать подписку на похороны Рябчикова, такъ-какъ вдова съ полдюжиной ребятъ ни-

кимъ образомъ не въ состояніи похоронить мужа на свой счетъ. Но многіе только тѣмъ и ограничились, что лицемѣрно поохали, повздыхали, а затѣмъ даже обрадовались возраженію одного судьи, изъ поляковъ, что вѣдь нельзя-же имъ хоронить всѣхъ на свой счетъ: еще вотъ только недавно была подписка на похороны члена суда Весина...

Сообразивъ, что слѣдуетъ немедленно-же помочь Рябчиковымъ, капитанъ явился къ нимъ какъ-будто на панихиду.

Вдова была въ полномъ отчаяніи, совсѣмъ растерялась и только и могла отвѣтить суетившимся и пристававшимъ къ ней изъ-за похоронъ какому-то господину и дамамъ:

— Дѣлайте что хотите! У меня только и есть въ домѣ два двугривенныхъ! Послѣднія денежки на докторовъ просадила и хоронить мнѣ его нечѣмъ...

Изъ заднихъ комнатъ робко выглядывали дѣти... Въ комнатахъ было душно: окна нарочно не открывали, чтобы сколько-нибудь задержать разложеніе побѣжденнаго изнурительными лихорадками и микробами тѣла.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно подошелъ ко вдовѣ капитанъ и, отведя ее всторону, какъ-бы по секрету сказалъ:

— Сударыня! я—капитанъ Хоботовъ-съ. Хе-хе-хе! хотя я съ вами и не знакомъ-съ, а вашего супруга—покойничка-съ преотлично зналъ-съ по окружному суду. Еще я предъ Иваномъ Прохорычемъ въ долгу-съ остался... Ужь вы меня извините! Нынче да завтра,—такъ это я все откладывалъ—не время было; еще тогда свадьба у меня затѣялась, а тутъ

вотъ какой грѣхъ и случился: остался въ долгу предъ покойничкомъ на 28 рублей.

Вдова удивленно и съ заплаканнымъ лицомъ посмотрѣла на капитана.

— Никогда мнѣ Иванъ Прохорычъ не говорилъ, чтобъ онъ имѣлъ на васъ долгъ, да еще этакую большую для насъ сумму. Гдѣ ему еще было деньгами людей ссужать, когда мы бились со дня на день какъ рыба объ ледъ!

— Нешто какъ Иванъ Прохорычъ при своей болѣзни забыли это вамъ сказать!—нѣсколько сконфуженно и въ своемъ родѣ „безсовѣстно“ вралъ капитанъ. –Хе-хе-хе-съ! Вотъ извольте-съ послушать какая была со мною оказія-съ! Сошлись это мы, стало-быть, въ одномъ вагонѣ на чугункѣ съ Иваномъ Прохорычемъ. Онъ это съ окружнымъ судомъ возвращается въ Тулуповъ, а я, стало-быть, хотѣлъ на станціи чайку-съ испить. Хватился бумажника: онъ вотъ тутъ-съ въ боковомъ карманѣ былъ, а въ вагонѣ-то было нажарено и мундиръ былъ у меня разстегнутъ... Глядь,—а бумажника-то у меня и нѣтъ: со мной тогда рублей сорокъ было... Ну, еслибъ я еще домой ѣхалъ, то это-бы ничего; а то мнѣ надо было съ веретенской станціи сойти и ѣхать на лошадяхъ въ Тропцкое. Тутъ я-съ—хе-хе-хе!—и вспомнилъ, что около меня вертѣлся какой-то черномазенькій—шустрый такой, стало-быть, изъ жулья... Ну, конечно, заявилъ-съ на станціи, да толку нѣтъ, а ужь его,—этого черномазенькаго-то,—и слѣдъ простылъ...—„Такъ и такъ, говорю Ивану Прохоровичу: вотъ бѣда-то стряслась!—до-зарѣзу надо быть завтра-же въ Тропцкомъ: выручите, ради Христа! А

ужь я, какъ пріѣду въ Тулуповъ, вамъ-съ съ благодарностью возвращу-съ“... Ну-съ, подумалъ-подумалъ Иванъ Прохорычъ—добрѣющей души былъ покойничекъ: царство ему небесное!—и говоритъ: „Ну, капитанъ, своихъ-то денегъ у меня нѣтъ—развѣ вотъ пятишка осталась, а казенныя, изъ свидѣтельскихъ, есть—еще рублей 80 осталось. Такъ и быть, на честное слово даю вамъ четвертную; только не вводите меня въ отвѣтъ: остатки отъ аванса надо сдать въ кассу: потому—контроль“... Я у него и взялъ четвертную, а трешницу онъ еще доложилъ—на всякій случай: я все боялся, а ну какъ въ дорогѣ не хватитъ... Вотъ-съ теперь и извольте получить-съ, сударыня, эти самые 28 рублей, а за свое промедленіе, за свою провинность, я готовъ-съ—хе-хе-хе!—хоть еще столько-же взаймы ссудить: отдадите когда захотите, когда будутъ-съ деньги—никакими сроками не стѣсняйтесь!

Вдова все больше и больше удивлялась: она и вѣрила, и нѣтъ.

Капитанъ утвердительно кивнулъ.

— Извините меня, Палъ Палычъ, но мой Иванъ Прохорычъ отъ меня и гривенника не таилъ. Какъ-же бы это онъ мнѣ не сказалъ, что одолжилъ вамъ, еще зимою, 28 рублей да еще—страшное дѣло!—изъ свидѣтельскихъ-то денегъ!

— Все бываетъ-съ! все бываетъ-съ на свѣтѣ!—только и нашелся возразить капитанъ.—Я вотъ-съ—хе-хе-хе!—ужь шестой десятокъ доживаю, а вотъ и не такіе еще случаи испыталъ-съ и отъ людей тоже слыхалъ-съ... Да какъ угодно-съ, сударыня! Ежели-съ вамъ не угодно будетъ получить съ меня

долгу-съ 28 рублей, я-съ эти денежки хоть нынче-же при васъ на церковь али еще куда долженъ отдать-съ. Потому—хе-хе-хе!—капитану Хоботову-съ нельзя-же на одномъ-съ положеніи быть-съ съ жульемъ... Коли ты, Палъ Палычъ, долженъ,—такъ изволь долгъ отдавать по чести!

— Какъ я вамъ признательна, Палъ Палычъ!—со слезами сказала вдова.—Вѣрите-ли, можетъ, во всемъ домѣ и двухъ двугривенныхъ не найду, а съ попами съ этими да съ хлопотами и рублей на 60 не обойдусь. Ужь хотите мнѣ пособить,—то кромѣ этихъ двадцати восьми рублей долгу, какъ вы говорите (и г-жа Рябчикова почему-то улыбнулась), одолжите мнѣ еще сколько-нибудь, чтобы за мной оставалось хоть рублей 70. Одни доктора что съ меня перебрали денегъ—уму не постижимо!—и все безъ толку! Этакіе безсовѣстные, прости Господи! Ужь чѣмъ чѣмъ они его ни пичкали... По два лѣкарства на день перемѣняли! И креозотомъ—то, и хиною, и антипириномъ, и кислородъ-то давали въ подушкахъ!.. Ну, чего ужь тутъ! Коли нельзя помочь, то зачѣмъ-же деньги-то еще брать съ умирающаго! Или ему отъ этого будетъ легче умирать! Я просто совсѣмъ ошалѣла: трое сутокъ не спала! А каково было смотрѣть когда онъ задыхается! Я ужь и дѣтей-то къ нему не пускала: послѣднюю ночь они даже ночевали у сосѣдей...

Нечего и говорить, что капитанъ тотчасъ-же незамѣтно сунулъ вдовѣ требуемую сумму и сказалъ:

— Это между нами-съ, сударыня! Никому не извольте говорить!

Для приличія онъ тутъ-же прослушалъ панихиду и ушелъ.

— Вотъ чуть-было не попался!—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Этакій я старый колпакъ! Еще-бы немножко—и совсѣмъ-бы въ дуракахъ остался! Хе-хе-хе!—и соврать-то путемъ не сумѣлъ какъ слѣдуетъ!

Но въ концѣ-концовъ капитанъ все-таки остался доволенъ своимъ поступкомъ.

VII.

Вскорѣ послѣ похоронъ Рябчикова, на которыхъ капитанъ не присутствовалъ, его неудержимо потянуло въ подгородный казенный лѣсъ.

Былъ прекрасный іюньскій день. По небу ходили небольшія тучки. Вѣтерокъ, какъ-бы передъ дождемъ, когда сильно паритъ, умѣрялъ солнечный жаръ... Кузнечики весело и бойко трещали въ травѣ и то-и-дѣло взлетывали изъ-подъ ногъ. Вотъ несутся два коромысла, преслѣдуя одинъ другого... На мгновеніе они останавливаются въ воздухѣ, усиленно и беззвучно трепещутъ своими тончайшими, сѣтчатыми крылышками и, уже сцѣпившись, быстрымъ движеніемъ подъ угломъ, то поднимаясь, то опускаясь, измѣняютъ свой полетъ, а къ нимъ на встрѣчу уже задорно несется третій коромыслъ, и между соперниками начинается какой-то воздушный турниръ...

Кое-гдѣ, близъ дорожекъ и на просѣкахъ, уже начали краснѣть первыя ягоды земляники. Вотъ показались нѣжныя, почти разламывающіяся въ ру-

кахъ, желтокрасныя сыроѣжки и стали попадаться подосинники. А вотъ и цѣлая колонія зеленовато-мраморныхъ съ жилками масляниковъ. Въ воздухѣ потянуло запахомъ перегнившей листвы, какою-то сыростью и грибною плѣсенью....

Капитанъ давно уже шелъ цѣликомъ: въ лѣсу ему хорошо были извѣстны всѣ тропинки, выходы, полянки, овраги и просѣки. Вѣтви такъ и хлестали его, оставляя слѣды паутины. Насторожившіеся въ ожиданіи добычи, крупно-сѣрые и пестрые пауки, какъ искусные архитекторы, то-и-дѣло бѣгали по своимъ тончайшимъ, укрѣпленнымъ на вѣткахъ, сѣтямъ.

Весело было капитану идти по хрустѣвшимъ подъ ногами вѣткамъ и по слегшимся отъ сырости, но еще не успѣвшимъ перегнить, прошлогоднимъ дубовымъ листьямъ... Вотъ показался красивѣйшій мухоморъ и колонія пзящныхъ, точно выточенныхъ, поганокъ на тоненькихъ ножкахъ, а вотъ зато и боровикъ, бѣлый грибъ; на аршинъ отъ него другой грибъ, помоложе... Капитанъ набралъ уже цѣлый платокъ масляниковъ и почти уже не обращалъ вниманія на хрупкія сыроѣжки. Вотъ поспѣшно лѣзетъ въ сосѣдній кустъ грѣвшійся на солнышкѣ, близъ дороги, ужъ... Вездѣ таилась и въ тоже время усиленно проявлялась борьба за жизнь...

Капитанъ полюбовался и на высокую муравьиную кучу съ сновавшими по направленію къ ней и по ней муравьями.—„Хе-хе-хе! цѣлый городъ!“ сказалъ онъ себѣ и началъ прислушиваться.

Гдѣ-то, по близости, хрустнула сухая орѣшина

и въ испугѣ перелетѣла на другое дерево крикливая сойка... Вдругъ показалась маленькая, сморщенная и сама смахивавшая на грибъ, въ казинетовомъ пальтишкѣ, подпоясанная старушонка съ пребольшущей корзиной.

— Здравствуй, бабушка! окликнулъ ее капитанъ, который любилъ заговаривать съ простонародьемъ.

Старушка вздрогнула. Увидѣвши, что это не лѣсникъ и, слѣдовательно, корзину у ней никто не отниметъ, она отвѣтила:

— Здравствуй, кормилецъ! ваше благородье! здравствуй!

— Что тебѣ Богъ послалъ?

— Да вотъ, кормилецъ, абабочки, сыроѣжечки, подосиновички; есть и бѣлые... Нынче послѣ дождичка-то и ходить-то весело. Я, признаться, еще до свѣту вышла. Этакъ походишь-походишь,—ноженьки какъ есть отобьешь, хлѣбца пожуешь, а подъ вечеръ, какъ скотину пригонять, глядь,—анъ корзинку-то и наберешь! Хоть настоящихъ грибковъ-то и маловато—бѣлыхъ-то: вѣдь бѣлый-то всѣмъ грибамъ грибъ,—а завтра все-таки базаръ: глядь—копеечекъ тридцать, а то и сорокъ дадутъ!..

— Ты что-же это одна ходишь, бабушка. Подставляй корзину: я тебѣ своп высыплю.

— Спаспбо, родимый! Да не съ кѣмъ мнѣ и ходить-то... Мальчонка, внучонокъ мой, въ сапожники отданъ, а дочь—замужемъ, съ малыми ребятами. Есть у насъ и коровенка... Ужь дочери-то отойти отъ дома нельзи... А то и она куда какая охотница искать: хучь по ягоды, хучь по орѣхи, хучь по гри-

бы... А я-то, сударикъ, ваше благородіе, шить это какъ есть ничего не вижу—нитку вдѣть не могу; такъ вотъ и промышляю кой-чѣмъ: когда десяточка два яичекъ продамъ, когда горшочекъ маслица, когда какую пряжу, а то вотъ все больше грибами зарабатываю... Да только лѣсники насъ больно забиждаютъ!..

— Хе-хе-хе!—доброе дѣло, бабушка! Обиды въ грибахъ никому нѣтъ.

— А ужь завтрашній-то базаръ, сударикъ, мнѣ и за грибами идти нельзя: должна свою добычу нести продавать. А ужь какъ-бы мнѣ и въ лѣсъ-то надо: вишь, я себѣ и мѣстечко облюбовала!—безпремѣнно тамъ будутъ боровики... А духъ-то какой здѣсь!—такъ-бы тутъ и осталась! Только, признаться, кормилецъ, лѣшіевъ опасаюсь!.. Намеднись какъ затрещитъ, какъ захлопаетъ, какъ захохочетъ! Ужь я, грѣшная, крестилась, крестилась: всѣхъ угодничковъ помянула! Ноженьки подкашиваются—насилу добрела!..

— Что-жь тебя освободить что-ли отъ грибовъ-то? Что тебѣ за нихъ дать-то? Рублевку—хорошо будетъ!

— Что ты это, родимый? На базарѣ больше сорока копеечекъ не дадутъ. Грѣхъ мнѣ будетъ брать съ тебя лишнее, да и самъ ты ко мнѣ, вишь, сколько высыпалъ...

— Ну, ладно! получай рублевку! А грибы неси къ капитану Хоботову на Тамбовскую—это ко мнѣ значитъ.

— Дай Богъ тебѣ, кормилецъ, доброе здоровье! Пошли тебѣ Царица небесная! Тебя, ваше благородье, стало-быть Палъ-Палычемъ зовутъ?

— Палъ-Палычемъ.

— Ну, вѣстимо такъ: тебя и всѣ наши малые ребята знаютъ...

— Ну, вотъ, иди себѣ домой! Заходи ко мнѣ—тамъ кухарку Афимьюшку спроспшь, а то и самоё барыню Ольгу Петровну, и скажи—хе-хе-хе!—что капитанъ велѣлъ тебѣ эти грибы выложить и что за нихъ ужь заплачено сколько слѣдуетъ или, тамъ скажешь, сорокъ копеечекъ...

Старуха низко поклонилась и очень довольная пошла домой. А капитанъ, посвистывая, отправился дальше.

На опушкѣ онъ увидалъ, что два мужика роютъ канаву—хотятъ изгородь дѣлать.

Поздоровавшись съ ними, капитанъ растянулся на травѣ и сталъ уплетать краюшку хлѣба съ солью.

— Ну, ребята, теперь вы отдыхайте! а я за васъ поработаю: хочется мнѣ—хе-хе-хе!—руки поразмять!..

Мужики переглянулись и засмѣялись.

Одинъ изъ нихъ, Андрей, обращаясь къ товарищу, сказалъ:

— Митюха! а Митюха! знашь это будетъ кто? Вѣдь это Палъ Палычъ—вотъ тотъ самый, что намедни бондарей разнималъ на лѣсной пристани. Чудно́й баринъ—я тебѣ скажу!—даромъ, что изъ офицеро́въ... Ужь такой простецкой души—словно и не баринъ!

А капитанъ между тѣмъ усердно копалъ землю, какъ настоящій землекопъ: видно было, что онъ и прежде занимался по этой части. Онъ даже поплевывалъ себѣ на руки когда надо было понатужиться и отвалить побольше глыбу земли.

— Вотъ такъ работничекъ!—говорилъ Андрей:—даромъ что баринъ! Знай наших! Мы-бы тебя, ваше благородье, Палъ Палычъ, къ себѣ въ артель взяли!

— Хе-хе-хе! прежде времени не хвали!—отвѣчалъ капитанъ:—вотъ какъ если будетъ въ виду моя работа,—ну тогда, пожалуй, хвали! Вотъ такъ—хе-хе-хе! совсѣмъ поправился! Ну, Господи благословп!—и капитанъ, наддавъ изо всей силы, отвалилъ огромный комъ земли.

— Андрей! слышь! а Андрей! тебѣ супротивъ этого барина такъ не сработать... ни въ жисть!—поддразнивалъ своего товарища Митюха.

— Вѣстимо, что не пообѣдамши такъ не сработаешь! отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Андрей.

Поработавъ около часу, такъ что потъ повалилъ ручьями, капитанъ глубоко вздохнулъ, швырнулъ лопату, бросился на траву и сказалъ:

— Ну! будетъ съ меня! Что, ребята, помогъ я вамъ что-ли?

— Ужь и какъ и помогъ-то! Мы эфту каторжную работу на отрядъ взяли. Дай Господи тебѣ добраго здоровья! Мы таперича вздохнули какъ слѣдуватъ и хлѣбушка пожевали...

При этихъ словахъ Митюха икнулъ.

— Будь здоровъ! пожелалъ ему Андрей.

— Ну, прощайте! мнѣ пора! сказалъ, повалявшись на травѣ, капитанъ.

Мужики сняли шапки, и капитанъ съ своимъ чинжалищемъ ушелъ.

— Чудной баринъ, братецъ ты мой! пречу-удной!—сказалъ Андрей: этакаго другого и поискать во всей округѣ—не найдешь!

VIII.

На другой-же день капитанъ отправился на базаръ,—конечно, не за провизіей, а просто потому, что онъ любилъ толкаться среди простонародья. Сколько разъ ему доводилось разнимать и мирить драчуновъ! Ни одинъ базаръ не проходилъ безъ какого-нибудь происшествія, а капитанъ тутъ-какъ-тутъ. Онъ и дознаніе произведетъ, и выяснитъ для полиціи все происшествіе въ его истинномъ свѣтѣ. Полиція до того привыкла къ такой помощи капитана, что къ нему нерѣдко обращались съ разспросами.—„Ну, да чего лучше, говорили полицейскіе чиновники: самъ Палъ Палычъ былъ на базарѣ“!— И капитанъ, въ особенности если онъ былъ очевидцемъ происшествія, разъяснялъ полиціи все до малѣйшихъ подробностей. Замѣчательно было и то въ его добровольной полицейской дѣятельности, что онъ всегда энергически отстаивалъ болѣе слабую, справедливую по дѣлу и обиженную сторону. Нерѣдко ему доводилось являться и въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, гдѣ всегда его показаніямъ придавали большое значеніе, не сомнѣваясь въ его правдивости. Кромѣ того, онъ всегда однимъ изъ первыхъ прибѣгалъ и пріѣзжалъ на пожары и принималъ въ тушеніи ихъ всегда самое дѣятельное участіе. Въ особенности-же онъ оберегалъ дѣтей, чтобъ какъ-нибудь ихъ не ушибли и не задавили. Такая дѣятельность наполняла почти все время капитана и давала ему какую-то особую цѣль и смыслъ жизни на почвѣ нравственнаго удовлетворенія.

Въ этотъ разъ, на базарѣ, вниманіе капитана

привлекала старуха, расположившаяся близъ тротуарной тумбы, на углу улицы и базарной площади. Подлѣ нея лежалъ со связанными ногами пѣтухъ, который напрасно хлопалъ крыльями, пытаясь подняться на ноги. Старуха искала что-то у себя за пазухой.

— Ай, бабушка, пѣтуха продаешь? спросилъ капитанъ.

— Продаю, родимый! продаю!

— Да ты сама откель будешь?

— Изъ Зарѣшнаго, родимый: верстовъ восемь отъ города выселки такіе будутъ; изъ Зарѣшнаго!

— Такъ это ты восемь верстъ одного пѣтуха несла? спросилъ капитанъ.

— Ужь такъ-то упарилась съ имъ, окаяннымъ! ужь такъ-то упарилась! Лѣзетъ себѣ изъ рукъ-то—на поди!—лѣзетъ да и только! Насилу донесла... Должно, испить хочетъ.

— Сколько-жь ты за него просишь?

— Сорокъ копеечекъ, кормилецъ, не дашь?—такъ надо тридцать съ пятакомъ просить.

— Что-жь это тебѣ такая крайность была одного пѣтуха тащить чуть не за десять верстъ?

— А коли, родимый, не крайность! Всѣ ноженьки отбила! Да еще на перевозѣ семитку отдала! Ужь таперича не знаю—добреду-ли къ вечеру домой... Начальники податя выбиваютъ!... Ну, тамъ это насчетъ овечекъ, свиней, того-другого... Вотъ мой паренекъ-то,—стало-быть, старшой сынъ (онъ у меня за хозяина),—и бантъ: „ты-бы, мамка, хоть-бѣ пѣтуха сволокла въ Тулуповъ—все можетъ копеечекъ сорокъ дадутъ!“—Задаромъ отдавать вотъ этакимъ

кровопивцамъ (старуха показала на глазѣвшаго изъ лавки мясника въ грязномъ фартухѣ) быдто не хочетца, а такъ продать,—по чести,—путевому человѣку—не продашь: вишь сколько эфтаго самаго товару наволокли!

— Ну, дѣлать нечего: на тебѣ полтину! Давай этого самаго пѣтуха!

Старуха сильно обрадовалась и перекрестилась.

— Спаси тебя Христосъ, кормилецъ! Дай Богъ тебѣ добраго здоровьица! Меня таперь ослобонилъ...

И капитанъ приподнялъ несчастнаго пѣтуха, который разѣвалъ клювъ и еле глядѣлъ уже помутнѣвшими глазами.

— Однако—хе-хе-хе!—что-жь я съ нимъ буду дѣлать? Какъ-будто капитану и не идетъ таскать пѣтуховъ съ базара!

Въ это время проходилъ, въ какой-то странной шапкѣ—точно видавшая виды старая касторовая шляпа,—въ старенькомъ „спинжакѣ“ и въ шебалахъ,—оборванецъ изъ босяковъ и золотой роты. Еще не старое и нѣсколько наглое лицо его показалось капитану какъ-будто-бы знакомымъ, но припомнить его онъ не могъ.

— Эй, любезный! Хочешь,—пожертвую тебѣ пѣтуха на бѣдность! Хе-хе-хе! теперь хозяйствомъ будешь обзаводиться,—только курицу купи, а я къ тебѣ приду яичницу ѣсть...

— Что вы, Палъ Палычъ, ваше благородье! Да меня за энтого самаго пѣтуха или въ затрубную, или въ острогъ посадятъ...

Капитанъ удивился.

— Хе-хе-хе! стало-быть ты меня знаешь? Да и

я какъ-будто тебя видѣлъ... Такъ съ чего-же это тебя посадятъ?

— Безпремѣнно посадятъ. Потому—мы люди замѣченые, судимые... Сейчасъ это хожалый, а нѣтъ—такъ самъ хвартальный офицеръ, какъ увидятъ меня съ пѣтухомъ,—такъ мнѣ и оправданія не будетъ: „садись, братъ Вавилка, въ чижовку! потому—ты укралъ, а покупать тебѣ пѣтуха не на что и не зачѣмъ!“...

— Ну, зови скорѣе хожалаго въ свидѣтели!

— Вотъ будьте въ свидѣтеляхъ, господинъ кавалеръ, зли всякаго случая! обратился босякъ къ городовому и къ глядѣвшему на эту сцену мяснику.—Палъ Палычъ мнѣ энтого пѣтуха подарили на бѣдность, а я его сейчасъ пойду продавать... Много вами довольны, Палъ Палычъ!

— Не хотѣлось мнѣ этого пѣтуха нести!—оправдывался капитанъ въ своемъ поступкѣ передъ городовымъ, который, посмѣиваясь, сдѣлалъ ему подъ козырекъ.

— Это вы, ваше благородіе, кондитера Вавилку наградили. Вотъ такъ ему теперь пожива! Онъ у насъ поднадзорный, на руку нечистъ: только и гляди за нимъ! Опять-же, крѣпко водочкой зашибается!

Капитану было досадно, что онъ этакъ грубо промахнулся, но вѣдь не отнимать же было подареннаго Вавилкѣ пѣтуха.

— Эй, Вавилка!—крикнулъ онъ вдогонку босяку: смотри, чтобъ не пьянствовать! Я тѣ накостыляю, въ чижовку посажу!

— Будьте безъ сумлѣнія, Палъ Палычъ! Я за

энтого пѣтуха вотъ себѣ рубашонку старенькую куплю: смѣниться нечѣмъ!

— Эй, красавица!—тутъ-же обратился Вавилка къ безобразной торговкѣ съ мужскою собачьею шапкою на головѣ.—Что тебѣ за рубаху дать?

Начался торгъ, въ которомъ пѣтухъ игралъ не послѣднюю роль какъ эквивалентъ. Его даже подбрасывали на рукахъ, чтобы скорѣе узнать—кормленый-ли онъ и не очень-ли онъ худъ.

А капитанъ, все еще ругая себя за пѣтуха, пошелъ дальше. По дорогѣ онъ отодралъ за вихры мальчишку, который безжалостно мучилъ неистово визжавшаго поросенка, обреченнаго на закланіе... Тогда принялся визжать и самъ мальчишка: „дяденька, не буду!“ А полицейскій только сочувственно посмѣивался, глядя на эту огеческую расправу. Послѣ этого капитанъ, по своему обыкновенію, чинилъ допросъ и производилъ слѣдствіе по вопросу о томъ, стоитъ-ли пособить какому-нибудь оборванцу или-же не стоитъ, такъ-какъ всякое подаяніе онъ не преминетъ стащить въ трактиръ и пропить.

IX.

Чуть не каждый день капитану Хоботову доводилось проходить мимо одного дома, на Тамбовской-же, въ которомъ квартировала разбитая параличемъ вдова почтальона Снѣжкова съ дочерью Наташей,—лѣтъ этакъ за двадцать,—и съ сынишкой, обучавшимся въ уѣздномъ училищѣ. Еще съ октября на всѣхъ окнахъ у Снѣжковыхъ были налѣплены крупными словами объявленія, что отдается квар-

тира изъ трехъ комнатъ съ мебелью и дровами аз 25 руб. въ мѣсяцъ.

— Хе-хе-хе!—думалъ капитанъ: дѣло-то видно плохо! Квартиранта вотъ ужь четыре мѣсяца нѣтъ. Чай, на однихъ дровахъ ужь разорились бѣдняжечки!

И капитанъ, постоявъ съ минуту въ раздумьи, позвонилъ къ Снѣжковымъ.

Дверь отворила блѣдная, заморенная на работѣ и съ симпатичнымъ лицомъ, Наташа.

— А что-съ, барышня, маменька все еще не поправляется? спросилъ капитанъ.

Дѣвица-бѣлошвейка въ недоумѣніи посмотрѣла.

— Все тоже... А вамъ что, Палъ Палычъ? По дѣлу или въ гости пришли?

— Хе-хе-хе! признаться сказать: изъ вашей квартирки-съ... Былъ это я-съ,—изволите-ли видѣть,—присяжнымъ-съ засѣдателемъ-съ,—началъ свое „безсовѣстное“ вранье капитанъ.—Вы-съ кандидата Пименова—въ окружномъ судѣ служитъ — изволите знать-съ?

— Нѣтъ, не знаю, Палъ Палычъ! Даже что-то и не слыхала... Да войдите-же въ комнаты! Ай! какъ холодно!

Капитанъ вошелъ.

— Ну, да это—хе-хе-хе!—все равно... Вотъ мнѣ-съ и говоритъ Пименовъ: „у васъ, говоритъ, Палъ Палычъ, на Тамбовской, у Снѣжковыхъ, квартирка отдается съ мебелью и дровами за 25 рублей. Для меня эта квартирка будетъ какъ разъ. Мнѣ самому и глядѣть-то ее нечего. Я, говоритъ, бывалъ въ ней еще когда тамъ Михайловъ квартп-

ровалъ. Мнѣ самому, говоритъ, не время: я въ защитники попалъ, а вы, капитанъ, все разгуливаете—дѣлать-то вамъ, видно, нечего!—вотъ вамъ красный билетъ: отдайте Снѣжковымъ въ задатокъ, а квартира пусть будетъ за мной хоть тамъ съ нынѣшняго или хоть съ завтрашняго дня. — Извольте-съ хе-хе-хе! — получить задаточекъ, а мнѣ-съ — хе-хе-хе!—пожалуйте расписочку!..

Наташа страшно обрадовалась и чуть не расцѣловала капитана.

— Вѣрите-ли, милѣйшій Палъ Палычъ, что у насъ только и была надежда на эту квартиру. Шутка-ли, четыре мѣсяца зря простояла! Нѣкоторые съемщики и захаживали,—одинъ даже чуть-было и задатокъ не далъ, а все нѣтъ толку: поговорятъ, посмотрятъ: и того имъ нѣтъ, и другого нѣтъ, и то имъ сдѣлай, и другое сдѣлай, а кажется все есть—даже цвѣты! Ну, поговорятъ—поговорятъ и уйдутъ,—только отъ работы время съ ними зря проведешь... Мы на однихъ дровахъ—такъ просто разорились, а не топить нельзя: сырость пойдетъ и мебель попортится. Маменька—сами знаете!—пластъ-пластомъ, живой мертвецъ... Я и такъ съ утра до ночи маюсь, а случится когда къ спѣху, то и по ночамъ работаю... Черный хлѣбъ, картофель и чай—вотъ вся наша ѣда, а когда бываетъ—что и картофеля не на что купить... Вотъ вамъ расписочка, Палъ Палычъ. Самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ!..

Черезъ два дня капитанъ явился къ Снѣжковымъ.

— Хе-хе-хе! плохо дѣло, барышня! Опять наклеивайте билеты! Именовъ-то мнѣ сказалъ, что окружной судъ вдругъ командировалъ его въ уѣздъ

исправлять должность судебнаго слѣдователя, и ему теперь нѣтъ расчета оставлять за собой вашу квартиру—онъ можетъ быть мѣсяцевъ пять будетъ въ командировкѣ: пока-то еще назначатъ и пріѣдетъ новый слѣдователь... Да еще говоритъ: „думаю роялью обзаводиться, а у Снѣжковыхъ съ сестрою мнѣ было-бы тѣсновато“... Вѣдь у Пименова и сестра есть...

— Ахъ ты, Господи! вотъ несчастье-то! А задаточекъ-то я ужь весь истеряла: теперь нечѣмъ будетъ отдавать Пименову...

Наташа заплакала.

— Хе-хе-хе! задаточекъ-то и по закону-съ идетъ въ вашу пользу: вѣдь вы могли за эти два дня другихъ квартирантовъ лишиться... вѣдь билеты-то были сняты!

— Четыре мѣсяца квартира простояла, а тутъ въ два-то дня, конечно, къ намъ никто-бы и не заглянулъ смотрѣть.

Капитанъ всячески старался успокоить плачущую швею и на прощанье сказалъ ей:

— Ну, для Пименова-то потерять десять рублишковъ плевое дѣло-съ... Могу и вамъ-съ малую толику отъ себя ссудить: отдадите, когда будете въ силахъ, да чтобъ никто не зналъ... и маменькѣ можете не сказывать...

— Да маменька ужь и безъ того ни во что не вмѣшивается: почти совсѣмъ безъ языка лежитъ!

— Что дѣлать-съ, барышня! Богъ все это лучше насъ самихъ знаетъ... Прощайте, барышня!

Когда капитанъ ушелъ, Наташа опустилась на колѣни предъ иконой.

— Господи, поддержи меня! научи что мнѣ дѣлать!—шептала она.—Молитва ее успокоила.

Какъ ни крѣпилась бѣдная швея, но черезъ нѣсколько дней ей пришлось-таки обратиться къ великодушію Павла Павлыча и воспользоваться его денежною помощью. Впрочемъ, и послѣ этого случая капитанъ не разъ выручалъ Наташу изъ финансовыхъ затрудненій.

X.

Вскорѣ-же распространился слухъ, что 24 ученика предназначены педагогическимъ совѣтомъ къ исключенію изъ гимназіи за невзносъ платы послѣ нѣсколькихъ данныхъ имъ отсрочекъ. Затѣмъ въ городѣ стали поговаривать, что всѣми правдами и неправдами удалось-таки собрать такую сумму, что можно было внести плату за шестнадцать человѣкъ. Первѣйшій тулуповскій богачъ, купецъ Иванъ Тарасычъ Мѣшковъ, безъ всякихъ колебаній подписалъ сотню рублей да губернскій предводитель князь Турухтановъ подписалъ полсотни; остальныя-же деньги были собраны частью по тому-же подписному листу, какъ говорится, грошами, а частью въ видѣ сбора съ каждой разбитой въ клубѣ колоды картъ. А все-таки нельзя было спасти всѣхъ несостоятельныхъ гимназистовъ, и остальные восемь человѣкъ, по выпавшему имъ жребію, непремѣнно подлежали педагогическому остракизму. Сердобольные люди стали уже поговаривать о концертѣ или о спектаклѣ въ пользу этихъ несчастныхъ. Расчитывали, между прочимъ, и на участіе въ концертѣ

первой тулуповской музыкантши г-жи Кріулиной, которая была извѣстна даже за предѣлами губерніи еще подъ своею дѣвичьею фамиліею Барской. Но всякая мысль объ устройствѣ концерта домашними, мѣстными средствами и силами была оставлена, когда общественные заправилы сообразили, что передъ этимъ только-что собралъ обильную жатву пріѣзжавшій въ Тулуповъ на три концерта съ своею капеллою знаменитый пѣвецъ Агреневъ-Славянскій. Поэтому стали-было хлопотать объ устройствѣ любительскаго спектакля: но на несчастье гимназистовъ страшно перессорились изъ-за лучшихъ ролей самыя видныя, наиболѣе талантливыя и интересныя любительницы...

Конечно, капитанъ Хоботовъ не участвовалъ ни въ какихъ подпискахъ, предпочитая, по обыкновенію, опускать свою лепту въ благотворительныя кружки отъ имени неизвѣстнаго. Онъ держался въ обществѣ, предъ людьми, такъ, какъ-будто бы его нисколько не интересовала печальная судьба изгоняемыхъ гимназистовъ. Въ дѣйствительности-же онъ сказалъ самому себѣ:

— Ну, хе-хе-хе!—куда ни шло, Палъ Палычъ! понатужься! раскошелься!—только придумай это дѣло половчѣй, чтобы самому не околпачиться!

На языкѣ капитана это означало, что о задуманномъ имъ пожертвованіи въ пользу гимназистовъ никто даже не долженъ и догадываться.

Собравъ точные адресы всѣхъ подлежавшихъ исключенію гимназистовъ, капитанъ въ каждой изъ восьми квартиръ, въ которыхъ проживали эти несчастные, продѣлалъ одну и ту-же исторію.

— Хе-хе-хе-съ!—говорилъ онъ: имѣю до васъ дѣльце-съ по порученію-съ... Намедни-съ одинъ богатѣющій купецъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Слыхалъ, что восемь человѣкъ гимназистовъ исключаютъ. Вы, говоритъ, Палъ Палычъ, человѣкъ свободный и весь городъ знаете. Вотъ вамъ денежки за всѣхъ, а мнѣ самому не время и въ благодѣтели записываться я не желаю: потому, какъ прослышатъ объ этомъ,—такъ мнѣ-же житья и отбоя не будетъ отъ просителевъ, а вѣдь всякое рыло, сами знаете, не ублаготворишь... Побожитесь, капитанъ, что никому не скажете отъ кого получили эти денежки, а ужь вы сами внесите ихъ за всѣхъ и отдайте родителямъ или тамъ кому слѣдуетъ, чтобы безпремѣнно внесли плату“... Хе-хе-хе! Ну, я было и такъ и сякъ, сталъ отказываться: потому—этакими дѣлами не занимаюсь. А ужь онъ очень сталъ приставать и просилъ это дѣло сдѣлать въ память своего тятеньки—стало-быть, какіе-то грѣхи хочетъ замолить... Ну-съ, извольте, сударь, теперь получить денежки, а мнѣ-съ пожалуйте квитанціи: вѣдь и мнѣ—хе-хе-хе!—надо предъ нимъ оправдаться!

Конечно, такой разсказъ хотя и возбуждалъ нѣкоторое недоумѣніе; но деньги во всѣхъ квартирахъ принимались чуть не со слезами и съ величайшею благодарностью. Принимавшіе говорили, что ужь теперь они не знаютъ за кого имъ Богу молиться; благодарили и самого капитана.

— А меня-то за что-же-съ?—говорилъ капитанъ. Я свое дѣло исполнилъ-съ по порученію; квитанцію получилъ—разъ, два, три—и готово! Сейчасъ надо еще къ другимъ идти.

Нѣкоторые вѣрили, а болѣе проницательные люди подозрѣвали въ этомъ благодѣяніи самого капитана, хотя тотчасъ и отвергали эту мысль, какъ неосновательную: зачѣмъ-же бы онъ настоятельно требовалъ квитанцію за каждаго гимназиста въ томъ, что такого-то числа получено отъ неизвѣстнаго купца, чрезъ капитана Хоботова, столько-то, 25 рублей, да и съ какой-же бы стати онъ сталъ жертвовать такую, крупную даже для самого Мѣшкова, сумму какъ двѣсти рублей?

Утромъ черезъ день послѣ этой во всякомъ случаѣ недурно разыгранной исторіи полицмейстеръ Рогаткинъ пріѣхалъ къ губернатору для доклада. Изображавшій кучера, пожарный солдатъ лихо подкатилъ полицмейстера къ губернаторскому подъѣзду на пожертвованной ему отъ города парѣ сѣрыхъ.

Губернаторъ протянулъ полицмейстеру два пальца.

— Ну, что скажете? что новенькаго?

— Въ городѣ, ваше превосходительство, все благополучно... Только-съ нынче ночью Андрей Рыбкинъ, сынъ дѣлопроизводителя Рыбкина, повѣсился.

— Съ чего-же онъ повѣсился?

— На веревкѣ-съ, въ отцовскомъ сараѣ, ваше превосходительство.

— Вы-съ, г. полицмейстеръ, не понимаете самыхъ простыхъ словъ: не на чемъ онъ повѣсился, а съ чего—какая у него была idée fixe?—то-есть на чемъ онъ помѣшался?

— Неизвѣстно-съ, ваше превосходительство! Никакого помѣшанія у него не замѣчено. Пришелъ онъ къ отцу съ военной службы и затосковалъ.—

Дайте мнѣ дѣло! говоритъ.—Отецъ не понялъ.—„Какія тебѣ, Миша, дѣла? Вотъ у меня цѣлый ворохъ дѣлъ!—вотъ тебѣ справки, вотъ тебѣ доклады, вотъ тебѣ ремарки и журнальныя опредѣленія!“—Дайте мнѣ настоящее дѣло! А это что? говоритъ: бумажонокъ вашихъ паршивыхъ я что-ли не видалъ!...

При этихъ словахъ, какъ-бы заинтересовавшись разсказомъ, губернаторъ солидно откинулся въ креслѣ, покачалъ головою и произнесъ: пс!... А ободрившійся полицмейстеръ продолжалъ:

— „Ну! говоритъ отецъ: почитай книжку!“—Какъ-же! говоритъ: не видалъ я вашихъ книжекъ-то! Стану я всякую чепуху читать! Дайте мнѣ настоящее, истинное дѣло!—Ну, стало-быть, наладилъ одно: дѣло да дѣло! Ужь отецъ вздумалъ было его и отчитывать: самого протоіерея Рпзположенскаго пригласилъ—думалъ, что нѣтъ-ли у него чего на совѣсти...—А вы, говоритъ, какимъ дѣломъ занимаетесь, отецъ протопопъ? Только и знаете, что мошну набиваете да распутничаете!—Ну, извѣстно, крѣпко обидѣлъ и самого протопопа: тотъ и отступился...—А вы мнѣ, говоритъ, настоящее дѣло подавайте! Зубы-то мнѣ нечего заговаривать!... Потомъ, ваше превосходительство, началъ плакать, бѣситься и буянить, кричитъ: „давайте мнѣ дѣло!“ а предъ разсвѣтомъ—не углядѣли какъ—и повѣсился!

— Спектакль... будетъ? лѣниво и небрежно процѣдилъ сквозь зубы губернаторъ, закуривая гаванскую сигару.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!—от-

мѣнили: для послѣднихъ гимназистовъ собрали полную плату. Только чудно́ это вышло, ваше превосходительство... Капитанъ Хоботовъ, сказываютъ, отыскалъ какого-то благодѣтеля, пребогатѣйшаго купца, какъ онъ самъ говоритъ, и за его коштъ вдругъ всю плату внесъ—двѣсти рублей.

— Какой-же это пребогатѣйшій купецъ?

— Не иначе будетъ, ваше превосходительство, какъ нашъ Иванъ Тарасычъ Мѣшковъ.

— Что вы?!—да вѣдь ужъ онъ цѣлую сотню подписалъ!...

— Точно такъ, ваше превосходительство, да больше некому, какъ Ивану Тарасычу. У меня, ваше превосходительство, такой приказъ отданъ всѣмъ городовымъ, чтобъ мнѣ всякій разъ доносить: куда архіерей выѣзжаетъ, куда—Иванъ Тарасычъ, куда—прокуроръ Кедровъ... Это, ваше превосходительство, мнѣ нужно для разныхъ соображеніевъ!—самодовольно пояснилъ полицмейстеръ, чтобы выказать всю свою дѣловитость, тонкость и распорядительность.—Вотъ мнѣ городовой Горшковъ тогда-же и доложилъ, что позавчера онъ видѣлъ мѣшковскія сани на углу, а самъ Иванъ Тарасычъ шелъ тогда по Тамбовской. Хотя Горшковъ и не видалъ, чтобы Иванъ Тарасычъ куда заходилъ, потому что онъ въ то время пьянаго поднималъ и отправлялъ въ часть, но въ Тамбовской живетъ капитанъ Хоботовъ. Я теперь такъ и соображаю, что Иванъ Тарасычъ это непремѣнно заходилъ къ Хоботову. Одно только для меня непонятно, ваше превосходительство, что Иванъ Тарасычъ вѣдь съ такими людьми, какъ Хоботовъ, не водит-

ся,—и я сколько разъ, когда на всякихъ собраніяхъ и торжествахъ бывалъ у Ивана Тарасыча, никогда тамъ Хоботова не встрѣчалъ. А почемъ знать, ваше превосходительство,—глубокомысленно добавилъ полицмейстеръ: можетъ быть, Иванъ Тарасычъ нарочно избралъ Хоботова для этого новаго, тайнаго пожертвованія: вѣдь капитана Палъ-Палыча у насъ всякая собака знаетъ, и онъ, весь городъ знаетъ...

— Ну, хорошо!—нетерпѣливо сказалъ губернаторъ, давая этимъ знать, что докладъ долженъ быть конченъ: отвезите это письмо къ Эмиліи Карловнѣ...

— Чистое горе, ваше превосходительство... Металльниковъ все хлопочетъ о разрѣшеніи на газету. Теперь писатели у насъ завелись въ Тулуповѣ... Намедни опять оконфузили нашу полицію въ „Отголоскахъ“...

— Звонаревъ ужь докладывалъ: прочту, непремѣнно прочту... А только я велѣлъ отписать на запросъ въ министерство, что никакой пользы нельзя ожидать для Тулупова отъ газеты: довольно съ насъ и губернскихъ вѣдомостей. Просьба Металльникова и другихъ, конечно, будетъ отклонена...

— И хорошее дѣло, ваше превосходительство! А то сколько еще намъ будетъ хлопотъ съ писателями да съ корреспондентами. Опять-же, можно и насчетъ благонадежности...

И полицмейстеръ, почтительно дотронувшись до протянутыхъ ему пальцевъ, полетѣлъ съ письмомъ къ возлюбленной губернатора Эмиліи Карловнѣ.

. . . . . .

. . . . . .

XI.

Въ подобныхъ занятіяхъ и хожденіяхъ по городу, которыя имѣли для капитана Хоботова значеніе серьезнаго дѣла, онъ проводилъ чуть-ли не цѣлые дни. Всѣ-же свои расходы онъ самымъ аккуратнымъ образомъ, хотя и лаконически, вносилъ въ большую памятную тетрадь, которую имѣлъ обыкновеніе прятать отъ посторонняго глаза и даже отъ жены, закладывая книгами и другими вещами. Въ этой тетради попадались такія, напримѣръ, своеобразныя записи: билеты на пароходѣ въ гору—столько-то; внизъ по матушкѣ, по Волгѣ—столько-то; харчъ на чугункѣ, харчъ на пароходѣ—столько-то; долгогривымъ за вѣнчаніе 15 руб.; за кукареку зарѣзной старухѣ 50 коп.; въ гимназію за азъ-буки-вѣди 200 руб.—это означало, что внесена въ этой суммѣ плата за ученіе...

Нѣкоторыя записи были до того странны и оригинальны, что едва-ли кто могъ понимать ихъ, кромѣ самого автора. Такъ напримѣръ: „съѣлъ рябчика за 70 руб.“ означало, что капитанъ пожертвовалъ на похороны Рябчикова 70 руб.; „получено изъ казначейства манны небесной“—означало, что получено пенсіи столько-то: „взято воды изъ госуд. банка на 200 руб.“—означало, что взято изъ вкладовъ 200 руб.; „получено водицы 4 р. 70 к.“—означало, что по выданному отдѣленіемъ банка вкладу получено еще и процентовъ 4 р. 70 к., и т. д. Эти „вода“ и „водица“, то-есть деньги, дѣйствительно текли у капитана, какъ вода, на разныя тайныя благотворенія...

Но какъ ни хоронился капитанъ съ своею секретною тетрадью отъ посторонняго глаза и даже отъ жены,—однажды, въ его отсутствіе, пересматривая отъ нечего дѣлать капитанскія книги, Ольга Петровна нашла эту замѣчательную тетрадь и съ чисто-женскимъ любопытствомъ проглядѣла ее почти до конца. Сперва она плохо понимала оригинальную запись, подчасъ съ характерными замѣчаніями и остротами, а затѣмъ вскорѣ-же начала соображать, что „вода“ и „водица“ идутъ у капитана на тайную благотворительность и, притомъ, такими ручьями и фонтанами, что на нихъ, если подсчитать, уходили не только сотни, но даже тысячи рублей. Открытіе это было очень непріятно для Ольги Петровны, ибо она еще до замужества, по опыту, знала насколько бываютъ необходимы въ нашей земной жизни сіи изготовляемыя правительствомъ, въ видѣ кредитныхъ билетовъ и процентныхъ бумагъ, „вода“ и „водица“, и ей пришла въ голову печальная мысль, что со смертью старика-мужа она рискуетъ остаться развѣ только при однѣхъ капляхъ отъ этой живительной „водицы“, на одномъ хлѣбѣ и настоящей водѣ, хотя и въ его-же домишкѣ, который все-таки надо было ремонтировать, страховать и оплачивать въ управу городскими сборами. Но она твердо рѣшилась не показывать и вида капитану, что ей извѣстны его финансовыя тайны.

— Какое-же я имѣю право вмѣшиваться въ его дѣла, хотя я и жена ему? Вѣдь онъ скорѣе мнѣ и не мужъ, а просто благодѣтель... Вѣдь еслибъ онъ на мнѣ не женился, то мнѣ было-бы хоть впору

отравиться или повѣситься... Да я-бы, кажется, такъ и сдѣлала, да ужь видно Богъ удержалъ!..

И Ольга Петровна со всѣми предосторожностями положила тетрадь на прежнее мѣсто, подъ книги, не рѣшившись сказать о своемъ открытіи даже матери. Впрочемъ, Анна Сергѣвна, какъ весьма опытная и неглупая женщина, давно уже рѣшилась не вмѣшиваться въ дѣла и семейную жизнь Хоботовыхъ—тѣмъ болѣе, что она была убѣждена, что капитанъ не потерпѣлъ-бы такого вмѣшательства, и она только безъ всякой пользы могла-бы съ нимъ поссориться . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Хотя капитанъ Хоботовъ, по причинѣ своей добровольной полицейской дѣятельности, вообще пользовался большимъ вниманіемъ и расположеніемъ полиціи, но его сильно не долюбливалъ мѣстный городовой Горшковъ.

Сей полисменъ не упускалъ случая стащить что по мелочи изъ того, что плохо лежало, не пренебрегая даже горстями обывательскаго овса для своихъ куръ, и очень любилъ поздравлять обывателей со всѣми большими праздниками, конечно, изъ-за полученія гривенниковъ, двугривенныхъ и полтинниковъ. Капитанъ-же принципіально не могъ терпѣть всѣхъ этихъ, якобы благовидныхъ, подачекъ, вымогательствъ и чайныхъ и на водку денегъ.

Однажды произошла такая сцена съ Горшковымъ, который явился къ капитану въ новой формѣ и со всѣми своими медальками—съ орденами, какъ онъ ихъ называлъ.

Капитанъ усердно чистилъ себѣ сапоги, не желая, по обыкновенію, утруждать свою Афимьюшку.

— Съ праздничкомъ честь имѣю проздравить ваше высокоблагородіе!

Сообразивъ, что это обычное „проздравленье“ означаетъ не болѣе какъ перламентерскій предлогъ для полученія двугривеннаго, капитанъ отвѣтилъ, не оставляя сапожной щетки:

— Хе-хе-хе!—съ четвергомъ и съ девятью часами утра честь имѣю васъ поздравить, г. Горшковъ! Что дальше-съ скажете-съ?

— Все-ли у васъ благополучно, ваше благородье? Потому—какъ вы есть домовладѣльцы, то мы должны наглядывать завсегда и доносить въ фарталъ.

— Хе-хе-хе!—еслибъ, г. Горшковъ, у меня было не благополучно, то я и самъ-бы донесъ полиціи... Вамъ-съ—хе-хе-хе!—угодно-съ съ меня двугривенничекъ-съ получить?

— Коли ваша милость будетъ,—не отказываемся: потому—и насъ всѣ господа домовладѣльцы по положенію уважаютъ...

— Хе-хе-хе!—вѣдь вамъ не уваженіе, а жалованьице платятъ чистыми-съ денежками, г. Горшковъ! Двугривенничекъ я вамъ, пожалуй, и дамъ... А только въ слѣдующій-съ праздникъ я къ вамъ-съ приду-съ поздравлять по положенію: потому—и полиція должна уважать домовладѣльцевъ. А если, г. Горшковъ, вы меня тогда не уважите на двугривенничекъ, то я пойду къ полицмейстеру-съ Рогаткину и справлюсь отъ него насчетъ всякихъ положеніевъ-съ...

— Прощенья просимъ, ваше благородье!

— Счастливо оставаться, г. Горшковъ!

И капитанъ принялся за прерванную чистку сапогъ.

Городовой ушелъ съ страшною обидою въ сердцѣ.

— А еще тоже барином называется! Самъ себѣ сапоги чиститъ... Дурашный—какъ есть дурашный, пустой человѣкъ! Постой!—я тѣ удружу, собака!—не посмотрю, что ты капитанъ! Я тоже ученый человѣкъ!..

Вскорѣ-же, высмотрѣвъ на улицѣ одного изъ лучшихъ капитанскихъ псовъ, Волчка, Горшковъ незамѣтно швырнулъ ему кусочекъ хлѣба. Черезъ пять часовъ Волчокъ въ страшныхъ судорогахъ околѣлъ...

Капитанъ отлично понялъ кому онъ обязанъ этою мерзостью и жестокостью, но уличить Горшкова не было возможности, и онъ только припугнулъ его полицмейстеромъ.

— Г. Горшковъ! Хе-хе-хе! Насчетъ собачки-съ я доложу г. полицмейстеру или частному приставу Чижикову и попрошу, чтобъ васъ убрали, съ позволенія сказать-съ, къ чортовой матери-съ!

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! Да нешто я могу этакое дѣло сдѣлать! Я ужь и дознаніе производилъ—какой это лиходѣй!—Можетъ какъ и попадется!

— Непремѣнно попадется, г. Горшковъ! подчеркнулъ капитанъ.—На этотъ разъ я васъ—хе-хе-хе!—помилую... Тоже и у васъ есть жена и дѣти-съ... А только зачѣмъ-же это вашъ мальчишка мнѣ всякія мерзости на стѣнѣ написалъ? Самъ лавочникъ видалъ какъ онъ корябалъ...

— Если мой несмысленый мальчонка, ваше высокоблагородіе, озоровалъ,—я его безпремѣнно высѣку!

— Не начать-ли прежде съ самого батьки?

Горшковъ злобно посмотрѣлъ на капитана.

XII.

Переставшіе посѣщать дяденьку со времени его женитьбы, братцы Семенъ и Иванъ Хоботовы сообразили, что теперь уже дяденькиныхъ денегъ имъ не видать, какъ своихъ ушей. Еще до женитьбы капитана въ умѣ писателя, изъ губернскаго правленія, начала мелькать мысль о томъ, нельзя-ли будетъ какъ-нибудь состряпать векселекъ, подписавшись подъ руку капитана. Съ этою цѣлью однажды Семенъ Хоботовъ прикармапилъ на всякій случай попавшееся ему испорченное заявленіе капитана въ тулуповскую городскую управу, касавшееся мощенія улицы и исправленія тротуаровъ. Теперь, съ женитьбою дяденьки, эта мысль окончательно созрѣла въ головѣ Семена Хоботова, а припрятанное заявленіе какъ нельзя болѣе для этого пригодилось, когда онъ, затѣявъ дѣло съ векселемъ, переговорилъ съ братцемъ Иваномъ. Послѣ долгаго изученія почерка дяденьки и разныхъ упражненій, обладавшему весьма изрядными способностями по этой части Семену Хоботову удалось, наконецъ, для перваго дебюта написать вексель на три тысячи рублей, которые капитанъ, по предъявленіи, будто-бы обязуется уплатить Ивану Хоботову. Текстъ и подпись этого документа, еще нигдѣ не явленнаго и

не протестованнаго, очень напоминали почеркъ капитана.

Однажды, совсѣмъ неожиданно, къ капитану явился самъ авторъ векселя Семенъ Хоботовъ.

— Я къ вамъ, дяденька, по дѣлу.

— Хе-хе-хе! чѣмъ прикажешь служить, племянничекъ?

— Да вотъ вами выданъ векселъ моему брату Ивану, по предъявленіи, на три тысячи, а онъ передалъ его мнѣ;—такъ не пожелаете-ли вы, дяденька, теперь-же уплатить мнѣ по этому векселю... Вѣдь мы все-таки близкіе родственники; чѣмъ намъ судиться,—лучше обойдемся мирно, по-домашнему... Я даже готовъ вамъ скостить сотню рублей: ужь очень мнѣ нужны деньги...

— Хе-хе-хе!—какой-же это векселъ, племянничекъ? —удивился, но не особенно смутился капитанъ: онъ давно уже оцѣнилъ племянничковъ по достоинству и всегда ожидалъ отъ нихъ какой-нибудь мерзости.

— А вотъ поглядите!—И, не выпуская векселя изъ рукъ, Семенъ Хоботовъ предъявилъ его дяденькѣ.

— Хе-хе-хе! ловко написано! Ты мастеръ, Семенъ, на эти дѣла—стало-быть въ губернскомъ правленіи навострился! Немножко и на мою руку похоже... Только какъ-же это я,—да еще у васъ-то, олуховъ,—деньги буду занимать, когда у меня и свои есть денежки въ банкѣ! Мудрено, братецъ!—вотъ этого-то ты и не сообразилъ.... Ну, хе-хе-хе! будемъ судиться! Должно быть, вы съ братцемъ на казенный счетъ въ Сибирь хотите прокатиться!..

— Тамъ, дяденька, судъ разберетъ: нашъ это вексель или нашей работы!—храбро выпалилъ Семенъ Хоботовъ, а въ душѣ уже начиналъ трусить и мысленно говорилъ себѣ:

— Эхъ! я еще и тогда объяснялъ Ивану, что не таковскій человѣкъ нашъ дяденька, чтобы онъ самъ отдалъ деньги безъ суда.

— Ваше дѣло, ребята!—ваше дѣло! Отъ меня-же ни гроша не получите.

— Я, дяденька, еще подумаю предъявлять вексель въ окружномъ судѣ... Можетъ быть, и вы надумаетесь и сами отдадите. Ужь очень-бы мнѣ не хотѣлось по судамъ таскаться да еще пошлины и издержки представлять. Прощайте, дяденька!

— Хе-хе-хе!—счастливо оставаться. племянничекъ!

Когда писатель, изъ губернскаго правленія, ушелъ, капитанъ сталъ размышлять.

— Вѣдь поди ты! еслибъ они не были—хе-хе-хе!—такіе мерзавцы и вертопрахи, я-бы и ихъ не забылъ и, куда ни шло,—выкинулъ-бы имъ даже три тысячи... А то вѣдь—негодяи они,—даромъ что мнѣ племяннички! И въ кого это, прости Господи, они уродились? Однако, умри я—и все почти имъ достанется: вѣдь они, стало-быть, законные наслѣдники... Ну, какъ-ни-какъ—хе-хе-хе!—а надо писать завѣщаньице!..

На другой же день капитанъ пошелъ въ окружной судъ, гдѣ у него былъ знакомый секретарь, выпросилъ у него для справокъ всѣ законы о наслѣдствѣ и духовныхъ завѣщаніяхъ, внимательно почиталъ ихъ, провѣрилъ свои свѣдѣнія насчетъ

числа свидѣтелей и тутъ-же, въ судѣ, написалъ завѣщаніе, по которому все свое имущество онъ представлялъ женѣ. Въ завѣщаніи, кромѣ того, было выражено, что капитанъ желаетъ быть похороненнымъ какъ можно проще; деньги-же, которыя могли-бы быть истрачены на его похороны по его общественному положенію, должны быть розданы, по усмотрѣнію жены, дѣйствительно бѣднымъ и несчастнымъ. Ни о какихъ другихъ пожертвованіяхъ въ завѣщаніи не упоминалось.

Возвращаясь изъ суда съ завѣщаніемъ въ карманѣ, капитанъ подумалъ, что завѣщаніе—завѣщаніемъ, а туалетъ все-таки нельзя не возобновить, зашелъ къ одному изъ бѣднѣйшихъ и самыхъ несчастныхъ портныхъ, изъ евреевъ, и къ удивленію портного (который никогда не видалъ у себя такихъ высокопоставленныхъ заказчиковъ), не торгуясь, заказалъ пальто, мундиръ и штаны, чтобъ дать этому многосемейному бѣдняку хоть какой-нибудь заработокъ. Съ этимъ-же портнымъ онъ зашелъ въ магазинъ, гдѣ и купилъ все что требовалось. Портной выполнилъ заказъ съ полнымъ стараніемъ, хотя, не привыкши работать на такихъ заказчиковъ, сшилъ вообще плоховато. Но капитанъ отнесся къ этому благодушно и, уплативъ за работу, не взялъ съ портного сдачи, которой, впрочемъ, у него и не было. Еврей былъ очень удивленъ и сконфуженъ, а благодарности его не было конца.

. . . . . .

Переговоривши между собою, братцы Хоботовы рѣшили, что пока опасно предъявлять вексель ко взысканію и что лучше будетъ выждать, а затѣмъ

дѣйствовать какъ укажутъ обстоятельства. Возможность путешествія въ Сибирь,—хотя и на казенный счетъ,—имъ не особенно нравилась... Болѣе-же всего они были сильно смущены и озадачены хладнокровіемъ дяденьки.

А капитанъ рѣшительно не безпокоился ни о чемъ и даже не думалъ о возможности взысканія съ него крупной суммы по подложному векселю.

Встрѣтивъ какъ-то Семена Хоботова на улицѣ, онъ даже кивнулъ ему въ отвѣтъ на поклонъ. Напрасно вексельныхъ дѣлъ мастеръ оглядывался, чтобъ посмотрѣть—не идетъ-ли за нимъ дяденька для переговоровъ: пушечный зарядъ его, очевидно, не попалъ въ стараго воробья, который улетѣлъ съ своими денежками, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще привѣтствовалъ его своимъ саркастическимъ „хе-хе-хе!“...

XIII.

Спрятавъ у себя въ комодѣ завѣщаніе, капитанъ Хоботовъ не сказалъ о немъ женѣ ни слова. У Ольги Петровны былъ отдѣльный комодъ. Капитанъ вполнѣ сохранилъ всѣ свои привычки и своимъ бѣльемъ завѣдывалъ самъ. Онъ отлично понималъ, что ни по понятіямъ, ни по образу жизни не можетъ нравиться своей молодой женѣ, что общаго между ними ничего нѣтъ и быть не можетъ, а посвятить жену въ свое „святая святыхъ“, во всѣ дѣла своихъ благотвореній, онъ не находилъ возможнымъ по самымъ своимъ убѣжденіямъ. Поэтому онъ и не предъявлялъ къ женѣ ни малѣйшихъ супружескихъ

претензій, вполнѣ довольствуясь, если Ольга Петровна хотя иногда дарила его ласковымъ, признательнымъ взглядомъ.

Капитанъ ни въ чемъ не мѣшалъ женѣ, но и самъ не видѣлъ основанія и не желалъ стѣсняться и передѣлываться. Тогда спросятъ:—зачѣмъ-же онъ женился? Неужели только ради добраго дѣла, чтобы поддержать и защитить честь нагло обманутой землемѣромъ дѣвушки?

Съ обще-житейской точки зрѣнія, такой поступокъ представляется дѣйствительно страннымъ, невозможнымъ и явно-нелѣпымъ. Да! для толпы онъ и будетъ нелѣпъ: мало-ли на свѣтѣ такихъ покинутыхъ и обольщенныхъ дѣвушекъ! Гдѣ-же эти женихи-рыцари, которые, до нѣкоторой степени жертвуя собою, пожелали-бы на нихъ жениться! Но надо войти въ совѣсть и душу такого оригинальнаго человѣка, какъ капитанъ Хоботовъ, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ онъ иначе и не могъ поступить, чтобы остаться вѣрнымъ самому себѣ и чтобы имѣть за собою хоть какую-нибудь заслугу — не предъ людьми, конечно, чего онъ искренно боялся, а предъ всевидящимъ и невидимымъ высшимъ Существомъ, въ Котораго онъ вѣрилъ. Предлагая себя въ мужья, хотя-бы только номинально, — такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности,—капитанъ Хоботовъ ничуть не обманывалъ, да и не могъ обмануть Ольгу Петровну, которая была довольна уже и тѣмъ, что послѣ бурнаго, сердечнаго эпизода въ своей жизни, она нашла, наконецъ, тихую пристань... Никакой другой отрады въ жизни капитанъ не имѣлъ, кромѣ утѣшенія, что онъ кому-то и, главное, незамѣтно

для людей послужилъ въ этой жизни хотя-бы только своими матеріальными средствами. Отнимите у капитана Хоботова это сознаніе, это единственное утѣшеніе въ старости,—и не подлежитъ сомнѣнію, что не имѣя службы и опредѣленныхъ занятій онъ тотчасъ повѣсился бы или застрѣлился... вѣдь у него тогда не было-бы никакой почвы подъ ногами... А мало-мальски порядочные и развитые люди безъ всякаго дѣла, интересовъ и безъ нравственной закваски, которая привязывала-бы ихъ къ жизни и побуждала бы ихъ дорожить ею, конечно, не могутъ жить...

. . . . . .

Бывали дни, когда капитанъ усиленно, какъ-бы запоемъ, предавался чтенію Евангелія или-же своихъ любимыхъ авторовъ. Многое изъ прочитаннаго онъ переживалъ въ мысляхъ и воображеніи, перечувствовалъ сердцемъ и во многое вникалъ основательно.—„Вотъ мерзавцы-то!“ искренно возмущался онъ рѣчами и поступками книжниковъ и фарисеевъ.—Но никогда почти ему не доводилось дѣлиться мыслями по поводу прочитаннаго даже съ женою—отчасти потому, что онъ не привыкъ къ такимъ бесѣдамъ, почти весь свой вѣкъ проживъ въ одиночку,—отчасти-же потому, что явно стѣснялся въ выраженіяхъ и не надѣялся быть хорошо понятымъ. Только въ разговорахъ съ простонародьемъ онъ чувствовалъ себя какъ-то свободнѣе. Его обычная манера объясняться то иносказательно, то съ нѣкоторыми ужимками и хехеканьемъ, утвердившая за нимъ репутацію какого-то чудака, обратилась въ привычку и давала ему возможность, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, удобно скрывать то, что онъ желалъ скрыть отъ людей.—„Зачѣмъ-же еще открывать людямъ свою душу? Пусть лучше видитъ и судитъ ее одинъ Богъ!“ думалъ капитанъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ столь поразившихъ его умъ и сердце нѣкоторыхъ мѣстъ въ святомъ Евангеліи.

Когда-же чтеніе начинало утомлять его, онъ снова принимался за свои странствованія по городу и за городъ.

Около Успенія наступили жаркіе дни съ прохладными вечерами. Капитана потянуло въ лѣсъ.

Разыскивая кое-гдѣ еще уцѣлѣвшіе орѣхи для Ольги Петровны и Афимьюшки, чтобы не придти домой съ пустыми карманами, капитанъ незамѣтно добрался до караулки, что на четвертой верстѣ отъ города. Онъ увидалъ тутъ знакомаго сторожа Гавриловича, который былъ занятъ раскалываніемъ пней. Капитанъ усѣлся на пенекъ и не преминулъ вступить въ разговоръ.

Поѣвъ хлѣбца съ огурчиками и яблочками, капитанъ сказалъ:

— А что, Гавриловичъ!—хочется мнѣ—хе-хе-хе!—руки расправить... Дай-ка я постучу!

Гавриловичъ засмѣялся и передалъ топоръ капитану, который усердно принялся рубить. Долго-таки онъ возился, а пни-то были дубовые. Между тѣмъ солнце уже садилось, въ воздухѣ захолодѣло и показалась роса. Мундиръ у капитана былъ разстегнутъ, такъ-что изъ-подъ рубашки показывалась обросшая волосами грудь, а потъ лилъ съ него ручьями.

— Вотъ-такъ славно поработалъ! говорилъ ка-

питанъ, отдуваясь.—Испить хочется: пѣть-ли чего, Гавриличъ?

— Хозяйка моя квасъ варила—преотличный будетъ! Я сейчасъ, Палъ Палычъ, кликну хозяйку. Эй, Арина! принеси-ка кваску Палъ-Палычу съ погреба!

— Чичасъ!—отвѣчала Арина, возившаяся съ ребятишками.

— Кушай, ваше благородье, на здоровье!—говорила Арина, подавая капитану кружку съ холоднымъ квасомъ.

— Эко квасъ духовитый! Одно слово—первый сортъ!—хвалилъ Гаврилычъ: поничча Арина какъ разъ въ точку потрафила съ квасомъ!—въ самую плепорцію!

— Хорошъ-то—хорошъ! хе-хе-хе!—да ужь очень холоденъ!—сказалъ капитанъ, сдѣлавъ одинъ глотокъ.—А впрочемъ—хе-хе-хе!—мнѣ еще три версты переть до дому—согрѣюсь!

И капитанъ съ наслажденіемъ опорожнилъ всю кружку.

— Спасибо, хозяюшка! Теперь—хе-хе-хе!—въ походъ: скорымъ шагомъ... маршъ!

И капитанъ собрался идти. Однако тутъ-же онъ почувствовалъ, что у него что-то покалываетъ въ груди и что его охватило холоднымъ вѣтеркомъ... Онъ тотчасъ застегнулся и быстро пошелъ домой.

Какой-то ястребокъ,—нето маленькая сова,—безшумно пронесся надъ деревьями черезъ дорогу... Впереди саженей на 60 выбѣжалъ заяцъ на дорогу. Посидѣвъ на заднихъ лапкахъ и поводивъ ушами, онъ скрылся въ лѣсу... Изъ расположеннаго за городомъ лагеря уже доносились звуки вечерней зори...

питанъ, отдуваясь.—Испить хочется: нѣтъ-ли чего, Гавриличъ?

— Хозяйка моя квасъ варила—преотличный будетъ! Я сейчасъ, Палъ Палычъ, кликну хозяйку. Эй, Арина! принеси-ка кваску Палъ-Палычу съ погреба!

— Чичасъ!—отвѣчала Арина, возившаяся съ ребятишками.

— Кушай, ваше благородье, на здоровье!—говорила Арина, подавая капитану кружку съ холоднымъ квасомъ.

— Эко квасъ духовитый! Одно слово—первый сортъ!—хвалилъ Гавриличъ: поничча Арина какъ разъ въ точку потрафила съ квасомъ!—въ самую пленорцію!

— Хорошъ-то—хорошъ! хе-хе-хе!—да ужь очень холоденъ!—сказалъ капитанъ, сдѣлавъ одинъ глотокъ.—А впрочемъ—хе-хе-хе!—мнѣ еще три версты переть до дому—согрѣюсь!

И капитанъ съ наслажденіемъ опорожнилъ всю кружку.

— Спасибо, хозяюшка! Теперь—хе-хе-хе!—въ походъ: скорымъ шагомъ... маршъ!

И капитанъ собрался идти. Однако тутъ-же онъ почувствовалъ, что у него что-то покалываетъ въ груди и что его охватило холоднымъ вѣтеркомъ... Онъ тотчасъ застегнулся и быстро пошелъ домой.

Какой-то ястребокъ,—нето маленькая сова,—безшумно пронесся надъ деревьями черезъ дорогу... Впереди саженей на 60 выбѣжалъ заяцъ на дорогу. Посидѣвъ на заднихъ лапкахъ и поводивъ ушами, онъ скрылся въ лѣсу... Изъ расположеннаго за городомъ лагеря уже доносились звуки вечерней зори...

холодна къ своему, теперь умирающему, мужу... Чѣмъ можетъ она облегчить его страданія? Противъ желанія позвать доктора? Но вѣдь мужъ только прійдетъ въ еще большее раздраженіе, пожалуй, обругаетъ доктора, а лѣкарствъ все равно принимать не станетъ, и ему сдѣлается только хуже... Что она ему признательна за все то, что онъ для нея сдѣлалъ,—такъ это она уже сколько разъ выражала и пыталась высказывать мужу не разъ, но только почему-то онъ всегда сердился за это и терпѣть не могъ такихъ изліяній... Повторять ему то-же самое, въ очищеніе своей совѣсти, предъ его смертью—безполезно и скорѣе только можетъ раздражить его. Затѣмъ въ мысляхъ своихъ она перешла къ своему положенію: вотъ она останется вдовой въ 28 лѣтъ и еще можетъ выйти замужъ, такъ-какъ у ней есть домишко, а дѣтей нѣтъ и женихъ можетъ найтись... А будетъ-ли она сама-то любить и будутъ-ли ее любить?—До сихъ поръ, съ капитаномъ, это была не супружеская жизнь въ настоящемъ смыслѣ, а такъ—какое-то „особое положеніе“ по поводу оказаннаго ей капитаномъ благодѣянія... Всегда чувствовать себя облагодѣтельствованною старикомъ и... только! всегда быть одинокою!...

— Хе-хе-хе! Ольга Петровна! послышался уже слабый голосъ умирающаго капитана.

Она подбѣжала къ мужу и сразу-же, по выраженію его лица, поняла, что конецъ всѣхъ концовъ очень близокъ...

— Вонъ тамъ у меня въ ко-модѣ—хе-хе-хе!—завѣ-щаньице... Возьмите ключъ! А подъ книгами те-радь: подайте мнѣ!

Ольга Петровна подала знаменитую тетрадь. Капитанъ попробовалъ ее разорвать, но у него не хватило силы.

— Хе-хе-хе! Не могу-съ! Сами разорвите!—сейчасъ!—чтобъ я видѣлъ!

Ольга Петровна начала рвать.

— Еще рвите! совсѣмъ рвите! Такъ-такъ!—хорошо! Хе-хе-хе!—такъ!—вздоръ тамъ!..

Капитанъ видимо былъ доволенъ и какъ-бы почувствовалъ облегченіе, когда жена изорвала тетрадь на мелкіе кусочки.

— Пить!.. И онъ выпилъ, поперхнувшись, глотокъ воды.

Вдругъ температура тѣла замѣтно повысилась. Начался жаръ, и капитанъ съ открытыми глазами сталъ бредить.

— Глядите, глядите, Ольга Петровна! Семенъ-то подкрадывается къ комоду: тамъ—хе-хе-хе!—завѣщаніе! А это Иванъ съ нимъ все переглядывается... шшь прячется подъ кресломъ... Поздно, голубчики! поздно! Ужь я всѣ денежки отдалъ Богу—не достанете!—развѣ что на небо полѣзете?—Сковырнетесь!.. Позовите полицію!—только Горшкова не зовите: онъ сейчасъ Жучку отравитъ! сейчасъ отравитъ!.. А вы свяжите его!.. Бабушка! догони Вавилку! Отыми пѣтуха! Онъ ему сейчасъ голову свернетъ! А вы рыбу ловили?.. Зачѣмъ рыбешку зря побросали? Пустите скорѣй въ рѣку! а то она задохнется! Ей жить хочется! и ей хочется жить!.. Ахъ, какіе хорошіе березовики! А вотъ сыроѣжечки!.. Прогоните Семена: онъ опять лѣзетъ! Теперь Иванъ подкрадывается... Кричите караулъ!.. А негодяй-то маль-

чишка поросеночка замучилъ! Погоди! вотъ я тебя! вотъ я тебя!..

Потомъ бредъ сталъ не ясенъ. И наконецъ умирающій пришелъ въ сознаніе.

Въ груди слышались какой-то свистъ и хрипы... Капитанъ стоналъ и задыхался.

— Ну, хе-хе-хе! уми-раю! Отче нашъ! прости насъ! почти прошепталъ онъ.

Ольга Петровна, въ слезахъ, уже стояла на колѣняхъ и читала „Святый Боже! Святый Крѣпкій!..“ Въ дверяхъ прислонилась совсѣмъ блѣдная Аѳимья и въ ужасѣ шептала какую-то молитву... Зубы у ней стучали.

Началась агонія, продолжавшаяся съ полчаса. Хрипы и свистъ въ груди дѣлались все слабѣе. Глаза какъ-будто смотрѣли на икону Спасителя, и при полной тишинѣ капитанъ испустилъ послѣдній вздохъ...

Между тѣмъ во дворѣ выли собаки—можетъ быть по предчувствію какого-то несчастья, а можетъ быть и потому, что ихъ забывали кормить во время болѣзни капитана.

Черезъ три часа уже началась первая панихида по новопреставленномъ боляринѣ Павлѣ. Въ числѣ любопытныхъ явились и прямо заинтересованные смертью дяденьки Семенъ и Иванъ Хоботовы, которые подозрительно осматривались, какъ-бы стараясь запомнить всѣ вещи, которыя находились въ домѣ, и этимъ предохранить ихъ отъ предполагаемаго расхищенія... Братцы не сочли даже нужнымъ отрекомендоваться вдовѣ капитана.

Къ вечеру явился и судебный приставъ, пригла-

шоный братцами для принятія охранительныхъ мѣръ. При этомъ братцы Хоботовы держались съ нѣкоторою важностью, изображая собою въ извѣстной степени законныхъ наслѣдниковъ.

Въ бумажникѣ умершаго дяденьки оказалось кредитными билетами около сотни рублей и квитанціи въ принятіи отъ капитана вкладовъ на храненіе. Духовное завѣщаніе было даже не запечатано, и потому содержаніе его тогда-же сдѣлалось извѣстнымъ.

Прежде всего братцы Хоботовы были непріятно поражены появленіемъ завѣщанія: они все еще надѣялись, что дяденька объ этомъ еще не успѣлъ позаботиться. Во время же чтенія завѣщанія судебнымъ приставомъ, который счелъ нужнымъ прочитать его торжественно вслухъ,—физіономіи у нихъ совсѣмъ вытянулись, и они только грустно и многозначительно переглянулись между собою, но ради соблюденія собственнаго достоинства и приличія сдержались и промолчали. Когда-же вскорѣ навели справки—какіе именно капиталы остались послѣ покойника, то, къ удивленію братцевъ Хоботовыхъ и многихъ тулуповцевъ, интересовавшихся его состояніемъ, оказалось всего только 2.300 рублей съ наросшими процентами. Куда дѣвались остальныя деньги—никто удовлетворительно объяснить себѣ не могъ. Впрочемъ, братцы Хоботовы отчасти даже и обрадовались тому обстоятельству, что Ольгѣ Петровнѣ достанутся только неважный домишка и домашній скарбъ, почти ничего не стоющій, а деньгами всего только какихъ-нибудь тысченки двѣ вмѣсто двадцати тысячъ, куда-то безслѣдно исчезнувшихъ...

Когда на панихиды по капитанѣ забѣгала, отлучаясь отъ своей больной матери, Наташа Снѣжкова и горько плакала,—даже больше чѣмъ сама вдова Ольга Петровна,—никто не могъ догадаться—почему Наташа такъ сильно огорчена смертью капитана. Думали только, что у несчастной и впечатлительной швеи—очень слабые нервы...

Между тѣмъ на окнахъ у Снѣжковыхъ, по-прежнему, красовались прилѣпленныя объявленія...

XV.

Случайно вышло такъ, что смерть не пощадила и богатѣйшаго, еще не очень стараго, купца Мѣшкова, который скончался отъ неправильно заворотившихся кишекъ чуть не въ тотъ-же часъ, одновременно съ капитаномъ Хоботовымъ.

Иванъ Тарасычъ Мѣшковъ былъ крупнѣйшій коммерсантъ и орудовалъ разными предпріятіями на нѣсколько губерній. Онъ былъ милліонеръ, коммерціи совѣтникъ и почетный мировой судья, украшенный медалями и даже орденомъ за какое-то очень крупное пожертвованіе. Ивана Тарасыча, какъ козырнаго туза изъ простыхъ тузовъ и фигуръ, хорошо знали даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ у него были дома и роскошныя дачи. Спиртъ, сало и лѣсъ онъ отпускалъ непосредственно заграницу. Будучи почти безграмотнымъ, онъ быстро нажилъ милліоны, начавъ съ того-же, съ чего начинали и разные Кокоревы, Губонины и тому подобные коммерсанты. Онъ удивлялъ даже первостепенныхъ дѣльцовъ и биржевиковъ своимъ коммерческимъ чутьемъ, тон-

чайшею смѣткою, необыкновенною оборотливостью и умѣньемъ зашибить деньгу даже въ тѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, когда другіе опытные коммерсанты не выдерживали, ликвидировали дѣла или начисто вылетали въ трубу. Проживалъ-же онъ большею частью на своей родинѣ, въ Тулуповѣ, гдѣ его домъ въ отношеніи роскоши превосходилъ домъ самого губернатора. Это былъ не домъ, а величественный за́мокъ, „дворецъ“, какъ говорили тулуповцы, которые всегда указывали на этотъ домъ, какъ на первую достопримѣчательность Тулупова.— „Такой домикъ и на Невскомъ проспектѣ будетъ не изъ послѣднихъ!“ хвастались тулуповцы.—Строилъ и отдѣлывалъ его съ причудливымъ фасадомъ въ три этажа, на подобіе великолѣпнаго за́мка, на окраинѣ города съ обширнымъ паркомъ, фонтанами и прудами, нарочно выписанный изъ Питера архитекторъ. Пріѣзжалъ-ли въ Тулуповъ какой-нибудь министръ, или на особомъ положеніи сенаторъ, или корпусный командиръ,—то всѣ эти крупнѣйшіе генералы иначе не останавливались какъ въ апартаментахъ гостепріимнаго Мѣшкова. О размѣрахъ его оборотовъ можно было судить уже потому, что у него было 12 винокуренныхъ заводовъ, 6 винныхъ складовъ, 345 кабаковъ, или винныхъ лавокъ, въ семи губерніяхъ, 8 лѣсопилокъ, три громадныя паровыя мельницы, разныя салотопни и множество другихъ мелкихъ заведеній. У него была цѣлая армія приказчиковъ, „молодцовъ“, „довѣренныхъ“ и нѣсколько конторъ. Ежегодно онъ жертвовалъ сотни, а иногда и тысячи пудовъ муки, картофеля, говядины и сала на тюремные замки и больницы, а

меньше зеленаго билета онъ никогда не клалъ на церковное блюдо. Такимъ образомъ, наживая ежегодно сотни тысячъ преимущественно отъ кабаковъ, Мѣшковъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крупнымъ благотворителемъ. Только подъ конецъ своей жизни Иванъ Тарасычъ сразу отяжелѣлъ и прежде времени одряхлѣлъ. Онъ сталъ многое забывать, такъ-что никакъ не могъ припомнить всѣхъ своихъ приказчиковъ.

Когда, напримѣръ, главный приказчикъ Быковъ,—самъ имѣвшій чистаганомъ триста тысячъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ да не менѣе четырехсотъ тысячъ въ оборотѣ,—докладывалъ Мѣшкову: „Вотъ, ваше степенство, Иванъ Петровичъ Булочкинъ дожидается—говоритъ: безпремѣнно ему надо вамъ представиться и лично о всемъ доложить“...—Мѣшковъ удивленно пялилъ на Быкова оловянные глаза съ нѣсколько раскрытымъ ртомъ и спрашивалъ:—Ась!—Булочкинъ?! Какой-же это Булочкинъ? Я сейчасъ что-то не могу вспомнить...

— Онъ, ваше степенство,—довѣренный, на Бѣленькомъ хуторѣ состоитъ.

— Это гдѣ-же на Бѣленькомъ?—въ Лукояновскомъ?

— Нѣтъ, ваше степенство, въ Лукояновскомъ—тамъ Александровскій хуторъ, а Бѣленькій—это въ Моршанскомъ уѣздѣ.

— Да! вишь ты!—въ Моршанскомъ? — Такъ, такъ! говорилъ какъ-бы обрадовавшись Мѣшковъ, поглаживая бороду.—Знаю, знаю! Это Булочкинъ—кривой что-ли, который свиней изгадилъ?

— Нѣтъ, ваше степенство, свиней изгадилъ не

Булочкинъ, а Кузьмичевъ на ардатовской винокурнѣ.

— Такъ, такъ!—какъ разъ будетъ этотъ самый! Ахъ онъ, разбойникъ этакій!—свиней изгадилъ... Ну, такъ зови этого Кузьмичева!..

— Не Кузьмичевъ, ваше степенство, а Булочкинъ внизу, въ конторѣ, дожидается!..

Вотъ до какого психическаго состоянія дожилъ этотъ когда-то, и даже еще недавно, очень умный и тонкій дѣлецъ и гремѣвшій на десять губерній коммерсантъ, когда пришлось ему отдать Богу душу.

Уже во время болѣзни Мѣшкова встрѣчались въ газетахъ телеграммы на подобіе бюллетеней. Когда-же онъ умеръ,—въ Тулуповъ прибыли два репортера, чтобы описывать его похороны.

А похороны предполагались грандіозныя. Хоронить Мѣшкова должны были: архіерей, получившій за это 500 руб., три соборныхъ протоіерея, которымъ было назначено каждому по сту рублей, а за каждую панихиду особо, пять священниковъ и дьяконовъ съ великолѣпнымъ хоромъ пѣвчихъ. Всѣ губернскія власти облачились въ мундиры, и въ этотъ день нигдѣ не было присутствія и ученія. Телеграммы то-и-дѣло летѣли въ Тулуповъ и обратно. Даже пригласили полковыхъ музыкантовъ, придравшись къ тому случаю, что, какъ впослѣдствіи тулуповцы узнали, въ томъ-же соборѣ предполагалось отпѣвать и капитана Хоботова одновременно съ Мѣшковымъ. Но сперва и само духовенство не знало о томъ, что приглашена военная музыка. А послѣ оказалось, что полицмейстеръ нарочно пріѣзжалъ ко вдовѣ Хоботова, по порученію

губернатора, съ просьбою о томъ, чтобы капитана непремѣнно отпѣвать въ соборѣ. Просьба эта имѣла почти обязательное значеніе какого-то формальнаго предложенія и даже требованія. Губернатору и полковому командиру очень хотѣлось оказать эту особук, чрезвычайную почесть, конечно, не капитану Хоботову или его вдовѣ, а только Ивану Тарасычу Мѣшкову въ угоду его наслѣдникамъ.

Вслѣдствіе предложенія губернатора, а, главное потому, что почти все тулуповское духовенство должно было присутствовать на похоронахъ Мѣшкова, Ольга Петровна пошла на домъ къ протоіерею Ризположенскому, чтобы условиться и переговорить о похоронахъ своего мужа. Ризположенскій былъ еще не старый и весьма благообразный протоіерей съ тонкими чертами лица, въ шелковой рясѣ и съ дорогимъ наперснымъ крестомъ.

У протоіерея уже сидѣлъ на совѣщаніи о предстоявшихъ похоронахъ Мѣшкова протодіаконъ Аристархъ Тиверіадскій.

Это былъ брюнетъ—красавецъ, лѣтъ подъ 40, съ авессаломовскими волосами, конечно, въ томъ еще періодѣ жизни мятежнаго Авессалома, когда ему не пришлось погибнуть изъ-за своихъ роскошныхъ волосъ, зацѣпившись за дерево... Многія изъ тулуповскихъ купчихъ и разныя барыни,—этакъ средняго, бальзаковскаго возраста,—пламенѣли къ Аристарху самыми грѣховными помышленіями и чувствами, увлекаясь его наружностью и поразительнымъ голосомъ. Говорили даже въ Тулуповѣ,—впрочемъ, со словъ самого Аристарха, — что къ нему были неравнодушны и многія гимназистки, кото-

рыя, будто-бы, писали къ нему,—конечно, больше анонимныя,—записки...

Ольга Петровна, подойдя подъ благословеніе, объяснила протоіерею, что капитанъ завѣщалъ похоронить себя какъ можно проще и что далѣе нельзя откладывать похоронъ, а потому его придется отпѣвать и хоронить въ одно время съ Иваномъ Тарасычемъ. Протоіерей задумался и сталъ что-то соображать.

— Какъ-же это быть? недоумѣвалъ протодіаконъ, еще не зная о военной музыкѣ и просьбѣ губернатора.—Вѣдь нельзя-же капитана путать въ одну службу съ Иванъ-Тарасычемъ: когда-жь его отпѣвать?

— Мѣшкова будете отпѣвать и моего мужа отпоете! съ достоинствомъ отвѣтила вдова Хоботова.

— Да вѣдь сказываютъ вамъ, барыня!—грубо возразилъ протодіаконъ—что тутъ въ соборѣ будетъ страшная духота и тѣснота: вѣдь подумайте!—будутъ самъ архіерей, губернаторъ и всякое начальство...

Вдова печально усмѣхнулась, выслушавъ такія откровенныя соображенія, и посмотрѣла въ какомъ-то ожиданіи на протоіерея.

— Что-жь, отецъ Аристархъ?! — вмѣшался до того времени молчавшій протоіерей Разположенскій: мы капитана поставимъ встороику, а отпѣвать ужь заодно...

— Эко вы хватили, отецъ Алексѣй! Да вѣдь тутъ съ двоими-то покойниками, при архіереѣ-то да при этакомъ парадѣ, какъ разъ собьешься! Мнѣ-то вѣдь въ этакихъ случаяхъ больше всѣхъ

работы... Самп знаете: большому кораблю—большое плаванье! Вѣдь нельзя-же Ивана Тарасыча равнять со всякими покойниками при этакомъ-то дѣлѣ...

— Предъ Господомъ всѣ равны! возведя очи горѣ наставительно отвѣтилъ протоіерей, который только-что получилъ съ Мѣшковыхъ красный билетъ за панихиду.

XVI.

На другой день, уже съ восьми часовъ утра, вся соборная площадь и ближайшія улицы были запружены народомъ, который не могъ попасть въ переполненный соборъ. Многіе смотрѣли на похороны съ балконовъ и крышъ. Командированные въ помощь полиціи пожарные солдаты, разъѣзжая по площади на подобіе конныхъ жандармовъ, осаживали народъ и расчищали путь для подъѣзжавшихъ экипажей. Тутъ-же былъ выстроенъ батальонъ пѣхотинцевъ съ музыкантами. Во время выноса покойниковъ колокола уныло перезванивали.

— Ти-нинь!.. тэнь!.. тонъ!.. ттанъ!—артистически выводилъ на колокольнѣ и съ очень сильнымъ музыкальнымъ диссонансомъ отрѣзывалъ на звукѣ „ттанъ“ Іерихонскій, который увелился изъ философскаго класса, почувствовавъ необыкновенное влеченіе къ звонарному искусству. Архіерей обѣщалъ даже возвести артиста-звонаря въ санъ діакона, но медлилъ только потому, что никакъ не могъ подыскать ему достойнаго преемника.

— Это у васъ что за звонъ! нешто такъ звонятъ! говорилъ однажды архіерей совсѣмъ уже оторопѣв-

шему при встрѣчѣ его уѣздному священнику Кипарисову: вотъ пусть-ка ваши причетники поучатся въ Тулуповѣ у моего Іерихонскаго! Ну, да положимъ, это—своего рода талантъ! овому—одинъ, овому—два!

Послѣ этого замѣчанія два уѣздныхъ звонаря дѣйствительно провели два мѣсяца при архіерейскомъ домѣ, обучаясь звонарному дѣлу у господина Іерихонскаго. Даже любимецъ архіерея, протодіаконъ Аристархъ, и тотъ иначе не называлъ Іерихонскаго, шеголявшаго крахмальными воротничками даже на колокольнѣ, какъ „господинъ Іерихонскій“.

— Ти инь!.. тэнь!.. тонъ!.. ттанъ!—снова оплакивалъ Мѣшкова своими колоколами артистъ Іерихонскій.—Тили-тили-тонъ! говорили они: тили-тили-тонъ!.. Ти-инь!.. тэнь!.. тонъ!.. ттанъ!—раздавались скорбные звуки.

И болѣе нервные тулуповцы, обладавшіе музыкальнымъ слухомъ, при послѣднемъ, отрывистомъ ударѣ «ттанъ!», чувствовали какъ религіозно-скорбная дрожь пробѣгаетъ по ихъ членамъ и что волосы у нихъ какъ-будто уже начинаютъ приподниматься...

Вотъ наконецъ учащенными ударами въ большой колоколъ: бумъ! бумъ! зазвонили къ заупокойной обѣднѣ.

На самомъ видномъ мѣстѣ, въ открытомъ, богатѣйшемъ гробѣ, лежалъ Иванъ Тарасычъ Мѣшковъ, украшенный вѣнками, которыхъ было еще больше на оставленной въ притворѣ крышкѣ гроба. Изъ множества мундирныхъ людей выдѣлялись нѣкоторые сановники въ лентахъ и со звѣздами. Тутъ-же былъ и прокуроръ Кедровъ.

Въ другомъ, почти не замѣтномъ для публики, сосновомъ, наскоро сдѣланномъ гробѣ лежалъ капитанъ Хоботовъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ-будто онъ сейчасъ только говорилъ или собирался сказать: хе-хе-хе!..—Близъ этого гроба стояли въ траурѣ вдова Хоботова и вдова Рябчикова.

Частный приставъ Чижиковъ, расталкивая публику, то-и-дѣло покрикивалъ вполголоса на суетившихся городовыхъ:

— Осаживай! Честью васъ прошу, господа! Сейчасъ будутъ преосвященный и начальникъ губерніи... Дайте дорогу!

Дѣйствительно, вскорѣ-же вошелъ архіерей, ведомый подъ руки діаконами и со своею свитою, при чемъ его привѣтствовали пѣвчіе. Затѣмъ показался, предшествуемый полицмейстеромъ, губернаторъ въ полномъ парадѣ. Началось торжественное богослуженіе. Съ нѣкоторыми барышнями сдѣлалось дурно, и ихъ кое-какъ изъ толкотни вывели на свѣжій воздухъ. Стоявшія по сосѣдству, среди разряженныхъ барынь, губернскія сплетницы „Курышка“ и „Грандифлора“, не умолкая, шушукались между собою.

Надгробную проповѣдь говорилъ протоіерей Низположенскій. Начавъ съ изреченія Спасителя о томъ, что трудно богатому войти въ Царствіе Божіе, онъ искусно перешелъ къ тому положенію, что вѣра истиннаго христіанина,—хотя-бы онъ и былъ очень богатъ,—прежде всего доказывается его добрыми дѣлами, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. А такъ какъ нынѣ опочившій милліонеръ, пріобрѣвшій, очевидно съ благословенія Божія, свое

огромное состояніе честными, неусыпными трудами и торговыми предпріятіями (о томъ-же, что милліоны были нажиты, главнымъ образомъ, кабаками, проповѣдникъ, конечно, умолчалъ), ознаменовавъ свою достохвальную и праведную жизнь крупными и постоянными благодѣяніями (здѣсь слѣдовало подробное исчисленіе наиболѣе крупныхъ общественныхъ заслугъ Мѣшкова), то надо думать, что и онъ, Мѣшковъ, своими добрыми дѣлами вполнѣ заслужилъ Царствіе Божіе, уготованное ему, по словамъ Христа, отъ созданія міра, оставляя въ людяхъ по себѣ вѣчную и добрую память, а другимъ богатымъ людямъ подавши своею праведною жизнью примѣръ, достойный подражанія...—Возблагодаримъ-же Господа, возлюбленные братіе!—говорилъ проповѣдникъ—за то, что и въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ Тулуповѣ оказался такой благодѣтель, какъ всегда, нынѣ и присно памятный намъ именитый купецъ Иванъ Тарасычъ Мѣшковъ... И другой новопреставленный рабъ Божій, капитанъ Павелъ Хоботовъ, ознаменовалъ свою жизнь тѣмъ, что служилъ вѣрою и правдою Царю и отечеству и умеръ, пріобщившись св. Таинъ, какъ подобаетъ истинному христіанину, смиренно прося свою почтенную супругу похоронить его безъ всякой пышности. Однако Господь Богъ за это истинно-христіанское смиреніе удостоилъ опочившаго капитана тѣмъ, что и онъ нынѣ погребается при весьма торжественной обстановкѣ, которая, вообще, рѣдко выпадаетъ на долю менѣе именитыхъ смертныхъ. И въ этомъ поучительномъ для насъ событіи также видны указаніе и перстъ Божій... Аминь“.

Однимъ словомъ, вышло такъ, что насколько проповѣдникъ былъ многорѣчивъ и обстоятеленъ при назидательномъ для общества исчисленіи и оцѣнкѣ заслугъ Мѣшкова,—настолько-же онъ былъ кратокъ, касаясь всего прошлаго капитана Хоботова.

„Возлюбленные братіе“ отлично поняли, что протоіерей Разположенскій сказалъ въ проповѣди лишь нѣсколько словъ объ умершемъ капитанѣ единственно ради соблюденія приличія, такъ-какъ нельзя-же было совершенно умолчать о немъ въ виду только-что произнесеннаго обширнаго панегирика въ честь героя похоронъ, коммерціи совѣтника Мѣшкова. Но, какъ-бы-то ни было, проповѣдь произвела на слушателей отличное впечатлѣніе, а самъ проповѣдникъ, по общему мнѣнію, обнаружилъ чрезвычайное благочестіе и въ то-же время краснорѣчіе и находчивость.

— Молодчина попъ Алексѣй! лихо отзвонилъ! буркнулъ своему сосѣду— попу, низко кланялсь архіерею, стоявшій въ ряду духовенства съ краю священникъ Макарій Левитскій.

— Что и говорить! собаку съѣлъ! тихонько отвѣтилъ ему сосѣдъ — священникъ Беневоленскій кланяясь архіерею еще ниже.

Таковое-же одобреніе пришлось Разположенскому выслушать и отъ самого владыки, когда онъ, по окончаніи богослуженія, подошелъ подъ архіерейское благословеніе.

— Зѣло ты, отче Алексій, показалъ себя въ проповѣди искуснымъ и велерѣчивымъ! сказалъ ему архіерей, подавая для цѣлованія руку.

— Не по заслугамъ польщенъ симъ отзывомъ,

ваше преосвященство! смиренно сказалъ Рыполо-женскій, опуская очи долу и отвѣшивая архіерею поклонъ въ поясъ.

XVII.

Вотъ, наконецъ, музыканты заиграли „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ и погребальный маршъ... Въ толпившемся народѣ началось движеніе, а мальчишки безъ всякихъ церемоній толкали публику и бѣжали впередъ.

Когда процессія потянулась по направленію къ Лазаревскому кладбищу, за гробомъ капитана, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ его плакавшей вдовы и тещи, шли братцы Хоботовы.

Разговаривая съ братомъ вполголоса, Семенъ Хоботовъ жестикулировалъ.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, Иванъ, что слѣдовало представить вексель еще при жизни дяденьки, а теперь ужь взыскивать неудобно... При охранительной описи мы даже не заявляли судебному приставу, что у насъ есть векселекъ на дяденьку...

— Что съ воза упало, то видно пропало!—грустно отвѣчалъ Иванъ Хоботовъ: теперь я отказываюсь предъявлять да и не стоитъ!

— А коли ты отказываешься, то я нешто о двухъ головахъ?..

. . . . . .

— Вообразите, Дарья Ивановна! тараторила Раиса Павловна „Курышка“, обращаясь къ „Грандифлорѣ“, то-есть къ госпожѣ Храповой, пожилой и толстой сплетницѣ, которая еле шла въ погребаль-

ной процессіи, страдая одышкой.—Мнѣ до-зарѣзу нужно было полторы тысячи рублей хоть изъ пятнадцати процентовъ: у меня въ домѣ тогда свадьба Глашеньки наклевывалась... Ну, вамъ извѣстно, что у капитана были деньги.—Такъ и такъ, говорю капитану: согласна на годъ хоть десять, хоть двѣнадцать процентовъ дать,—выручите, ради Христа, подъ вексель!—„Хе-хе-хе! говоритъ, сударыня! я нешто ростовщикъ-съ?“—Да вѣдь вы, капитанъ,, въ государственномъ банкѣ получаете только три, четыре, много—пять процентовъ. — „Хе-хе-хе! говоритъ: никакъ не могу-съ, сударыня! Я такими дѣлами не занимаюсь!“—Представьте: такъ и не далъ! А мнѣ самъ бухгалтеръ божился, что у него было тогда еще двѣнадцать тысячъ, а раньше было двадцать тысячъ съ хвостикомъ. Ну, подумайте-же! куда-жь онъ ихъ дѣвалъ! А вѣдь деньги-то (это я вѣрно знаю: мнѣ самъ судебный приставъ сказывалъ...) только и осталось послѣ него 2,300 рублей да какая-нибудь сотня на похороны. Знаете-ли что, Дарья Ивановна!—ужь онъ не въ пользу-ли какихъ нигилистовъ или соціалистовъ жертвовалъ?! А можетъ быть у него была тайная отъ жены содержанка!

. . . . . .

— Ну что ты, братецъ мой, толкуешь! говорилъ купецъ Савелій Барабанкинъ другому, помоложе: тутъ милліоны хотя, положимъ, и кабаками нажиты,—такъ вѣдь Иванъ Тарасычъ самъ жилъ и другимъ давалъ жить! Вѣдь сколько дѣловъ-то у него! Однихъ заведеніевъ сколько! И какъ это на все его хватало! Ниразу банкрутомъ не былъ! А сколько онъ слезъ утеръ! Вѣдь кажинный, то-ись, большой

праздникъ ужь отъ него безпремѣнно везутъ въ острогъ или въ больницы чуть не обозамп: то—калачи, то—рыбу, то—какую требушину!—вѣдь люди-то все сожрутъ и еще спасибо скажутъ—даромъ что когда бываетъ, что изъ говядинки душокъ идетъ!—не безъ того!.. Слышь, колоколъ ревetъ! Эфто его жертва!—яко кадило предъ Господомъ возносится!..

. . . . . .

— Удивляюсь я этакимъ людямъ, какъ капитанъ! говорилъ предсѣдатель казенной палаты вице-губернатору.—Ну, кого чорта—извините, ваше превосходительство!—онъ жилъ на свѣтѣ? Ни себѣ, ни людямъ! Племянникамъ—очень порядочные молодые люди—шишъ оставилъ; женѣ—какой-то домишко и гроши... Куда-жь деньги-то ушли? Вѣдь сказывали: двадцать тысячъ было! А вѣдь и прескупущій былъ покойничекъ! Бывало тамъ сдѣлаютъ подписку въ пользу нищихъ или учащихся,—хоть-бы тебѣ на смѣхъ когда гропъ мѣдный подписалъ! Только и отвѣтъ у него: хе-хе-хе! да хе-хе-хе! Ужь его и въ городѣ-то прозвали „капитанъ хе-хе-хе“... А то чудить начнетъ... Не понимаю я этого человѣка! Еще и военнымъ былъ, а даже картъ въ рукахъ держать не умѣлъ! Вотъ ужь по истинѣ можно сказать: ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!

. . . . . .

— Пре-чуд-ной былъ! простецкой души человѣкъ! Шутникъ—что и говорить! слышался чей-то голосъ изъ менѣе аристократической толпы.

— Дурашный былъ! одно слово—дурашный! по-

слышался другой голосъ—какъ-будто голосъ полицейскаго Горшкова.

. . . . . .

— Я совсѣмъ не знала этого капитана Хоботова,—говорила Вѣра Аркадьевна Кедрова, возвращаясь съ похоронъ подъ-руку со своимъ мужемъ-прокуроромъ:—а мнѣ его очень жаль! Вмѣстѣ, въ одно время, хоронили его съ богачемъ М-ѣшковымъ: сколько было вѣнковъ для М-ѣшкова и хоть-бы кто-нибудь догадался удѣлить хоть одинъ вѣнокъ для Хоботова!.. Еслибъ я знала, что все это такъ будетъ,—я бы непремѣнно сама ему сдѣлала бы вѣнокъ... И что это за проповѣдь?!..

— А ты думаешь, Вѣра, что музыка была для капитана Хоботова? сказалъ прокуроръ: конечно,—въ честь М-ѣшкова, а не для Хоботова. Тутъ воспользовались только благовиднымъ предлогомъ, чтобы похоронить богача съ музыкой!..

. . . . . .

По удивительной иронiи судьбы капитану Хоботову довелось лечь въ могилу чуть не рядомъ съ знаменитымъ коммерцiи совѣтникомъ М-ѣшковымъ... Ихъ могилы раздѣляло только пятисаженное пространство, которое М-ѣшковымъ уже заблаговременно было откуплено для устройства ихъ семейнаго склепа.

Oct. 10-80.